АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ им. Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НОВАЯ СЕРИЯ, ТОМ XLVII

СРЕДНЕАЗИАТСКИЙ ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ СБОРНИК

II

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА — 1959

Ответственные редакторы:
Н. А. КИСЛЯКОВ, Т. А. ЖДАНКО

Л. Ф. МОНОГАРОВА

МАТЕРИАЛЫ ПО ЭТНОГРАФИИ ЯЗГУЛЕМЦЕВ

Знаешь ты историю племен,
Знаешь описания времен,
Знаешь ты, как бедствовал Памир,
От народов мира отделен

(*Мирза Турсун-Заде*)

Небольшая припамирская народность язгулемцы (самоназвание згамик) населяет живописную узкую долину реки Язгулем (по-местному Юздом), правого притока Пянджа, расположенную между высокими хребтами западного Памира (рис. 1). Река Пяндж, которая в нижнем и среднем течении, после слияния с Вахшем, принимает название Аму-Дарья, является одной из самых больших рек Средней Азии; вдоль нее на значительном протяжении проходит государственная граница СССР и Афганистана. Западная часть Памира (собственно Бадахшан) населена так называемыми «припамирскими народами»: язгулемцами, рушанцами, шугнанцами, ишкашимцами, ваханцами, значительная часть которых (кроме язгулемцев) живет по обоим берегам Пянджа; живущие по левому его берегу — подданные афганского эмира.

Бадахшан — горная страна, с труднопроходимыми высокими хребтами, на вершинах которых лежит вечный снег, а перевалы доступны лишь в течение нескольких летних месяцев. Долина Язгулема заключена между двумя хребтами: с севера это Ванчский или Ванч-Язгулемский, с юга — Язгулемский или Язгулемо-Бартангский. Ванчский хребет имеет только один доступный для пешего перехода перевал — Гушхон. Он проходим лишь летом и осенью — в течение 3—5 месяцев (высота 4150 м над уровнем моря). С расположенным на юге Рушаном сообщались до проведения Большого Памирского тракта через перевалы Одуди и Кумоч-Дара на Язгулемском хребте.

Река Язгулем образуется в результате слияния дух рек: Оби-Ракзоу и Мазор-Дара, берущих начало в районе ледника им. Федченко, и течет на протяжении примерно 100 км в узком ущелье с почти отвесными склонами. В верхнем течении реки долина шире, склоны гор покрыты растительностью; здесь имеются заросли арчи, встречаются также дикие яблони, вишни, береза и другие деревья. В горах, особенно в верхней части долины,— хорошие пастбища. В среднем и нижнем течении реки долина ее значительно сужается. Скалистые горы лишены растительности. Только на конусах выноса рек, где расположены кишлаки, растут фруктовые деревья: шелковица, абрикосы, яблони, вишни; в расположенных ниже по течению реки кишлаках растут также виноград, грецкий орех.

В окружающих долину горах водятся барсы, волки, лисы, зайцы, горные козлы — «нахчир», разные виды птиц: каменные куропатки, голуби, овсянки, воробьи. Из пресмыкающихся встречается много змей, в том числе ядовитых; из насекомых — фаланги и другие.

Долина изобилует каменистыми осыпями. Вдоль берегов реки проходят вьючные и пешеходные тропы (рис. 2 и 3), имеющие на левой стороне овринги — искусственно сооруженные карнизы, проложенные на почти отвесных склонах гор. Овринги сооружаются при помощи кольев, вбитых в расщелины скал, на которые настилаются ветви, хворост и насыпается затем битый камень и галька. Такие овринги вьются по отвесному склону на значительной высоте и достигают длины 150—300 м. Через реку Язгулем перекинуто несколько легких мостов (рис. 4). Благодаря проведению Большого Памирского тракта от столицы Таджикистана — Сталинабада до центра Горно-Бадахшанской автономной области — Хорога, долина Язгулема получила связь с культурными центрами.

* * *

Из-за труднодоступности горных хребтов западный Памир до второй половины XIX в. не был достаточно хорошо изучен исследователями. В 1879 г. русский ученый-востоковед И. Минаев писал: «Западная граница Памира пока еще не определена в точности, так как с этой стороны Памир остается не исследованным европейцами, и, кроме Вахана, ни одна из стран, лежащих по западной окраине Памира, не была посещена ими» [1].

Работы дореволюционных исследователей дали первые научные сведения по этнографии и истории припамирских народностей [2]. Главная заслуга в изучении материальной культуры, общественных и семейных отношений горцев западного Памира принадлежит русским ученым. Значительным вкладом в изучение этнографии припамирских народностей являются работы М. С. Андреева и И. И. Зарубина (см. прим. 2). Публикации иностранных исследователей в области изучения припамирских народностей в основном касаются лингвистики, исключение составляют работы датчанина О. Олуфсена [3] и немецкого исследователя А. Шультца [4], в которых мы находим довольно подробные сведения о хозяйстве, материальной культуре, семейных и общественных отношениях упомянутых выше народностей. Однако работа А. Шультца имеет существенный недостаток: автор описывает быт горцев в целом, не выделяя отдельных характерных особенностей рушанцев, шугнанцев, ваханцев и т. д.

После Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г. и гражданской войны в Таджикистане начата работа по изучению припамирских народностей, в силу исторических условий в значительной мере сохранявших пережитки первобытно-общинных отношений и доисламских верований.

---

[1] И. Минаев. Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи. СПб., 1879, стр. 19.

[2] Библиографию см. П. П. Иванов. Библиография Таджикистана. Ташкент, 1926; А. Г. Бюснек и Н. М. Зельдович. Этнография народов Памира. Список литературы на русском языке. Сб. «Советская этнография», III. М.— Л., 1940.

[3] O. Olufsen. Über die Dänische Pamir-Expedition im Jahr 1896. «Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde», Bd. 24. Berlin, 1897; idem. Die zweite Dänische Pamir Expedition. «Verhandlungen der Gesellschaft für Erdkunde», Bd. 27. Berlin, 1900; idem. Through the unknown Pamirs (Vakhan and Garan). London, 1904.

[4] A. Schultz. Die Pamirtadschik. Giessen, 1914.

С 1924 г. возобновляются научные экспедиции и командировки в припамирские районы; результатом этих поездок явились работы известных таджиковедов: М. С. Андреева, И. И. Зарубина, А. А. Семенова, Е. М. Пещеревой, А. К. Писарчик, Н. А. Кислякова и других. Появляется серия работ В. В. Гинзбурга и Л. В. Ошанина по антропологии населения

Рис. 2. Долина р. Язгулем (Здесь и ниже фото и рисунки автора)

Припамирья. С 1947 г. на Памире и в припамирских районах начаты археологические работы, результаты которых в сочетании с историческими, этнографическими и антропологическими данными должны помочь уточнить и шире осветить происхождение и исторические пути развития припамирских народностей.

Население долины Язгулема вследствие ее географической изолированности долгое время оставалось совсем не изученным. Одно из первых упоминаний в литературе о Язгулемской долине относится к концу XIX в. Ботаник А. Регель, в 1882 г. первым из русских посетивший Шугнан, в короткой заметке [5] сообщал, что жители Язгулемской долины говорят на особом языке и своей наружностью и правами отличаются от дарвазцев. Заслуживает упоминания небольшая работа Н. Бронникова [6], в которой автор дает краткие сведения по Язгулему; описывает пути сообщения между кишлаками, коротко жилище и одежду населения. Крайне неполный материал по Язгулему можно почерпнуть в статье М. А. Кирхгофа «Из

[5] А. Регель. Поездка в Каратегин и Дарваз. «Изв. РГО», т. 17, вып. 2, 1882.
[6] Н. Бронников. От Хорога до Ванча. «Русский Туркестан», т. 1. Ташкент, 1899.

а

б

Рис. 3. Тропы по берегам р. Язгулем:
а — по правому берегу, *б* — по левому берегу

поездки на Памиры» [7]. Изданная в 1901 г. работа С. Д. Масловского «Гальча» [8] была с антропологической стороны подвергнута критике В. В. Гинзбургом, но для нас она интересна тем, что автор дает довольно подробные сведения о жителях Язгулема. Он отмечает, что население долины неоднородно: в среднем течении реки оно состоит из таджиков, в нижнем — из особого племени — «язгулонцев». Автор дает характеристику суровой и бедной природы, окружающей язгулемцев, кратко описывает жилище, одежду, обряды.

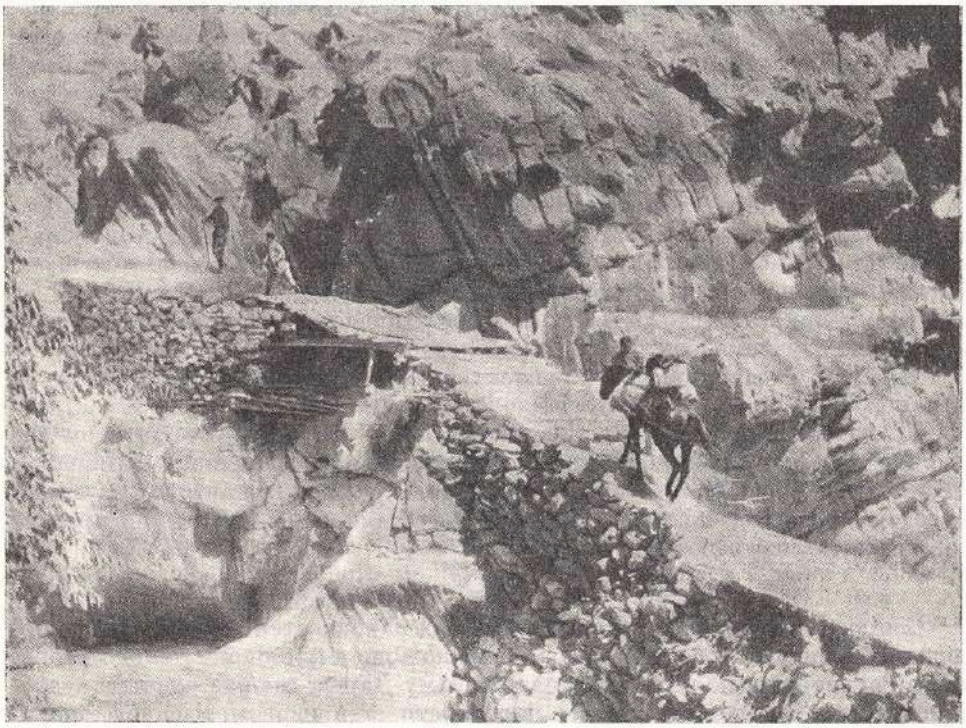

Рис. 4. Мост через р. Язгулем

С. Д. Масловским собран также материал по языку населения, неизвестному науке до 1900 г.

Первым европейцем, прошедшим долину Язгулема в 1909 г. с верховьев вниз, был Н. Косиненко — автор статьи «По тропам, скалам и ледникам Алая, Памира и Дарваза» [9]. В то время верхняя часть долины обозначалась на картах пунктиром. Автор отмечает, что из-за трудности дорог в верхних кишлаках не появлялся ни один из чиновников бухарского эмира, однако от жителей кишлаков, лежащих выше Джамака, убагынский староста посылает дарвазскому беку 100 рублей. Сообщение по Язгулему пешее, в верхнем Язгулеме нет даже лошадей.

[7] М. А. Кирхгоф. Из поездки на Памиры. «Изв. Туркестанского отд. РГО», т. II, вып. 1. Ташкент, 1900.

[8] С. Д. Масловский. Гальча (первобытное население Туркестана). «Русский антропологический журнал» («РАЖ»). М., 1901, кн. VI, № 2.

[9] Н. Косиненко. По тропам, скалам и ледникам Алая, Памира и Дарваза». «Изв. РГО», т. 51, вып. 3, 1915.

В 1914 г. французский лингвист Р. Готио по пути от устья Язгулема до Ванча сделал ряд записей, на основании которых появилась его работа о диалекте язгулемцев [10]. Известный русский лингвист и этнограф И. И. Зарубин кратко касается языка язгулемцев в своих работах «Два образца припамирской народной поэзии», «Два язгулемских текста» (две сказки с лингвистическими комментариями, изданные за границей в 1936 г. [11]). М. С. Андреев еще в 1904 г. путем расспросов собрал сведения о язгулемском языке у пришедших на заработки в Ташкент язгулемцев; составлены таблицы глаголов, изданные в 1930 г.[12] Этнографические сведения о язгулемцах встречаются и в других работах М. С. Андреева [13]. В 1949 г. опубликован интересный материал М. С. Андреева о похоронных обрядах язгулемцев, собранный им значительно раньше [14]. Заслуживает внимания небольшая статья С. И. Климчицкого «Секретный язык у ягнобцев и язгулемцев» [15], материалы о котором были собраны автором на месте в 1934—1935 гг. Из иностранных исследований по языку интересна работа немецкого лингвиста В. Ленца о памирских диалектах [16].

В 1947 г. Институтом этнографии Академии наук СССР была организована таджикская экспедиция. Трое из ее участников: начальник экспедиции Н. А. Кисляков, архитектор В. Л. Воронина и автор настоящей работы — проводили сбор материалов в долине Язгулема. В 1948 г. Н. А. Кисляков опубликовал этнографический очерк, представляющий собой первое в истории изучения язгулемцев наиболее полное описание их жизни [17]. Статья В. Л. Ворониной дает архитектурное описание типов жилища этих районов [18].

По материалам поездок в Язгулем в 1947, 1948 и 1953 гг. автором настоящей работы опубликованы статьи: «Язгулемцы западного Памира» и «Кишлаки в облаках» [19]. Полевые материалы, собранные автором за время поездок в Язгулем, явились основным источником при написании предлагаемой читателю работы.

* * *

Вопрос о происхождении припамирских народностей на основании имеющихся в литературе материалов не может еще быть окончательно разрешен. Территория по верхнему течению Аму-Дарьи, где расселены в настоящее время интересующие нас народности, а в первом тысячелетии до нашей эры жили их отдаленные предки, была центром формирования ин-

[10] R. Gauthiot. Notes sur le Jazgoulami, dialecte iranien des confins du Pamir. «Journal Asiatique», 1916, mars-avril.

[11] И. И. Зарубин. Два образца припамирской народной поэзии. «Доклады Российской академии наук», серия 13, 1924, октябрь — декабрь; его же. К списку памирских языков. «Доклады Российской академии наук», серия 13, 1924, апрель — июнь; I. I. Zarubin. Two yazghulami Texts. «Bulletin of the School of Oriental Studies», University of London, vol. VIII, 1936, pt. 2—3.

[12] М. С. Андреев. Язгулемский язык. Таблицы глаголов. Л., 1930.

[13] М. С. Андреев. Среднеазиатская версия Золушки (Сандрильоны), святая Параскева Пятница. Див-и Сафид. «По Таджикистану», вып. 1. Ташкент, 1927; его же. Из материалов по мифологии таджиков. Там же; его же. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. Ташкент, 1928.

[14] М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений. «Изв. Тадж. филиала АН СССР», № 15. История и этнография. Сталинабад, 1949.

[15] С. И. Климчицкий. Секретный язык у ягнобцев и язгулемцев, «Тр. тадж. базы Академии наук. История — язык — литература», т. IX, 1940.

[16] W. Lentz. Pamir-Dialecte. Göttingen, 1933.

[17] Н. А. Кисляков. Язгулемцы. «Изв. ВГО», т. 80, вып. 4, 1948.

[18] В. Л. Воронина. Жилища Ванча и Язгулема. Сб. «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951.

[19] Л. Ф. Моногарова. Язгулемцы западного Памира. «Советская этнография», 1949, № 3; ее же. Кишлаки в облаках. «Вокруг света», 1952, № 8.

до-иранских племен. В IV—III вв. до нашей эры здесь жили бактрийцы-земледельцы. Массагеты-юэчжи и саки Тянь-Шаня, появившиеся здесь во II в. до нашей эры, в значительной части смешались с древним аборигенным населением. К сожалению, мы не располагаем такими археологическими материалами, которые могли бы помочь разрешению проблемы этногенеза припамирских народностей, кроме данных, полученных первой археологической экспедицией на Памир, организованной в 1947 г. под руководством А. Н. Бернштама Ленинградским отделением Института истории материальной культуры и Ленинградским Государственным университетом. Эти данные говорят о резком различии археологических памятников западного и восточного Памира, что совпадает с современной этно-лингвистической границей. «Восточный Памир,— пишет А. Н. Бернштам,— представлен памятниками кочевников, западный — памятниками оседлого населения... начало оседлых поселений документируется даваньским периодом (греко-бактрийское время)»[20]. В другой своей работе[21] А.Н. Бернштам определяет даваньскую культуру как культуру населения, занимавшегося земледелием и скотоводством, относя ее ко времени III — I вв. до н. э.

Народности западного Памира сохранили до нашего времени тип хозяйства своих отдаленных предков. Вероятно, интересующие нас припамирские районы являлись границей древнего Тохаристана, в состав которого по мнению Н. А. Кислякова, входили Каратегин, Дарваз и Бадахшан[22]. А. Н. Бернштам убедительно показывает связь расцвета строительства крепостей на западном Памире с кушано-эфталитским периодом[23]. Датировка определяется им керамикой красного лощения, планом крепостей в Ваханс (Ямчун — более старой и Ка'ака — более поздней). Эфталитский период определяется слюдяной керамикой, сходством архитектурных элементов (конструкция стен, башен, бойниц, античный размер кирпича и т. д.) с памятниками афригидского Хорезма, с несогдийскими памятниками среднеазиатского междуречья, сасанидского Ирана и некоторыми памятниками Афганистана той эпохи.

Для изучения вопроса об этногенезе припамирских народностей важны сведения китайских источников, из которых мы узнаем, что интересующие нас районы в VII в. н. э. были заселены хорошо известными китайцам оседлыми народами. Народы эти занимались земледелием и скотоводством, продолжая традицию своих предков — основателей поселений даваньского периода греко-бактрийского времени (III — I вв. до н. э.) на западном Памире. Сюань Цзан (или Сюань Чжуан), проезжавший через Вахан в 640 г., писал, что жители «...сеют немного пшеницы... культивируют в небольшом количестве овощи и разводят довольно цветов и плодовых деревьев. Страна эта производит отличных лошадей, небольшого роста, но легко выдерживающих долгие путешествия... Одежды употребляются шерстяные. Глаза у большей части жителей зелено-голубые... Прежде эта страна не знала учения Будды и поклонялась злым духам»[24].

---

[20] А. Н. Бернштам. Археологические памятники Памира. «Кр. сообщ. ИИМК», т. XXVI, 1949, стр. 129.

[21] А. Н. Бернштам. Древняя Фергана. «Кр. сообщ. ИИМК», т. XXI, 1947, стр. 87.

[22] Н. А. Кисляков. История Каратегина, Дарваза и Бадахшана. Сб. «Мат. по истории таджиков и Таджикистана». Сталинабад, 1945, стр. 83—84.

[23] А. Н. Бернштам. Археологические памятники Памира, стр. 129—130.

[24] Н. А. Аристов. Этнические отношения на Памире и в прилегающих странах по древним, преимущественно китайским, историческим известиям. «РАЖ», 1902, кн. 11, № 3, стр. 62—63 (см. также Н. Я. Бичурин. «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена». М.— Л., 1950, т. II, стр. 323—324).

В конце VIII в. в горных районах по обоим берегам Пянджа появились арабы. У арабских географов IX—X вв. мы находим упоминание о Припамирье. Так, ибн-Хордадбех пишет, что Рашт составляет границу Хорасана; Якуби и ибн-Руста дают географическое описание Рашта, указывая на то, что это — местность, граничащая со страной тюрков. Арабским географам были известны Вахан, Шугнан (Шиканан) и Керран, в которых (по В. В. Бартольду) [25] и следует видеть Рушан и Дарваз. В X в. эти области в политическом отношении были, по-видимому, подчинены арабам [26]. В конце X в. Вахан — деревня, называвшаяся воротами в Тибет. Здесь был таможенный и охранный пост арабов [27].

Таким образом, в X в. Бадахшан и припамирские районы являлись крайней восточной границей владений саманидов и мусульманского арабского халифата в целом. В эпоху саманидов (X в.) закончился процесс формирования таджикской народности. Однако, несмотря на то, что в основе формирования таджиков и припамирских народностей лежат одни и те же племена, припамирские народности, в силу ряда исторических причин, в то время еще не были вовлечены в процесс консолидации таджикской народности. Припамирцы находились на периферии территории формирования таджиков и к тому времени не имели с таджиками, кроме общих отдаленных предков, ни значительных территориальных связей, ни значительной культурной и языковой общности. Припамирские народности, населяющие ущелья и долины западного Памира — язгулемцы, рушанцы, шугнанцы, ишкашимцы, ваханцы (всех их объединяет общность происхождения и языков) — были географически изолированы друг от друга (в течение многих месяцев в году) и не имели развитых территориальных, экономических и культурных связей, вели замкнутую жизнь в своих труднодоступных долинах и не понимали языка друг друга.

Географическая изолированность сыграла определенную роль в историческом развитии язгулемцев, которым было трудно общаться с более развитым в культурном отношении населением Дарваза и Бухары, с одной стороны, и со своими южными соседями: рушанцами, шугнанцами и т. д.— с другой.

В антропологическом отношении население долины Язгулема почти ничем не отличается от других припамирских народностей. О распространении расового памиро-ферганского типа на территории, занятой в прошлом древними иранскими племенами, а ныне — припамирскими народностями, говорят материалы раскопок А. Н. Бернштама [28]. Современное население Припамирья антропологически хорошо изучено советскими исследователями В. В. Гинзбургом и Л. В. Ошаниным [29]. В. В. Гинзбург изучал антропологический тип таджиков Дарваза, ванчцев, а Л. В. Ошанин — рушанцев, шугнанцев, ишкашимцев и ваханцев. Язгулемцы были исследованы автором настоящей работы летом 1948 г. Антропологические материалы (было обследовано: мужчин — 61, женщин — 39), позволили профессору Г. Ф. Дебецу сделать вывод о том, что язгулемцы являются типичными представителями европеоидного памиро-ферганского типа.

[25] В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, СПб., 1900, стр. 66—67.

[26] Там же.

[27] «Худуд ал-Алем» (рукопись Туманского), с введением и указателем В. В. Бартольда. Л., 1930, стр. 27.

[28] А. Н. Бернштам. К вопросу об Усунь-кушан и тохарах. «Советская этнография», 1947, № 3, стр. 45.

[29] В. В. Гинзбург. Горные таджики. «Тр. Ин-та антропологии, этнографии и археологии», т. XVI, серия 2, 1937; Л. В. Ошанин. Иранские племена западного Памира, т. 1. Ташкент, 1937; Л. В. Ошанин и В. Я. Зезенкова. Вопросы этногенеза народов Средней Азии в свете данных антропологии. Ташкент, 1953.

Об общности происхождения язгулемцев с остальными припамирскими народностями и иранскими народностями Афганского Бадахшана говорят и данные лингвистики. В лингвистическом отношении термин «припамирские» или «памирские» языки объединяет, кроме языков горцев западного Памира: язгулемцев, рушанцев (вместе с бартангцами и орошорцами, хуфцами), шугнанцев, ишкашимцев и ваханцев, населяющих бассейны рек Язгулема, Бартанга, Гунта, Шах-Дары, Вахан-Дарьи и занимающих часть левого, афганского берега Пянджа, также языки населения ряда кишлаков Афганского Бадахшана — Зебака, Санглича, Сергуляма, Мунджана и язык сарыкольцев в пределах Синьцзянско-Уйгурского автономного р-на (Китай). Эти языки относятся к восточно-иранской группе. М. С. Андреев считает, что припамирские языки развились на почве древних сако-памирских языков, принадлежащих к иранской группе индоевропейских языков [30]. На основании приведенных выше материалов можно заключить, что современное население Припамирья — смешанного происхождения и имеет общие с таджиками корни этногенеза. Можно думать, что заселение глухих долин верхнего Пянджа происходило в виде ряда миграционных волн, идущих с Запада (с территории современного Афганистана и южных районов Таджикистана). Особенно усилилась миграция населения после V—VI вв. в связи с продвижением в Среднюю Азию тюрок (а впоследствии и монголов), от которых местное население спасалось в ущельях западного Памира, не привлекавших завоевателей-скотоводов, нуждавшихся в больших степных просторах для пастьбы своего скота. И до самого последнего времени (мы имеем в виду последние 2—5 поколений) не прекращались миграционные движения населения.

Освоение Язгулемской долины шло постепенно и связано с общими миграциями населения в горном Бадахшане. Язгулемцы сохранили ряд преданий о переселении в Язгулем из Афганского Бадахшана, Каратегина и некоторых районов Припамирья. Эти переселения вызывались усилением налогового бремени, притеснениями завоевателей. Часть родственных групп — «каум», или «каун» [31], автохтонна. Таковы «факирские» [32] каумы Холумбеги, Нурмахмади, Бахти, Джанги, Баджилы, Ниозай, Кыргыз, Шокири, Джобирай, Турк, Юбаки, Бекмахмади, Джамаки, Шогуни, Широмарди, Бельбелье, Шобеги, Легмони, Паноай, Факири; факирские же каумы Толиби, Ниесбеги, Шуляк и Кадамшо переселились, по преданию, шесть поколений тому назад из кишлака «Ясколун», находящегося в Каратегине, а каумы Хиоли и Худжо, переселившиеся четыре поколения тому назад, пришли в Язгулем первые — из Ванча (Ванджа), вторые — из Вахио [33]. Каумы Кушкори и Шомахмади пришли шесть поколений тому назад из Рушана, с Бартанга. В верховьях Язгулема жили члены каума Маргови, пришедшие из Шугнана. В 1948 г. нам уже не удалось застать

---

[30] М. С. Андреев. По этнографии таджиков. Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925, стр. 162.

[31] «Каум», арабск.— семья, народ, группа, люди. Язгулемцы переводят слово «каум», или «каун», как термин, обозначающий родственную группу людей, родственников. Дети принадлежат к кауму отца.

[32] «Факир», арабск.— простой человек, бедный, неимущий; так в Язгулеме называли каумы трудящихся земледельцев, а «мирские» каумы — «благородное» сословие, из среды которого выбирались правители, назначаемые в Язгулеме администрацией Дарвазского бекства; члены этих каумов пользовались некоторыми льготами в налоговом отношении; об этом см. в главе «Очерк общественных и семейных отношений».

[33] Информаторы: Мафиль Широв, Альви Широв, каум Толиби, кишл. Зайч, 16.VIII 1948; Арбоб Азиз, каум Толиби, кишл. Джафак, 17.VIII 1948; Ходжа Назар, каум Баджилы, кишл. Богуз, 17.VIII 1948; Бодуров Шом, каум Шомахмади, кишл. Убагн, 18.VIII 1948; Махмадулло-Бек Кыргызов, каум Толиби, кишл. Джамак, 15.VIII 1948.

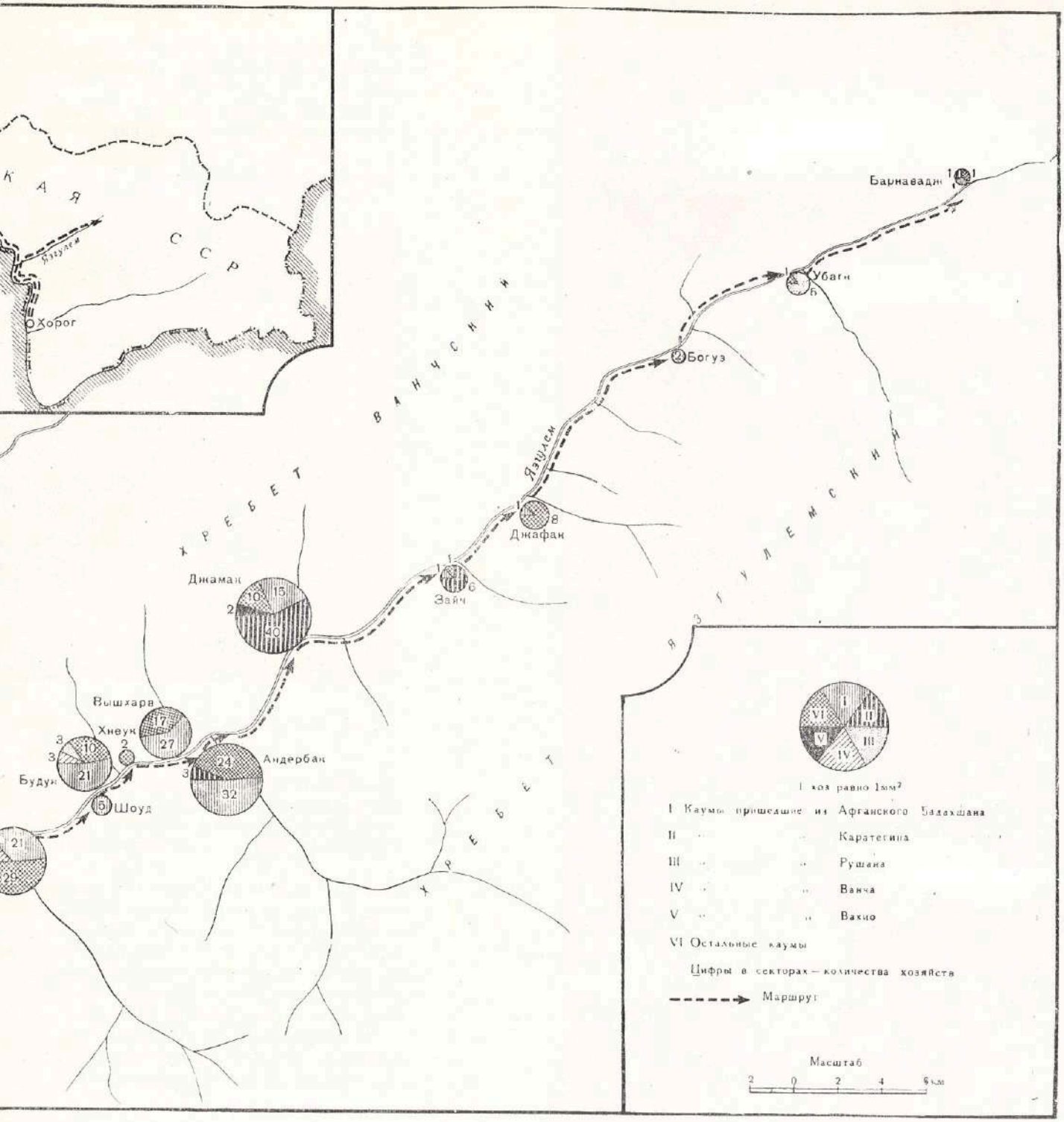

Рис. 1. Карта-схема расселения каумов в Язгулеме

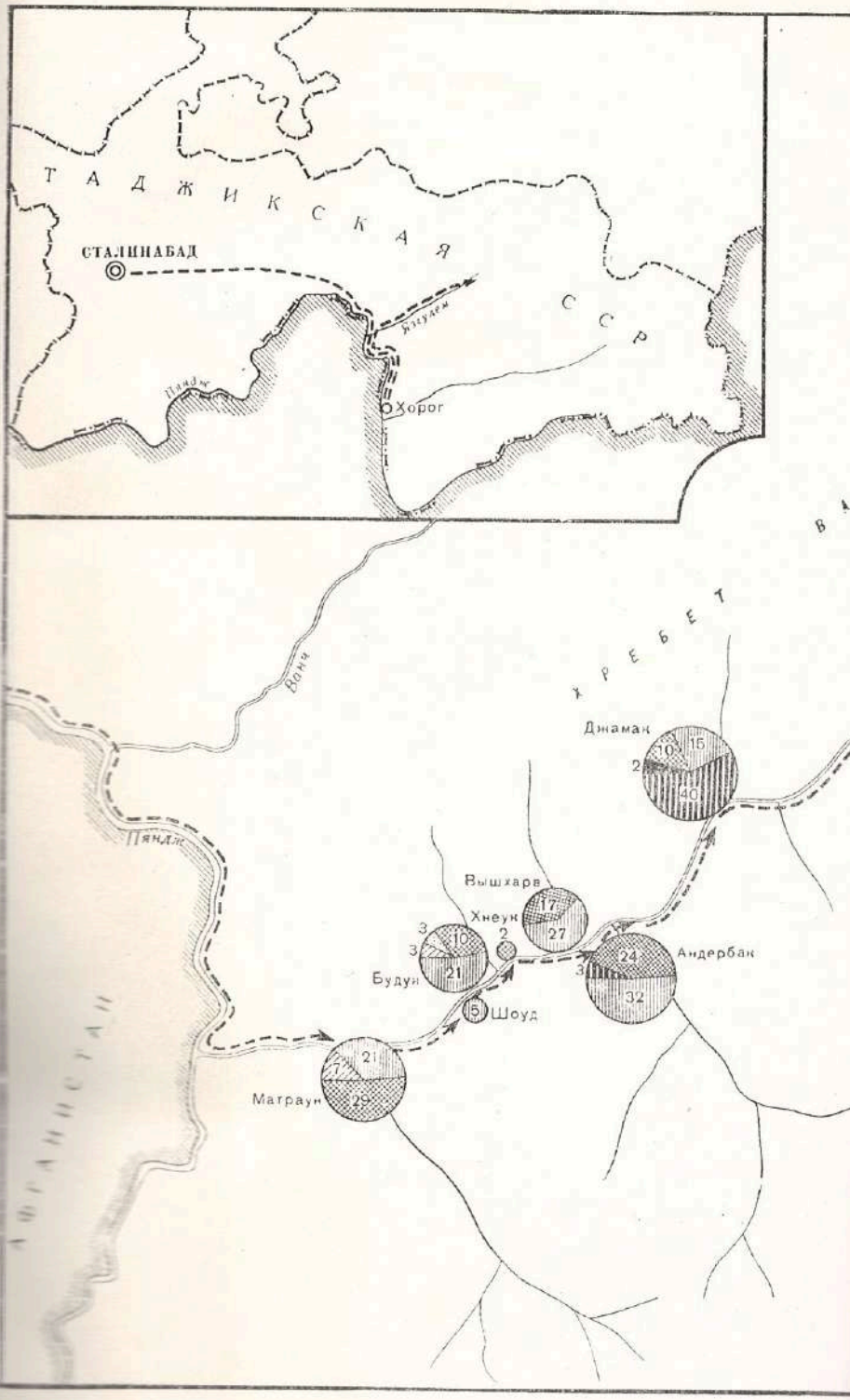

Рис. 1. Карта-схема расселе

в Язгулеме мужчин из этого каума, так как последний из Маргови не имел сыновей,— каум исчез.

Предание повествует о том, что «мирские» каумы Мирбони, Замони и Давлят Махмади переселились из Афганского Бадахшана [34]. Пять поколений тому назад некто Мирофуддин и его три сына — Мирбон, Замон и Давлят Махмад с семьями, спасаясь от притеснений бадахшанских правителей, бежали в Язгулем из Рангштуптупа (возможно, кишлак Ранг, находящийся в Афганском Ишкашиме). Некоторое время спустя пришельцы из «мирских» каумов, силой оружия подчинили себе «факирские» каумы, уже освоившие земли в долине, и заставили их работать на себя.

Предания язгулемцев об их приходе в долину Язгулема связаны с преданиями других припамирских народностей [35] о переселениях с запада, а также единичных, более поздних переселениях в обратном направлении в горах (например, переселение в Язгулем из Рушана и Шугнана).

Имеющиеся данные позволяют предполагать, что долина Язгулема осваивалась постепенно. Большее число жителей сосредоточено в кишлаках, расположенных в нижнем и среднем течении реки, до кишлака Джамак. Далее по среднему и верхнему течению реки находятся небольшие кишлаки, своего рода выселки из кишлаков, лежащих в нижнем течении реки, и из других мест. Члены «мирских» каумов живут главным образом в нижнем течении, «факирских» — по всей долине. Вследствие недостатка годной для обработки земли, территориальное единство каума в Язгулеме сохранить было трудно и при разрастании каумов часть больших семейных общин должна была подниматься вверх по реке, осваивая новые земли. Например, в кишлаки верхнего Язгулема переселились «факирские» каумы Шобеги из кишлака Будун, Толиби — из кишлака Джамак (последний каум переселился еще при жизни старика Шах-Камона, внука родоначальника каума; Шах-Камон, прожив 130 лет, умер в 1937 г.).

Таким образом, можно считать, что население долины Язгулема — смешанного происхождения; сложилось оно из потомков аборигенного населения и пришлых, родственных между собой этнических элементов. Общность происхождения пришлых групп и коренного населения, проявившаяся в общности языка, антропологического типа и культуры, дала возможность этим пришлым группам легко и быстро ассимилироваться с коренным населением, так же, как это имело место с рядом родственных групп, пришедших из Рушана и Шугнана, Ванча и Вахио.

Как известно из письменных источников [36], в последней четверти XIX в. Язгулем в числе других владений принадлежал последнему самостоятельному дарвазскому ша — Сараджеддину, а затем вошел в Дарвазское бекство Бухарского эмирата; его дальнейшая история тесно связана с историей эмирата. После национального размежевания Средней Азии, Восточная Бухара, куда входил Дарваз с Язгулемом, отошла к Таджикской АССР. В 1927 г. в Язгулеме было два джамагата (сельсовета) в кенте [37] Ванч, Калаи-Хумбского тумана [38]. В 1953 г. Язгулем — это территория кишлачного совета Ванчского района Горно-Бадахшанской автономной области Таджикской ССР.

---

[34] Информаторы: Мамед Гавос Саломов, каум Мирбони, кишл. Андербак, 2. IX 1947; Манон Бобоев, каум Толиби, кишл. Джамак, 11. VIII 1948.

[35] А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа. М., 1908, стр. 15,18,19, 24—25.

[36] Кузнецов. Дарваз. Изд. Ферганского областного статистического комитета. Новый Маргелан, 1893, стр. 4—5.

[37] «Кент» — старое узбекское слово, обозначающее крупный населенный пункт, туман — район.

[38] ЦГИА Тадж. ССР, ф. 19, оп. 1, д. 638, 1. IV 1931; Б. Морозов. Горно-Бадахшанский вилайят. «Бюллетень ЦСУ Уз. ССР», № 16, 1927, стр. 3.

1. ОЧЕРК ХОЗЯЙСТВА И МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Основой хозяйственной деятельности язгулемцев, как и других припамирских народностей, является земледелие высокогорного типа при искусственном орошении и скотоводство с летними откочевками в горы. Вследствие каменистой почвы конусов выноса, на которых расположены язгулемские кишлаки, поля поражают своими миниатюрными размерами. Дополнительно возделывают землю на склонах гор, там, где позволяет почва.

До коллективизации крестьянских хозяйств большая патриархальная семья (называемая «куд» — дом), насчитывавшая до 50 членов, имела земли в среднем на 125 «такья» (тюбетеек) [39]. Богатые люди, преимущественно главы «мирских» каумов («благородное» сословие) сеяли до 300 такья, а другие, в основном — факиры (простой народ) 50 такья и меньше. Вся пахотная земля больших патриархальных семей считалась собственностью каума, но находилась во владении отдельных семей; пастбищные же земли по большим семьям не делились.

Уже в первые годы после установления советской власти [40] язгулемцы стали перестраивать свое хозяйство на социалистических началах. Товарищества по совместной обработке земли создавались с 1932 г. С 1936 г. началась организация первых сельскохозяйственных артелей. Как и по всей стране, коллективизация проходила в условиях классовой борьбы; часть стариков из зажиточных семей запугивала дехкан «наказанием божьим» за обобществление земли. Несмотря на это дехкане массами объединялись в колхозы. К 1938 г. в Язгулеме исчезли единоличные хозяйства. В 1953 г. в сельсовете Язгулем было три колхоза: колхоз, объединяющий кишлаки Джамак, Зайг, Джафак, Богуз, Убагн, Барнавадж, колхоз, объединяющий кишлаки Андербак, Будун и выселок Хнеук, кишлак Вышхарв и выселок Лянгар; колхоз, объединяющий кишлаки Матраун и Шоуд.

Основными богарными (неполивными) культурами для Язгулема являются пшеница и ячмень. Причем на высоте более 2500 м над уровнем моря из злаков вызревает только ячмень. Все остальные посевы расположены на землях, искусственно орошаемых. Вода подается на поля и в сады по канавкам-арыкам, в которые она попадает из ключа, бьющего в горе и расположенного метров на 10—15 выше кишлака. Подача воды в арыки регулируется большим камнем — «шагт». Если воды не требуется, камень спускают в канавку, закрывая ее, и тогда вода из ключа меняет свое направление и уходит в реку Язгулем.

Сельскохозяйственный год в Язгулеме начинается в конце февраля, когда все жители собирают навоз — «ляль» для удобрения. В верхней части долины, где кишлаки расположены на высоте более 2500 м, все сельскохозяйственные работы начинаются месяцем позже. В марте навоз распределяют по полям. Поля под зерновые удобряют коровьим навозом, бахчи — навозом мелкого рогатого скота. Чтобы вызвать скорейшее таяние снега на полях, его посыпают землей. Посыпание снега землей у таджиков долины реки Хингоу отмечено М. Р. Рахимовым [41]. В апреле поле пропахивают на

---

[39] Площадь участка земли измерялась количеством зерна, которое на ней можно было посеять. Единицей измерения зерна был объем одной тюбетейки.

[40] Напомним, что Бухарская народная советская республика, в составе которой был Язгулем, была образована в сентябре 1920 г.

[41] М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу в дореволюционный период. Труды АН Тадж. ССР, т. XLIII, Сталинабад, 1957, стр. 54—55.

быках «гив» один-два раза, затем еще раз орошают, удобряют и снова пропахивают. Для орошения проводят сохой на расстоянии одного-двух метров друг от друга борозды, по которым пропускают воду (рис. 5). Пашут деревянной сохой — «спер» типа обычного среднеазиатского омача (рис. 6, *а, б*). Язгулемская соха представляет собой тупоугольный брус, на

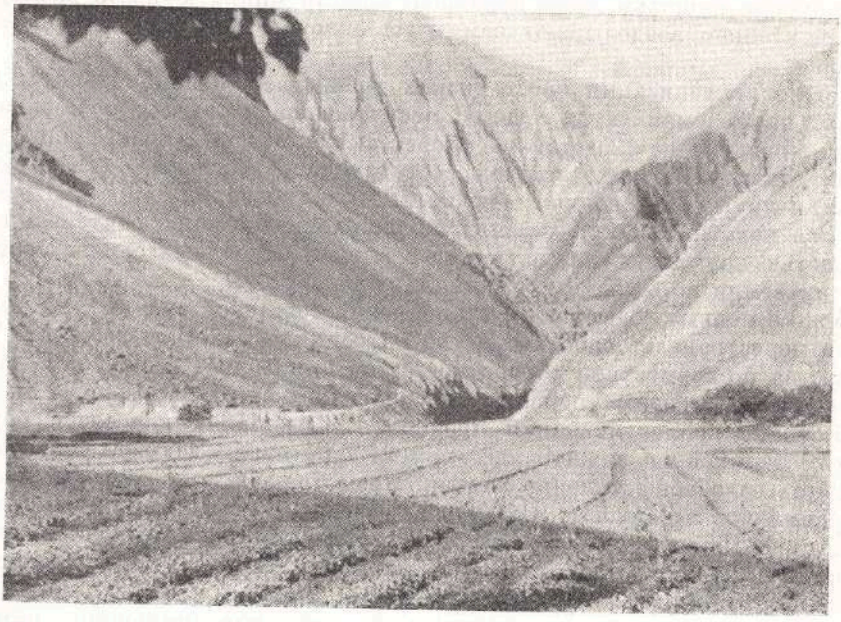

Рис. 5. Вид поля с бороздами, по которым пускают воду для орошения

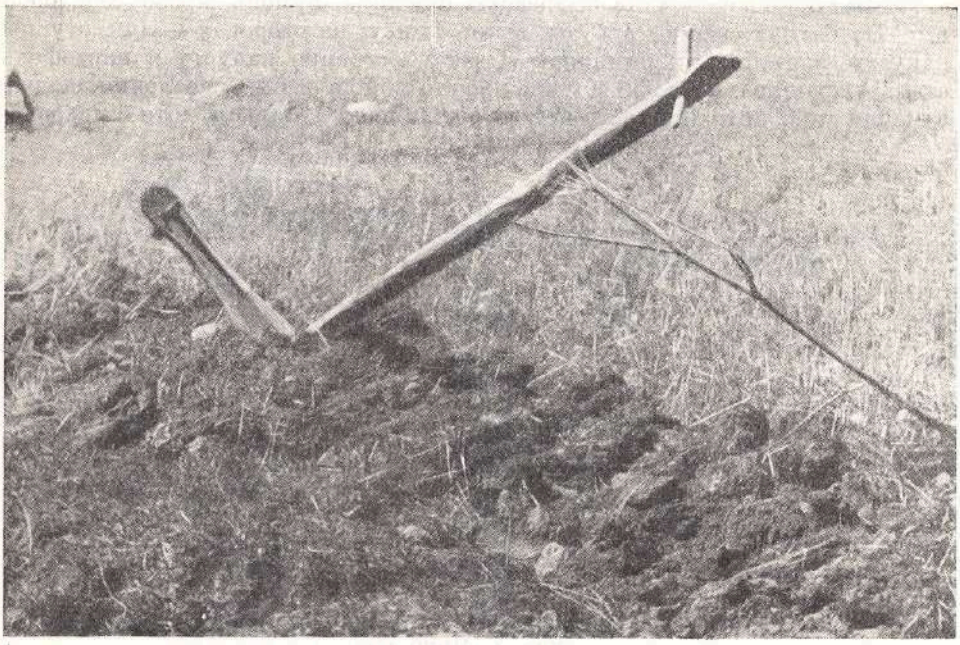
рабочий конец которого надевается железный наконечник (лемех) — «спон». В средней части брус имеет отверстие, через которое проходит деревянное дышло — «фильвез», соединяющее соху с ярмом — «ёг». В верхней части сохи прикреплена через сквозное отверстие деревянная ручка — «мухтук». Язгулемский спер имеет почти одинаковую форму с сохой шугнанцев [42] и с пахотным орудием дарвазцев бассейна реки Хингоу [43]. Часто после пахоты землю рыхлят кетменями — «каноджь» и выравнивают деревянным орудием «вурдаджак», представляющим собой вид двустороннего кетменя овальной формы, выпуклого с внешней стороны и вогнутого с внутренней. Борону заменяет «чапар» — своеобразная плетенка из сучьев, хорошо описанная Н. А. Кисляковым [44]. Пашут на паре быков. Ярмо прикрепляется веревкой «хоёг» к дышлу, имеющему иногда два-три отверстия на некотором расстоянии от края. Несколько отверстий делается для того, чтобы регулировать глубину вспашки; веревка продевается в одно из отверстий и соединяется с ярмом. Само ярмо (рис. 7) имеет форму, характерную в общих чертах для прилегающих стран Припамирья и Дарваза.

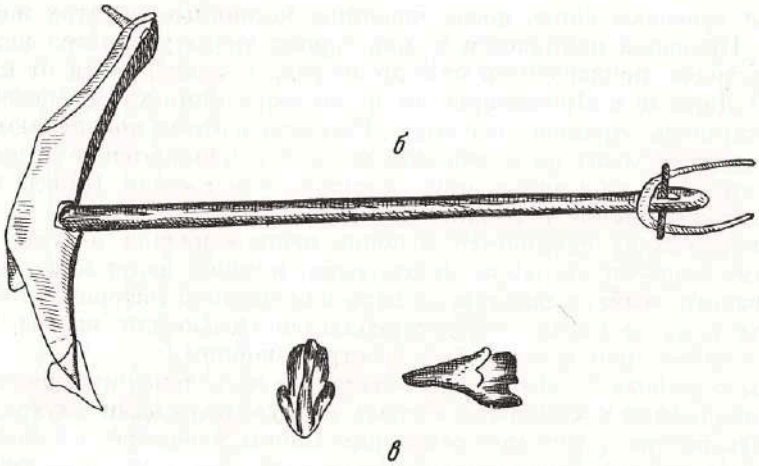
[42] Н. И. Вавилов и Д. Д. Букинич. Земледельческий Афганистан. Л., 1929, стр. 180—181, рис. 130, 131.

[43] Н. А. Кисляков. Старинные приемы земледельческой техники и обряды, связанные с земледелием, у таджиков бассейна реки Хингоу, «Советская этнография», 1947, № 1, стр. 115.

[44] Там же, стр. 116.

а

б

в

Рис. 6. Язгулемская соха «спер»:
а — в поле, *б* — общий вид, *в* — железный наконечник «споп» (вид сверху и сбоку)

В центре деревянного бруса сделано отверстие, в котором закрепляется веревка дышла. На обоих концах бруса, на равном расстоянии от края, имеется по два отверстия, в которые вставляются деревянные палочки «сынвирг»; между ними и находятся головы быков. Под шеей быков концы палочек закрепляются веревкой «выхт» (ёг выхта). Ввиду того, что в Язгулеме существует только вьючный транспорт, ярмо употребляется лишь при пахоте на быках. Сев производят обычно с конца апреля по май. По традиции сев начинает авторитетный старец «шогуни». Зерна разбрасывают вручную, сеятель следует непосредственно за пахарем.

В Язгулемской долине вызревают пшеница, ячмень, просо, лен, бобовые. На бахчах сажают арбузы, дыни, тыкву; на огородах — лук, огурцы, капусту, картофель и помидоры. Овощи, особенно капусту и картофель, стали выращивать с 1938 г. Они прочно вошли в быт населения, подчас заменяя хлеб, которого часто не хватает до нового урожая, хотя в низовьях

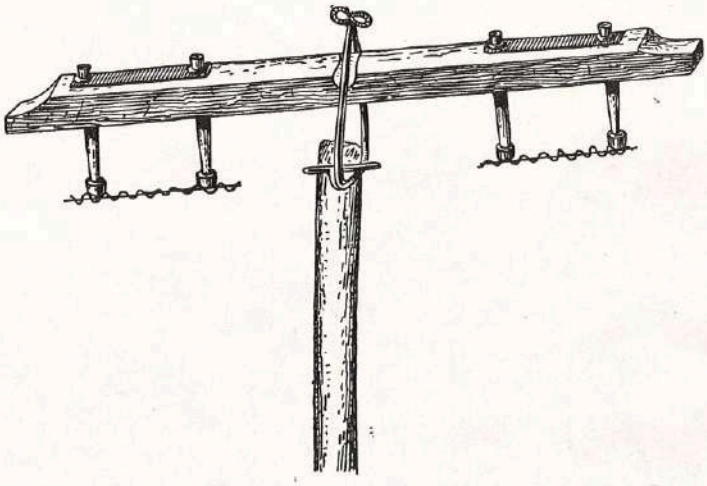

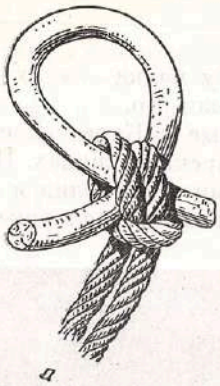
Рис. 7. Ярмо «ёг»

Язгулема успевают снять после пшеницы посеянные на этих же полях бобовые. Прополка начинается в мае, сорная трава удаляется кетменем. Полив всходов производится от 5 до 10 раз, в зависимости от качества почвы. В Дарвазе и Припамирье во время созревания хлебов посевы особенно тщательно охраняют от птиц. В Язгулеме к этому привлекаются подростки, которые ходят по краям посевов и перекликаются, голосом отпугивая птиц и бросая в них мелкие камешки, комья земли. Иногда за этим занятием можно видеть и стариков.

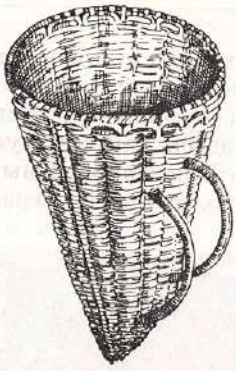
Жатва — «цияч» начинается в конце июля — начале августа. Жнут железными серпами «зац»; на левую руку, которой берут колосья, надевают рукавицу «сабат», сшитую из меха или плотной материи, чтобы предохранить руку от укола. Зац употребляется только для жатвы хлебов. Он имеет сильно изогнутое лезвие с острым концом.

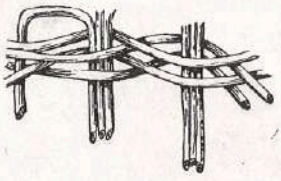
Снопы зерновых сносят на ток — «пагак», расположенный рядом с полем, и складывают в скирды — «сараг» и «ху», колосьями внутрь, чтобы уменьшить потерю зерна при осыпании. Снопы переносят на спине, как и всякий другой груз, привязывая его веревкой «выхт», продернутой через деревянное приспособление «чухт», имеющее вид рогульки (рис. 8, *а*). Веревка, придерживающая груз, проходит по плечам и укрепляется на поясе. Таким способом переносят снопы в низовьях долины, а в верховьях, начиная от кишлака Джамак, употребляют широко распространенные в Припамирье [45] доски для переноса снопов на спине — «кихт» (рис. 8, *б*). В Язгулеме это орудие состоит из доски «кихти тана» длиной примерно до 2 м и шириной около 25 см. На некотором расстоянии от концов вырезано продолговатое отверстие, сквозь которое проходят веревочные петли — «сварк». С внешней стороны доски прикреплена при помощи веревки на

[45] М. С. Андреев и А. А. Половцев. Материалы по этнографии иранских племен Средней Азии. «Сб. МАЭ». IX. СПб., 1911, стр. 26.

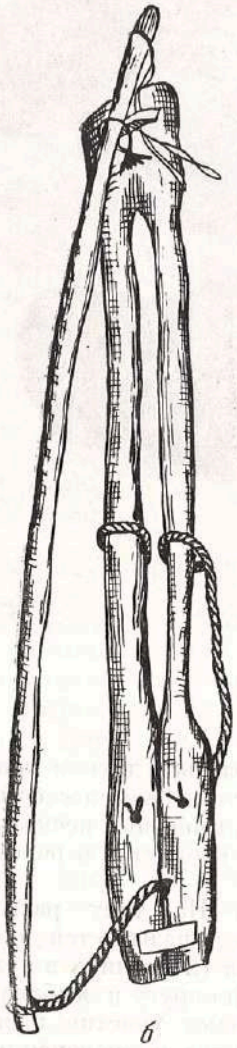

а

в

б

г

Рис. 8. Приспособления для переноса тяжестей:

а — деревянное приспособление для переноса груза «чухт», *б* — доска для переноса снопов «кихт», *в* — плетеная корзина для переноса груза на спине «собат», *г* — способ ношения корзины

одном конце и чухт на другом конце деревянная палка — «чах», которая придерживает положенный на кихт сноп, зажимая его.

Сани-волокуши — «чигина», распространенные в Каратегине и Дарвазе, отсутствуют здесь, как и в других припамирских районах. Н. А. Кисляков объясняет это незначительными размерами земледелия в долине [46]. Несомненно, однако, что здесь играет известную роль и сложный рельеф

Рис. 9. Молотьба «файн»

местности, зачастую не позволяющий пользоваться другим видом транспорта, кроме пешеходного. Траву переносят теми же способами. Жнут траву мужчины специальным серпом «радотц», имеющим несколько иную, отличную от зац форму: лезвие серпа менее изогнуто, и рабочая часть серпа имеет зубцы.

Молотьба начинается в конце августа. На току раскладывают снопы и прогоняют по ним быков; этот процесс называется «файн» или (по-таджикски) «галя-гоу». Обычно 4—5 быков (2 крайних в ярме и 2—3 средних, привязанных к ярму за рога) ходят по кругу и выбивают зерно ногами (рис. 9). Иногда в молотьбе принимают участие и женщины, главным образом когда надо произвести обмолот в укороченные сроки. Женщины, сидя на корточках, молотят снопы вручную орудием «чкекер»,

[46] Н. А. Кисляков. Язгулемцы, стр. 366.

представляющим собой мечевидный деревянный брус. Веют зерно по ветру деревянной лопатой «рыбаг»; часто используют для этой цели и вилы. В Язгулеме, как и в других припамирских районах, применяются вилы из трех зубьев — «сешох», четырех зубьев — «чоршох» и пяти зубьев — «пянджшох». Как в Рушане и Шугнане, язгулемские женщины просеивают зерно через решета «скуач» и «гальбир», отличающиеся друг от друга отверстиями разной величины. Мужчины относят провеянное зерно в амбары на спине в плетенных из ивняка корзинах «собат» (рис. 8, *в*, *г*) или в мешках, вьюком на ослах.

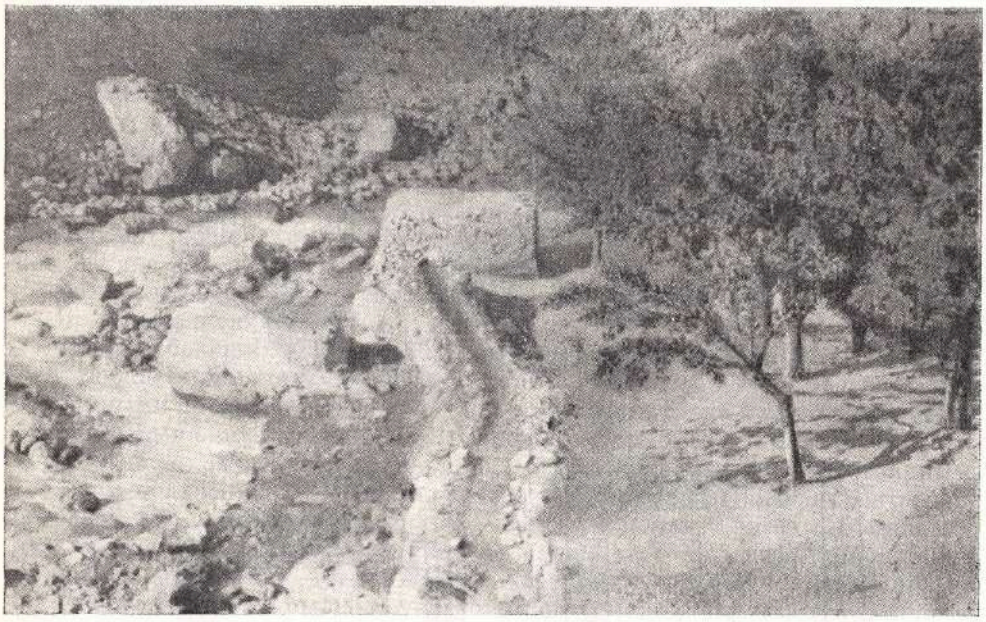

Рис. 10. Водяная мельница «хаёрг».

Зерно перемалывают на водяных мельницах «хаёрг» довольно примитивного устройства, имеющих вид плоскокрышего домика (рис. 10) и обычно расположенных по притокам Язгулема. В мельнице имеется два каменных жернова (рис. 11, *а, б, в*): «вобгар» — нижний и «тургар» — верхний. На четырех столбах лежат два бревна, огораживающие жернова; на бревнах укреплен «дур» — пирамидальный деревянный ящик, куда насыпают зерно или сухие плоды шелковицы, попадающие затем через железный совок («туктячь») в жернова. Мука высыпается в сделанное в полу углубление «увыб». Мельницу приводят в движение, пуская воду по канавке, ведущей воду в желоб «неу»; через него вода попадает на лопасти «пун» колеса «варн», ось которого выдается над полом мельницы стержнем «нарохан», соединяющим варн с нижним жерновом «вобгар». Чтобы прекратить работу мельницы, воду останавливают лопатой «парлавга» и открывают с другой стороны путь воде в реку.

В кишлаках много фруктовых деревьев. Основными из них являются шелковица — «мавиз» и абрикосы — «чирай». Имеются также яблони, немного вишневых деревьев, а в кишлаке Будун — грецкие орехи «гыз». Граница вызревания яблок — «маун» доходит до кишлака Богуз,

шелковицы и абрикоса — до Зайча. В кишлаках, лежащих в нижнем течении Язгулема, вызревает виноград — «визи». Фрукты по мере созревания сушат на солнце, заготовляя впрок.

Осенью происходит массовый сбор овощей и фруктов. Четыре женщины берут за концы большой кусок материи или одеяло, кто-нибудь палкой

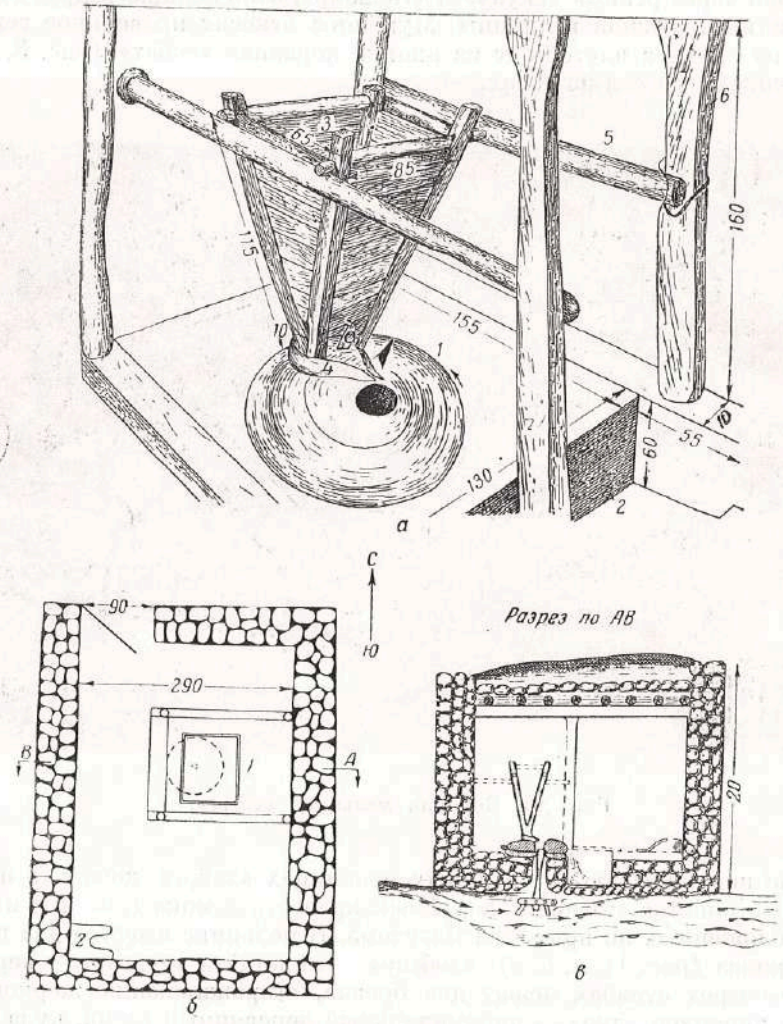

Рис. 11. Водяная мельница «хаёрг»:

а — внутренний вид; *б* — план: *1* — мельничное устройство, *2* — очаг «сын»; *в* — поперечный разрез: *1* — верхний жернов «тургар», *2* — углубление для муки «увыб», *3* — ящик для засыпки зерна «дур», *4* — железный совочек «туктячь», *5* — бревно: «гиляс», *6* — столбы для закрепления мельницы «стан».

стучит по ветвям дерева, и спелые фрукты падают в подставленное одеяло. Дети и подростки собирают их с земли в корзины. Затем фрукты заготовляют на зиму: режут яблоки и груши на куски и на крыше дома сушат на солнце; абрикосы и шелковицу сушат целиком. Сушеные абрикосы и ядрышки косточек нанизывают на нитки и в таком виде вешают в кладовой. Эти ожерелья из сушеного абрикоса являются своеобразными «консервами», которые берут с собой и в дорогу.

Фрукты и ягоды играют большую роль в питании населения, особенно шелковица, из которой приготовляют приятную на вкус муку — «туд», размельчая высушенные на солнце ягоды в маленькой ступке — «джуваза» или на мельнице. Часто прибавляют в нее размельченные ядрышки косточек абрикоса. Приготовленная смесь — «туд пуст» — вкусна и питательна. Так как своего хлеба в долине вплоть до последнего времени не хватало даже для удовлетворения нужд населения, то заготовке фруктов впрок придавалось большое значение.

До установления советской власти населению весной часто приходилось питаться травой. Многие умирали от истощения и голода. В настоящее время советское правительство оказывает язгулемцам широкую помощь. Если к весне запасы продуктов истощаются, государство субсидирует население пшеницей.

Как и в других районах Припамирья, листьями шелковицы вскармливают гусениц шелкопряда «рохни-гуза», или «зарди-гуза». Выкармливать гусениц начали с 1929 г. В каждом колхозе имеются деревья шелковицы. Часть гусениц шелкопряда выкармливают в колхозном саду, где за ними ухаживают специально выделенные колхозники, а часть грены раздается колхозникам на руки для выкормки гусениц в личных садах. Осенью колхозники сдают коконы («рохни-кярк», или «зарди-кярк»), за что получают деньги, шелк — «пиля» и пшеницу.

Из-за небольших размеров колхозных полей и каменистой почвы здесь невозможно применять машины, поэтому обработка полей производится старинными орудиями. Однако новая организация труда в колхозах способствует повышению урожайности. Основной формой организации труда в язгулемских колхозах является производственная бригада с постоянным составом колхозников. За бригадой закреплен определенный инвентарь и отведены для работы определенные участки на полях. Бригады — смешанные, состоят из мужчин и женщин, но звенья часто строятся по родственному признаку. Председатель колхоза вечерами совещается с бригадирами о ходе работ; бригадиры дают указания колхозникам, какую работу и кому предстоит выполнять на другой день. Женщины участвуют в работе вместе с мужчинами, тогда как в дореволюционное время язгулемки, как и женщины других районов Таджикистана, не принимали участия в полевых сельскохозяйственных работах (это можно объяснить как пережиток половозрастного разделения труда, широко бытовавшего у различных народов).

Однако и поныне сохраняется разделение на мужскую и женскую работу: женщина не участвует в пахоте и севе. В семейном хозяйстве женщина обязана готовить пищу, чинить и стирать одежду, прясть нитки, вязать теплые шерстяные чулки. На обязанности женщин в семье лежит также уход за скотом и заготовка молочных продуктов. Мужчина занят на ремонте и постройке жилых и хозяйственных помещений: хлева, кладовой и т. п., на нем лежит обязанность утепления дома к зиме, обмазка его глиной, а также заготовка дров, корма скоту, помол зерна и тута на мельнице, починка обуви.

Среди язгулемцев стойко сохраняется ряд старинных навыков, обрядов и поверий, связанных с сельским хозяйством. До недавнего времени старики пользовались сельскохозяйственным календарем, имеющим солнечное исчисление. Н. А. Кисляков сообщает о существовании подобного календаря и у таджиков бассейна Хингоу [47]. Наши информаторы сообщили

[47] Н. А. Кисляков. Старинные приемы земледельческой техники..., стр. 112. См. также М. Р. Рахимов. Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу..., стр. 165—168.

нам следующие названия месяцев:

Весна	— «хамаль»	(март — апрель)
(«багор»)	— «саур»	(апрель — май)
	— «джаузе»	(май — июнь)
Лето	— «саратон»	(июнь — июль)
(«оманьг»)	— «хасад»	(июль — август)
	— «сембыля»	(август — сентябрь)
Осень	— «мезон»	(сентябрь — октябрь)
(«термос»)	— «окраб»	(октябрь — ноябрь)
	— «каус»	(ноябрь — декабрь)
Зима	— «джади»	(декабрь — январь)
(«зин»)	— «дало»	(январь — февраль)
	— «хут»	(февраль — март) [48]

Подобный календарь был распространен и среди других припамирских народностей. А. А. Бобринской [49] приводит названия месяцев, означающих на арабском языке и знаки Зодиака:

«Хамаль»	— Овен
«Сарв» или «Саура»	— Телец
«Джаузо»	— Близнецы
«Саратон»	— Рак
«Асад»	— Лев
«Сумбула» или «Сунбула»	— Дева
«Мизон»	— Весы
«Акраб»	— Скорпион
«Кауз»	— Стрелец
«Джадзе»	— Козерог
«Дальви»	— Водолей
«Хут», или «Уут»	— Рыбы

В старину в Язгулеме практиковалось своеобразное исчисление времени [50], которое связывалось с воображаемым ходом солнца по телу мужчины. Теперь этот календарь почти забыт, и информаторы многое в нем путают. Исчисление по частям тела не охватывает всего года, а приурочивается к сельскохозяйственным работам и соответственно разбивается на ряд мелких периодов, причем указывается, что солнце задерживается по нескольку дней на каждой части тела. После окончания полевых работ отсчитывалось 40 дней — зимнее нерабочее время. Начиналось исчисление с «хыг» — большого пальца ноги, солнце переходило на «паяк» (ступня), «кокай ленг» (голень), «зын» (колено), «быхтын» (бедро), «дишь» (половой член), «наф» (пупок), «арка» (спина), «зауз» (сердце), «бур» (грудь), «дуст» (рука), «мак» (шея). Далее счет шел по лицу (порядок счета информаторы не помнят), затем — в обратном порядке.

Скотоводство в Язгулеме имеет незначительные размеры; в скалистых горах, окружающих ущелье, трудно найти хорошие пастбища. Рогатый скот здесь мелкой породы. Коровы дают очень мало молока: литр — полтора в день. Поэтому среди язгулемских женщин распространен обычай

[48] Информаторы: Хабир Султонов, 82 лет, и Такый Хабиров, 32 лет, кишл. Андербак, 12.IX 1947. Эти месяцы неполностью соответствуют европейскому календарю, однако более точного определения их в соответствии с европейским календарем информаторы не смогли дать.

[49] А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа, стр. 100.

[50] Информаторы: Мамед Гавос Саломов и Шейх Джалилов, каум Мирбони, Санго Юсуф, каум Холумбеги, кишл. Андербак. 15. IX 1948.

во время дойки подпускать теленка к соскам матери по нескольку раз для увеличения молокоотделения. Овцы и козы тоже мелкой породы. Лошади служат исключительно для верховой езды (их немного); вещи перевозят по горным тропам вьюком на ослах. Язгулемские колхозы владеют небольшим количеством скота. Зимой скот находится в общественных хлевах — «ргут», питаясь сеном, запасенным с лета. На летние пастбища выгоняют преимущественно овец и коз, коров часто пасут близ кишлака. Например, в кишлаке Андербак овец и коз [51] с марта — апреля выгоняют на выпас в Дашт, в долину Пянджа; в мае, когда в Даште становится жарко, скот перегоняют на высокогорные летовки — «иль» Санги Гарм, в июле скот спускается ниже на новое пастбище в Виндор; в августе его перегоняют в Хваун, в сентябре — в Андераск, в октябре — в Узвудьк и только в ноябре скот пригоняют в кишлак.

Каждый квартал селения, в котором жили члены одного каума, имел свои постоянные пастбища. Пережитки этого сохранились еще и в 1948 г. Так, в кишлаке Андербак жители его нижней части «Вобат» (каум Мирбони) в октябре 1948 г. имели летовку в Хвауне, а жители другой части кишлака — «Турат» (в основном каум Холумбеги) имели летовку в другом месте.

Скот находился в частной собственности членов большой патриархальной семьи. Женщина имела свой собственный скот, который нередко еще при жизни передавала в наследство детям. По обычаю, выходя замуж, молодая женщина, через некоторое время после свадьбы, получает в подарок от своей семьи несколько голов мелкого скота или корову. Этим скотом и раньше женщина распоряжалась сама, что характерно не только для Язгулема. М. С. Андреев отмечает, что в Ишкашиме, Горане, Зебаке и Вахане женское приданое — скот — мать делит при жизни [52].

Колхозникам, занятым уходом за личным скотом членов своего колхоза (в основном — за скотом соседей и родственников), не начисляют трудодней. Каждое хозяйство, скот которого находился под присмотром этих лиц, оплачивает их труд натурой — ягодами шелковицы и абрикосами, иногда пшеницей и по 1 кг мяса за каждого барана.

В 1947 г. уже не придерживались старого обычая, запрещавшего мужчинам посещать летовки в первые дни выгона скота: на лето с колхозным скотом выходит примерно одинаковое число мужчин и женщин (обычно их жен), выделенных колхозом на эту работу; им помогают подростки. Мужчины перегоняют и охраняют скот, женщины ухаживают за скотом и приготовляют молочные продукты. Молочное хозяйство язгулемцев, как и у всех горных таджиков, находится всецело в руках женщин. Женщины, ухаживающие за скотом на летовке, занимаются и заготовкой впрок молочных продуктов. Придя на летовку, женщины в первый же день начинают собирать молоко и дня через 3—4 делают масло. Все живущие на летовке собираются у мазара и съедают это масло. По поверию, если этого не сделать, год будет плохой для скота, и люди получат мало молока и масла.

Личный скот колхозников также выгоняется на летовку. Женщина, которой доверяют свой скот несколько хозяйств, заготовляет молочные продукты для всех и раздает их в конце сезона хозяевам в соответствии с порученным ей количеством скота. От хозяев скота она получает плату натурой — абрикосами, шелковицей, мясом.

---

[51] Информаторы: Шейх Джалилов, каум Мирбони, 12. IX 1947; Файоз Шолинов, каум Холумбеги, кишл. Андербак, 3.X 1947.

[52] М. С. Андреев и А. А. Половцев. Указ. соч., стр. 20.

В Язгулеме до настоящего времени сохраняются своеобразные молочные товарищества или артели женщин, описанные Е. М. Пещеревой у горных таджиков и припамирских горцев [53]. Эти артели и в Язгулеме носят таджикское название «наубат» (очередь). Поскольку коровы местной породы дают мало молока, а колхозного скота имеется немного, молочные артели сохранили свое значение и по сегодняшний день, давая возможность колхознице-язгулемке сразу приготовить определенное количество молочных продуктов и сделать запасы на зиму. В подобные товарищества — наубат [54] объединяются по территориальному признаку 6—12 женщин, имеющих коров. Сбор молока в артели начинается с весны, дней через 20 после того, как коровы немного отъедятся на свежей траве. Количество молока, полученного от каждой коровы в течение семи дней утром и вечером, измеряется палочкой-биркой — «сих», а козье молоко всех коз данной хозяйки сливается и измеряется вместе. Количество молока отмечается на бирке зарубками. Измерив общее количество молока, которое каждая женщина получает в течение недели от своего скота, решают, по скольку литров следует сливать друг другу. Остаток каждая женщина расходует в своем хозяйстве. Очередность устанавливают начиная с той женщины, коровы которой дают больше молока. Осенью при окончательном расчете — «гуябач» — выясняют, кто кому остался должен и сколько.

Обычно молоко носят и сливают одной хозяйке по 7—10 дней подряд. Первый день наубата особо отмечается женщинами: траву — «бий» мажут маслом и кладут на угли очага, отчего в помещении дня два держится приятный запах. При этом читают молитву «Биби Фотиме» (в дальнейшем молитву читают ежедневно). Вечером все члены артели пекут у себя лепешки, а утром женщина, первой принявшая слив молока, посылает каждой из участниц немного молока, которое те пьют со своими лепешками. В дальнейшем женщина, которая берет себе молоко, каждое утро посылает своим товаркам понемногу молока, главным образом тем, у кого есть дети. Наличие молочных артелей в Язгулеме еще раз показывает общие черты в хозяйстве припамирских народностей и горных таджиков Дарваза и Каратегина.

В числе занятий язгулемцев видное место занимает охота — «гыв» [55]. Охотятся летом, преимущественно на хищных животных (барсов, волков), которые нападают на скот, находящийся на летовках; кроме того, бьют зайцев и лисиц. Основным же объектом охоты является дикий горный козел — «нахчир», на него охотятся осенью и зимой; нежное, вкусное мясо козла является любимым блюдом язгулемцев, а шкура и рога идут на различные поделки: сапоги, ремни и т. д.

Охота большей частью ведется в одиночку, с ружьем и часто с собакой. Зимой устраивают «кяч» — охоту из засады. Вырытую предварительно в удобном месте яму маскируют камнями, ветками, охотник прячется в ней и через специально оставленное отверстие наблюдает. Когда животное, не замечая охотника, приблизится на определенное расстояние, охотник бьет его. Охотник всегда имеет при себе специальный пояс со всеми охотничьими принадлежностями — «камар» (рис. 12, *а*). Зимой на охоту надевают ступательные лыжи «ват» с шипами (рис. 12, *б*).

---

[53] Е. М. Пещерева. Молочное хозяйство горных таджиков и некоторые связанные с ним обычаи. В кн. М. С. Андреев. По Таджикистану, вып. 1, стр. 49—52.

[54] Информаторы: Мамед Гавос Саломов, Такый Хабиров, Гюльчера Тробова, каум Мирбони; кишл. Андербак, 11. IX 1948; Шейх Джалилов, каум Мирбони, кишл. Андербак, 13. VIII 1948; летовка Хваун, 24. IX 1948.

[55] Информаторы: Санго Юсуф, каум Холумбеги, кишл. Андербак 1947; Назарали Сафдаронов, каум Мирбони, летовка Хваун, 25. IX 1948.

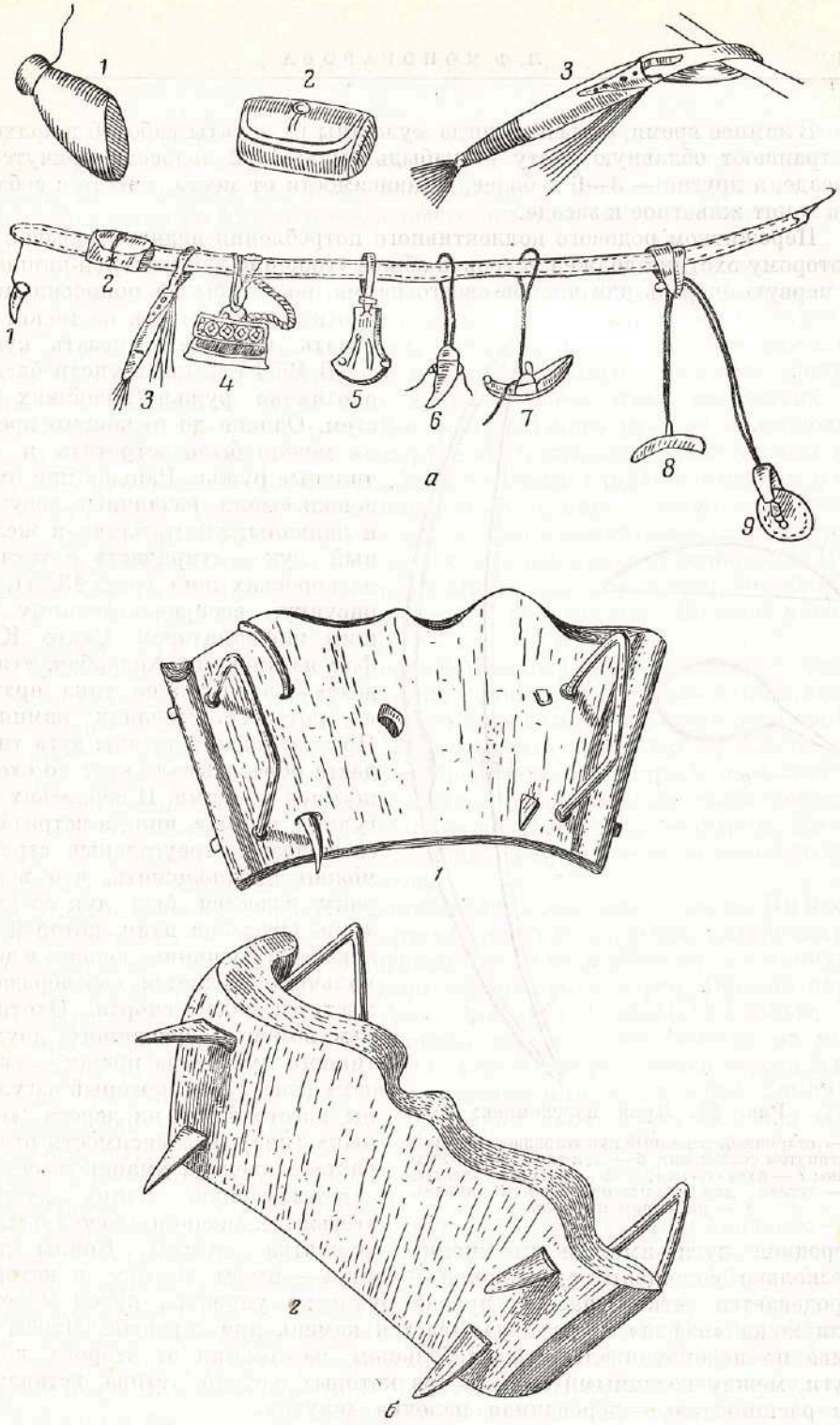

Рис. 12. Предметы снаряжения охотника:

а — охотничий пояс «камар»: *1* —деревянная мерка для пороха «чинык», *2* — кожаный кошелек для шила и другой мелочи «камарботц», *3* — кожаный футляр для ножа «назанък», *4* — железная коробка для трубки и кремня «штран», *5* — кожаный мешочек для пуль «тирдон», *6* — сосуд из рога для масла, которым чистят ружье «роги зан», *7* — сосуд из рога для пороха «чардон», *8* — сосуд из рога для лекарств «хохак», *9* — кожаный мешочек для пороха «кти»; *б* — ступательные лыжи «ват»: *1* — вид сверху, *2* — вид сбоку

В зимнее время, особенно когда мужчины не заняты работой в колхозе, устраивают облавную охоту — «кабыль гыв»: 1—2 человека прячутся в засаде, а другие — 3—6 и более, в зависимости от места, вместе с собаками гонят животное к засаде.

Пережитком родового коллективного потребления является обычай, по которому охотник должен устроить общее угощение для жителей кишлака, в первую очередь для членов своего каума, но кто бы ни попросил мяса, охотник, по обычаю, не может отказать, а обязан отрезать кусок.

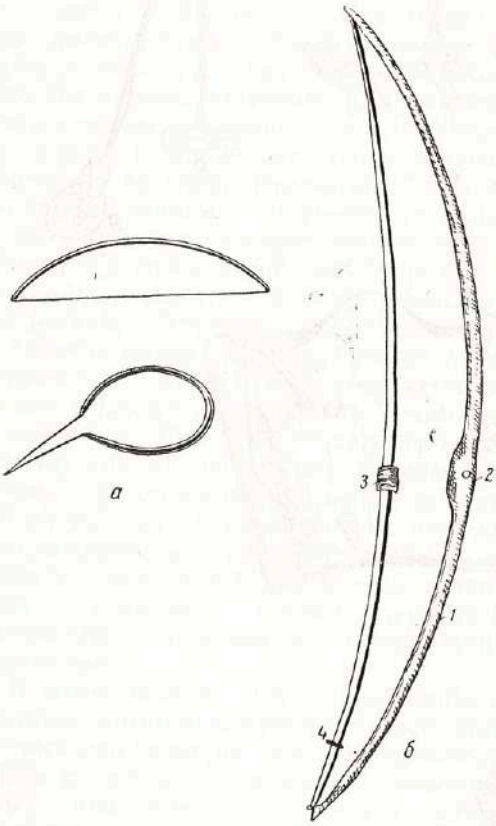

Рис. 13. Луки язгулемцев:

а — старинный железный лук «тиридаст» (внизу в натянутом состоянии); *б* — лук типа пращи «кманак»: *1* — дуга «гегьж», *2* — рукоятка «деста», *3* — тетива для вкладывания камня «вафан», *4* — расширитель «сихак»

В 1953 г. были в употреблении охотничьи ружья новейших систем. Однако до недавнего времени можно было встретить и фитильные ружья. Раньше при охоте использовали различные ловушки и капканы; употребляли и железный лук — «тиридаст» с тетивой из коровьих жил (рис. 13, *а*). По рисунку, воспроизведенному нашим информатором Санго Юсуфом из кишлака Андербак, «тиридаст» — это оружие типа пращи, из которого стреляли камнями. При натяжении тетивы дуга тиридаста образовывала круг со сходящимися концами. В верховьях Язгулема, в горах, иногда встречаются железные треугольные стрелы; можно предположить, что в старину известен был лук со стрелами. Охота на птиц, которой увлекаются мужчины, юноши и даже мальчики, является своеобразным местным видом спорта. Охотятся при помощи деревянного двухтетивного лука типа пращи — «кманак» (рис. 13, *б*), который язгулемцы изготовляют из дерева «цваныk» (ива). В зависимости от возраста владельца кманак имеет соответствующую длину дуги — «гегьж», в среднем около 1,5 м. По середине дуги имеется утолщение — рукоятка «деста». Концы дуги несколько уплощены, один конец — «ангу» — имеет выемку, в которую продевается тетива, на ней против рукоятки укреплен кусок материи или кожи «вафан», куда вкладывается камень при стрельбе. Чтобы тетива не перекручивалась, на небольшом расстоянии от второго конца дуги, между козлиными жилами, из которых сделана тетива, вставляется расширитель — деревянная палочка «сихак».

Летом и осенью устраивают ночную охоту на птиц. Спящих птиц спугивают горящими факелами из сухих веток и бьют в большом количестве.

Дичь является одним из любимых праздничных блюд. Особенно любят язгулемцы мясо диких перепелов. Для лова их употребляют манков — ручных перепелов.

Рыболовство распространено мало, так как рыбу почти не едят; только жители нижних кишлаков осенью, когда мелеет река между кишлаками Матраун и Будун, ловят рыбу плетенными из ивняка корзинами. Охота и рыболовство не имеют промыслового значения и удовлетворяют только потребности населения.

В пище язгулемцев большое место занимают мясные, мучные и молочные блюда. Любимым блюдом, как уже отмечалось выше, является мясо горного козла нахчир. Из него варят суп «хыхти фарби». Супы варят также из мяса барана, козы и коровы. Отдельно подают вареное мясо, а затем — бульон с луком, перцем и лепешками. Плов — «пилау» приготовляют из баранины, дичи или курицы. Часто из-за отсутствия риса приготовляют мясо с картофелем (сохранившим русское наименование, но с таджикским ударением — «картошкà»), который с 1940 г. занял прочное место в питании язгулемцев. Мясные блюда входят в основном в праздничное меню. Изредка заготовляют мясо и впрок: сушат его в течение нескольких часов на солнце или солят. Для засолки мясо кладут в котел, наливают немного воды и варят до тех пор, пока вода не испарится. В воду обязательно добавляют масла и соли. Приготовленное таким способом мясо может сохраняться довольно долго — от 3 до 6 месяцев. Вяленое мясо употребляют для угощения гостей.

Хлеб пекут кислый, в виде плоских лепешек круглой формы — «зогун». Тесто замешивают на кислом молоке — «штопай»; в дальнейшем хозяйка оставляет закваску — «хамирмо», которая летом сохраняет свои свойства до 3 дней [56]. Лепешки пекут на стенках очага «сын» в доме или во дворе. Когда огонь прогорит, хозяйка смачивает водой ту сторону лепешки, которой она приклеивается к стенке очага, предварительно тоже смоченную водой. Затем хозяйка надевает на руку перчатку круглой формы, без пальцев — «рофида», кладет на нее лепешку и прижимает ее к стенке очага. Через 10—15 минут лепешка готова.

Одним из повседневных кушаний является лапша — «кув». На плоской овальной доске — «ханак» тесто раскатывают очень тонко, режут его длинным ножом — «ханцыль» на узенькие полоски и бросают в кипящую соленую воду. Как приправу подают сырой лук и перец. Обычно на обед готовят кисель из ячменной муки — «хухпа» («атала»). Осенью, когда собирают бобовые, готовят гороховый суп — «муш», иногда на мясном бульоне. Во время еды на лепешку кладут вареные стручки гороха и куски мяса, отламывая куски лепешки и действуя ими, как ложкой. Зимой в основном едят «пахш» (вареные с просяной мукой абрикосы) или «гугау» (также сваренные ягоды шелковицы). Суп — «масфур» — варят из растертых семечек подсолнуха и приправляют перцем. Такой суп часто дают как лекарство больным малярией.

Свежее молоко — «ховд», масло сливочное — «пай» и топленое — «роган», яйца — «тухм» занимают небольшое место в пище населения и даются в основном только детям. С кислым молоком «штопай» и топленым маслом подают как угощение горячие лепешки.

Любимым напитком является черный чай — «чой». Однако язгулемцы, в отличие от других памирских народностей, пьют и зеленый чай. Раньше в Язгулеме совсем не пили так называемый «шир-чой» — чай с молоком и маслом, широко распространенный в Рушане и Шугнане. Сейчас шир-чой обязательно подают гостю в семье наиболее зажиточных колхозников. К чаю подают угощение: пшеничную или ячменную лепешку,

[56] Информаторы: Нозик Вазирова, каум Холумбеги; Мамед Долиос Саломов, каум Мирбони, кишл. Андербак, 7.IX 1947.

абрикосы — «чирай», ядрышки косточек абрикоса — «чешик», сушеные ягоды белой шелковицы — «мавиз» и тертую шелковицу с растертым ядрышком абрикосовой косточки — «такмак». Муку из сушеных яблок — «мимбахт» и из ягод шелковицы — «туд» едят в сухом виде или же разбавляют водой, пресным или кислым молоком. Это кушанье всегда дают маленьким детям.

* * *

В верхних кишлаках Язгулема вплоть до установления советской власти жители занимались добычей речного золотого песка из реки (кишлаки Зайч, Джафак, Убагн). Д. Н. Логофет описал способ добычи золотого песка в Язгулеме: «Баранья шкура помещается под решеткою, сплетенною из ивовых прутьев, на которую насыпается золотоносный песок. Черпая чашкой воду и наливая ее на решетку, золотоискатель таким примитивным способом промывает песок, который и уносится водою, а крупинки золота остаются среди шерсти, на бараньей шкуре. Через несколько часов работы золотой песок счесывается с бараньей шкуры» [57]. О добыче золотого песка в Язгулеме писал в начале нашего века Н. Косиненко [58].

В связи с тем, что в долине нет подходящей глины, отсутствует такой характерный для горных таджиков кустарный промысел, как гончарство [59], которым в других районах Припамирья и в Дарвазе занимаются женщины. Гончарная посуда и другие необходимые предметы, включая поделки из металла и иногда из дерева (так как леса в Язгулеме мало), приобретались на стороне, главным образом в Дарвазе.

Домашние ремесла направлены в основном для удовлетворения собственных потребностей язгулемцев и не имеют товарного характера. До сего времени строго соблюдается разделение труда по отдельным видам ремесла: мужчины занимаются ткачеством (выделывают шерстяные и хлопчатобумажные ткани), токарным делом, плотничают, столярничают, шьют обувь, женское занятие — шитье, прядение ниток, вязанье.

Обычно каждый мужчина умеет ткать, плотничать, плести корзины, выделывать кожи, шить обувь, но некоторые овладевают каким-либо мастерством в совершенстве, и к ним обращаются односельчане с просьбой сделать для них ту или иную работу. Так, в 1953 г. в Язгулеме хорошим плотником и токарем считался Мамед Долиос Саломов (каум Мирбони), живший в кишлаке Андербак. Его часто приглашали в другие кишлаки. Хорошим сапожником считался Султон Вазир, живший в кишлаке Джамак. Столярную, токарную и более тонкую работу по дереву выполнял Гулямов Ерали, живший в Барнавадже. Он же делал и музыкальные инструменты.

Обычно мужчина-ткач удовлетворял своей работой только потребности своей семьи. Иногда к нему обращались родственники и односельчане, не имеющие ткацкого стана, и он выполнял заказ за небольшую натуральную оплату; обычно он получал $^1/_{10}$ вытканной материи и некоторое количество муки или готовых лепешек. Язгулемки, как и женщины ряда других районов Припамирья, очень мало занимаются вышиванием, украшая вышивкой лишь вороты рубах, причем узор довольно примитивен. Тюбетейки в Язгулеме вышивают только дарвазки.

---

[57] Д. Н. Логофет. Бухарское ханство под русским протекторатом, т. 1, СПб., 1911, стр. 266.

[58] Н. Косиненко. По тропам, скалам и ледникам Алая, Памира и Дарваза, стр. 135.

[59] Е. М. Пещерева. Гончарное производство у горных таджиков. «Изв. ср.-азиат. географ. о-ва», т. XIX. Ташкент, 1929, стр. 26.

Самым значительным из женских кустарных ремесел Язгулема является изготовление женщинами длинных, без пяток, чулок «джеруб» (тадж. «джураб»), которые вяжут из шерсти различных цветов. В Язгулеме до настоящего времени бытует горизонтальный ткацкий стан — «чах». В период Великой Отечественной войны район испытывал значительные затруднения в получении фабричных тканей, и население вернулось к кустарной выработке материи. Еще в 1947 г. можно было в некоторых домах язгулемцев встретить ткацкий стан. Обычно стан, как и в соседней долине Ванча (Ванджа), помещается в жилом доме против двери, на глинобитных нарах — «декуне» (по-язгулемски — «ражь»). Чах ничем не отличается от ткацкого стана в Ванче [60]. Готовая домотканая материя — «хваньг» бывает однотонной, типа мешковины, или в полоску — «алача», для чего пропускают на равном расстоянии друг от друга «калями» — цветные нити черного или коричневого цвета.

Материя измеряется мерой «мото» (около 12 м); такое количество идет на женскую рубаху или мужскую пару — рубаху и штаны. Ширина готового полотнища равна 40—50 см. Одежду шьют женщины вручную. Измеряют материю при шитье и снимают мерку большой пядью — «вузат». Обычно на рубаху взрослой женщины берут длину полотнища, равную 6 вузат, шириной на груди и на спине в 2 вузат. Ширина вставленного клина вверх 1 вузат, у подола — 2 вузат; длина рукава — 3 вузат, ширина его — 1 вузат.

С проникновением городской культуры в Язгулеме стали появляться первые швейные машины, но на них пока работают только мужчины. Один из них, Аминов Азим, в годы нашего обследования живший в кишлаке Вышхарв, одно время работал в промартели в Сталинабаде, где научился портняжному делу. Он шил для населения костюмы, гимнастерки, рубашки по городскому образцу, что являлось для него подспорьем к основному заработку, получаемому за работу в колхозе по трудодням. Характерно, что твердой оплаты за портняжную работу он не назначал и довольствовался тем, что ему платили заказчики.

Плотник, выполнив частный заказ, получает за это, в основном, плату натурой по соглашению. Он — член колхоза и от полевых работ не освобождается. Кузнец, который имеется почти в каждом колхозе, работая по заданиям правления, в полевых работах не участвует, а ему начисляется определенное количество трудодней за кузнечные работы. За выполнение частного заказа он получает плату также натурой по соглашению с заказчиком.

До установления советской власти торговли в настоящем смысле в Язгулеме, как и в других районах Припамирья [61], не было. Вязаные чулки и сухофрукты, которыми славился Язгулем, обменивались на необходимые предметы, включая хлопок, соль, украшения и т. д. Обмен производился мужчинами. После сбора урожая, в октябре и ноябре, они для этой цели специально совершали путешествие в Дарваз. Бывало, что и в Язгулем заглядывали торговцы из Афганистана и Индии, обменивавшие соль, краску, хлопок на язгулемские фрукты и красивые чулки.

Денежного обращения в Язгулеме не было. Чулки — джерубы в Язгулеме, как и в других районах Припамирья [62], особенно в Рушане и Горане

[60] С. П. Русяйкина. Народная одежда таджиков Гармской области. Настоящий сборник, стр. 149—150; рис. 1, *в* на стр. 143.

[61] С. П. Ванновский. О рекогносцировке в Рушане и Дарвазе летом 1893 г. «Сборник материалов по Азии», вып. 56, 1894, стр. 93.

[62] М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира. Ташкент, 1928, стр. 18; А. А. Бобринской. Орнамент горных таджиков Дарваза. М., 1900.

(местность в Шугнане), являлись единицей обмена, однако строго установленной меновой единицы не существовало. Ближайший базар находился в Калаи-Хумбе.

В 1953 г. на территории Язгулемского сельсовета и всего Ванчского района базара не было. В Язгулеме имелось два магазина: один в кишлаке Андербак, другой — в Джамаке. Население покупает в магазинах мануфактуру фабричного производства (ее много завозят с 1948 г.), мыло, соль, керосин, обувь, посуду. Однако эти два магазина не в состоянии были удовлетворить возрастающие потребности населения. Женщины жаловались на отсутствие красок для шерсти, а также украшений (колец, серег) и пр. Школьники не имели в достаточном количестве бумаги и цветных карандашей. Мало завозилось круп, сахара, дорогих конфет и шоколада.

* * *

Традиционная одежда мужчин и мальчиков имеет одинаковый покрой. Рубаха «халифа каут» состоит из основного полотнища — «кад», переброшенного через плечи на спину и грудь, в котором прорезано отверстие для головы. К основному полотнищу пришиваются боковые — «трехц», расширяющиеся книзу в виде клиньев; рукава — «зоуб» — вшивные, суживающиеся к кисти руки. От ворота, плотно прилегающего к шее, идет сбоку (слева или справа) вниз по груди разрез. Обычно ворот и разрез обшиты кромкой ткани другого цвета, ворот завязывается у шеи тесемкой — «тану». Подмышкой вставляют ластовицы — «кыльфакс», на детских рубахах они часто отсутствуют. Рубаха носится обычно без пояса, поверх штанов и спускается ниже бедер. Мужские штаны — «тымбон» (рис. 14, *а*) глухие без разрезов, очень широкие в шагу (120—135 см), с короткими прямыми штанинами длиной чуть ниже колен. Поверх рубахи часто надевают летний распашной халат — «ктай» из полосатой ткани «алача» (рис. 15). Зимой и осенью носят такого же покроя ватные стеганые халаты из алачи — «хуфтин» или халаты из грубой шерстяной материи — «галим». Халат кроится из двух полотнищ, перекинутых через плечи и сшитых на спине. Рукава и боковины пришиваются так же, как и на рубахах, только в середине боковых полотнищ у подола делается разрез в 5 см. Подол и рукава обшиты другой материей. Ворот отделан строченой полоской — «гарак». Халат подпоясывается ниже талии поясом-платком — «лянги» или «мнаикь», который используется как карман. Раньше к одному борту халата пришивалась вставка — «пишак» из разноцветных вышитых треугольничков, завязывавшаяся у другого борта. Теперь в Язгулеме ее уже не носят, вышивку воспроизвели нам информаторы. По-видимому, этот пишак теперь не нужен, поскольку молодежь и мужчины надевают под халат рубахи городского покроя. Мужская одежда язгулемцев по покрою не отличается от дарвазской [63] и аналогична (особенно рубаха) одежде, распространенной в других районах Памира, а также Афганистана и Туркмении.

В верхнем Язгулеме носят овчинные шубы — «вырбын» (рис. 14, *б*). Покрой шубы тот же, что и халата ктай, застегивается она на одну пуговицу. Обшлага пришиты, борта и подол простеганы. У мужчин иногда встречается плащ из целой шкуры теленка или горного козла, который носят мехом наружу и завязывают на плече. Можно предположить,

[63] С. П. Русяйкина. Национальная одежда и орнамент таджиков Гармской области. «Кр. сообщ. Ин-та этнографии», VI, 1949, стр. 29; см. также ее статью в настоящем сборнике, стр. 154—178.

что этот плащ являлся в далеком прошлом основной одеждой обитателей гор.

Женская рубаха «оврати каут» (по покрою аналогичная женской рубахе таджиков Дарваза [64]) несколько отличается от мужской: она длиннее

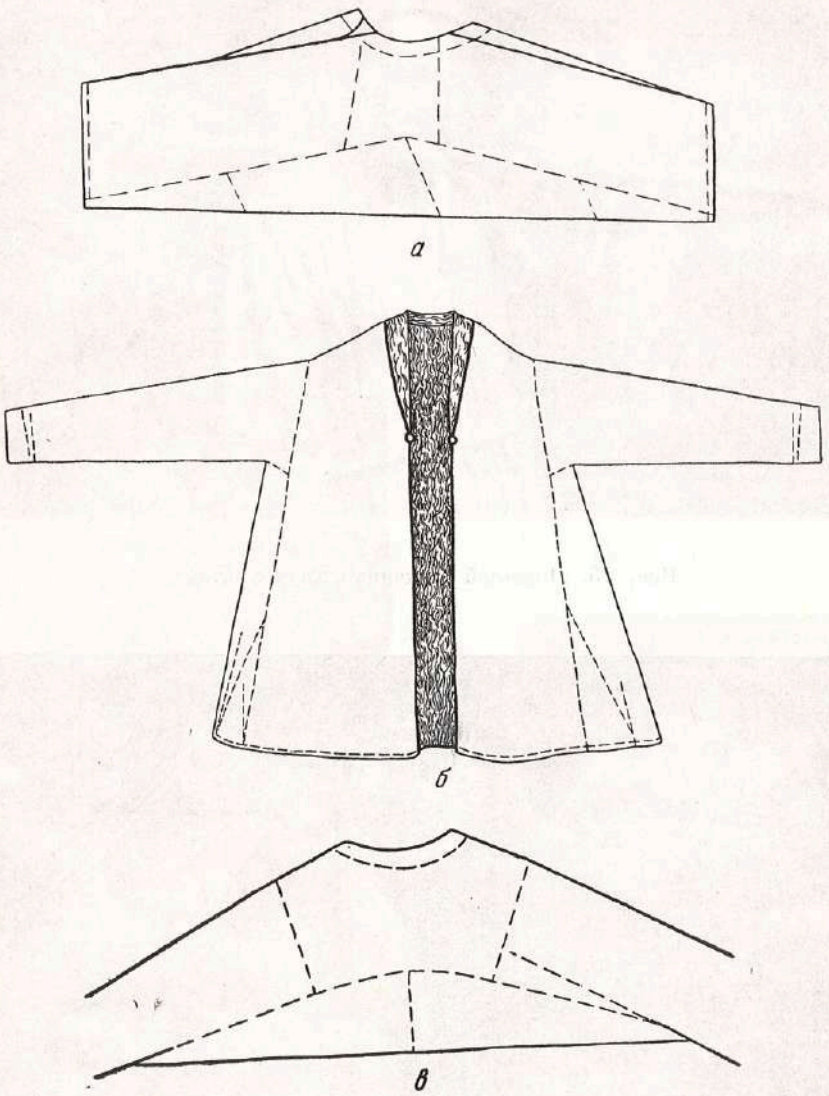

Рис. 14. Одежда язгулемцев:

а — мужские штаны «тымбон», *б* — овчиная шуба «вырбын», *в* — женские штаны «тымбон»

(ниже колен); от ворота вниз идет разрез посередине груди — «паскафо»: разрез обшит другой материей и украшен вышивкой — «нахш», сделанной цветными нитками в виде буквы «Х». У шеи, как и в мужских

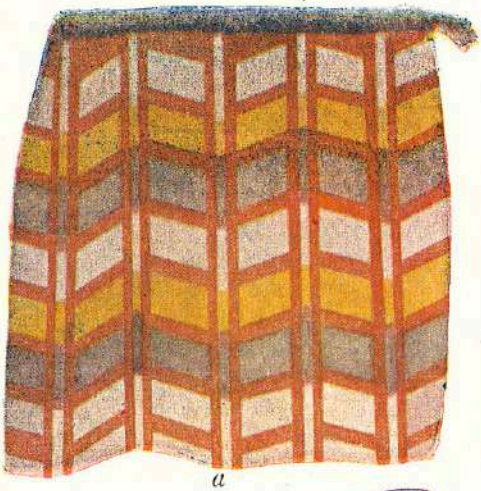
[64] С. П. Русяйкина. Народная одежда таджиков Гармской области, стр. 181—186, рис. 14.

Рис. 15. Пожилой мужчина в халате «кгай»

Рис. 16. Молодая язгулемка в национальной одежде

а

б

в

г

д

Рис. 17. Орнаменты вязаных чулок «джеруб»:

а — «халь»; *б* — «клидун» *в* — «садбарк»; *г* — «чами партоуз»; *д* — «чинир»

рубахах, ворот закрепляется завязками. Иногда к рубахе у подола пришивается оборка — «завг». На спине, на месте обеих лопаток иногда нашивают два прямоугольных куска из другой материи — «ктифи шпек», чтобы платье не терлось от искусственных шерстяных кос.

Женские штаны — «тымбон» (рис. 14, *в*) отличаются от мужских тем, что они длиннее и суживаются к щиколотке; носят их с напуском. Штаны шьются из полосатой материи, иногда одного цвета с платьем. Женская рубаха в Язгулеме сохраняет общий для всей Средней Азии туникообразный покрой. Но характерной особенностью Язгулема, в отличие от Дарваза [65], является полное тождество покроя женской и девичьей одежды и одежды девочек (рис. 16).

В настоящее время как и во многих районах Средней Азии, в Язгулеме молодежь и мужчины средних лет отдают предпочтение одежде военного образца, состоящей из гимнастерки или кителя и брюк-галифе (рис. 18). В традиционную одежду вносятся новые элементы: часто к рубахе туникообразного покроя пришивают отложной воротник и делают разрез посередине груди; к детским овчинным шубам пришивают воротник городского покроя, и т. п.

Если раньше карман с успехом заменялся широким поясом-платком лянги, то теперь часто нашивают на рубаху карман, обычно из материи другого цвета. В качестве выходной одежды мужчин получают распространение мужские костюмы городского покроя. Сельская интеллигенция носит такие костюмы повседневно. Однако одежда девочек, девушек, женщин и старух, которая в настоящее время шьется из привозных фабричных тканей, сохраняет все же одинаковый для всех возрастов традиционный туникообразный покрой. С 1947/1948 г. в магазины стали завозить готовые платья, широко распространенные среди городских жительниц Средней Азии: широкое платье, часто из среднеазиатского шелка, на кокетке и с отложным воротником. Такие платья носят девушки и молодые женщины. Специально женской традиционной зимней одежды в Язгулеме нет. В прежнее время женщинам вообще не полагалось таковой, и, когда женщине нужно было выйти из дому надолго, она надевала на себя 2—4 рубахи. Теперь, в связи с обязательным школьным обучением девочек и возросшей ролью женщин в общественной жизни, женщины зимой носят мужские ватные или шерстяные халаты.

Летом обычно все ходят босиком; только отправляясь в путь, надевают местную традиционную обувь, которая не подразделяется на мужскую, женскую и детскую, а отличается лишь соответствующим размером. Язгулемские длинные из цветной шерсти чулки без пяток «джеруб» пользуются известностью и за пределами Язгулема благодаря прочности и богатому орнаменту. Джеруб доходит до колен, а часто и выше. Он укрепляется на ноге при помощи тесемки из цветных шерстяных нитей — «тарзин», продернутой через петли верхнего края чулка. «Сок» — верхняя часть джеруба — богато орнаментирована. Орнамент на джерубах стилизованный; он имеет много общего с орнаментом чулок других районов Припамирья; вместе с тем имеется специфический язгулемский орнамент, очень красивый, и он нигде, кроме Язгулема, не встречается (рис. 17, *а* — *д*). Любимые цвета язгулемцев: красный — «рушть», фиолетовый и синий — «ниляй», желтый — «зерд» и зеленый — «сувз». Женщины вяжут чулки на четырех деревянных спицах — «сих». Шерсть окрашивают

[65] С. П. Русяйкина. Национальная одежда и орнамент таджиков Гармской области, стр. 30—32, а также статья в настоящем сборнике, стр. 181.

покупной краской или краской, добываемой из растения «хкраны», которое выращивают специально для этой цели. У язгулемцев есть хороший закрепитель, благодаря которому шерсть, даже выкрашенная чернильным карандашом в фиолетовый цвет, не линяет. Обычно фон чулок бывает черный и на нем красиво располагаются яркие узоры.

Поверх джерубов надевают мягкие сапоги — «там» из кожи горного козла (рис. 19). Они шьются из перегнутого пополам куска кожи, сшитого спереди, или из двух половин, которые сшиваются жилами. Если кожа проносилась, то пришивают подметку — «хохлис» из целого куска кожи, отгибающегося кверху. На пятке пришита «буна бунт» — петля, через которую продевают шнурок; завязывают его у щиколотки, предварительно раз или два обмотав вокруг ноги. Зимой и осенью поверх сапог надевают выдолбленные из целого дерева калоши-туфли — «кафх» на трех каблуках и с железными шипами для удобства при ходьбе по каменистой скользкой почве (аналогичны деревянной обуви таджиков Дарваза) [66]. В настоящее время большим успехом у мужчин пользуются армейские сапоги и горные рабочие ботинки.

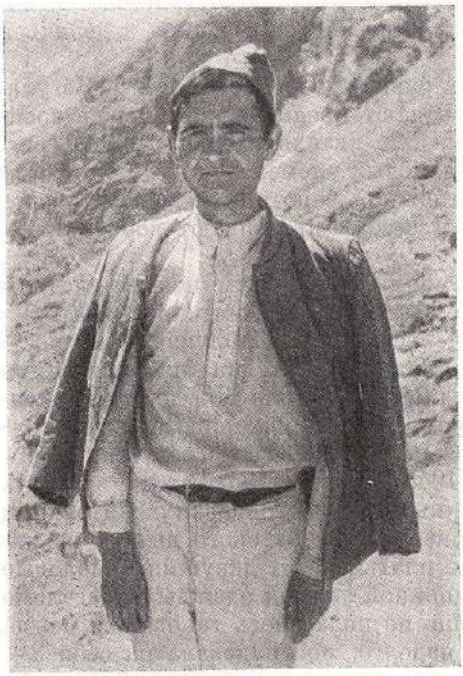

Рис. 18. Язгулемец в современной одежде

Обычно мужчины бреют волосы. Усы и бороду носят почти все, начиная с 30 лет, а щеки гладко выбривают. На голове мужчины и мальчики носят тюбетейку — «такай» (такья). В Язгулеме сохранился старинный вид тюбетейки, обычно из одноцветной материи, без орнамента, с плоским донышком, как в Шугнане и Рушане; молодежь также носит тюбетейку с высоким донышком, вышитую по дарвазским образцам (рис. 20). Старики иногда повязывают голову небольшой чалмой — «саля». Многие мужчины (кроме стариков) носят фуражку городского и военного образца.

Женщины и девушки причесывают волосы на прямой пробор и заплетают их в две косы, в которые вплетаются две маленькие косички, идущие от висков, и две — идущие от макушки (рис. 21, *а*). От места вплетения маленьких косичек в волосы вплетаются искусственные шерстяные косы — «кальбитц» из черной или красной шерсти, оканчивающиеся у девочек, девушек и молодых женщин кисточками — «полк», к которым часто привязывают ключи, а у старух — просто узлами — «полки гарц» (рис. 21, *б*). У девушек и женщин косы свешиваются вдоль спины. Девушки и молодые женщины часто оставляют на висках 2—3 свободно вьющихся локона. Молодая женщина года через два после выхода замуж,

[66] С. П. Русяйкина. Народная одежда таджиков Гармской области. Настоящий сборник, стр. 171—176.

особенно после рождения ребенка, надевает черный кальбитц вместо красного. Девушки заменяют красный кальбитц черным в дни траура по умершему брату или отцу. Женщины и девочки покрывают голову платком — «циль» белого цвета из домотканой материи «хваньг» или из марли. Платок накидывают на голову так, что концы его свободно падают на грудь или спину (рис. 16).

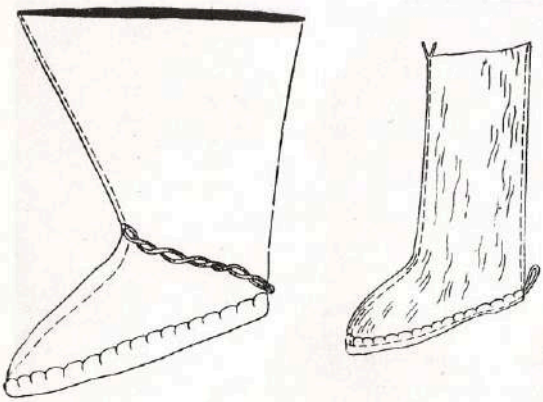

Рис. 19. Язгулемские мягкие сапоги «там»

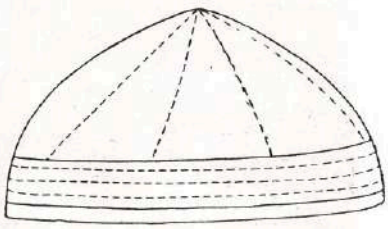
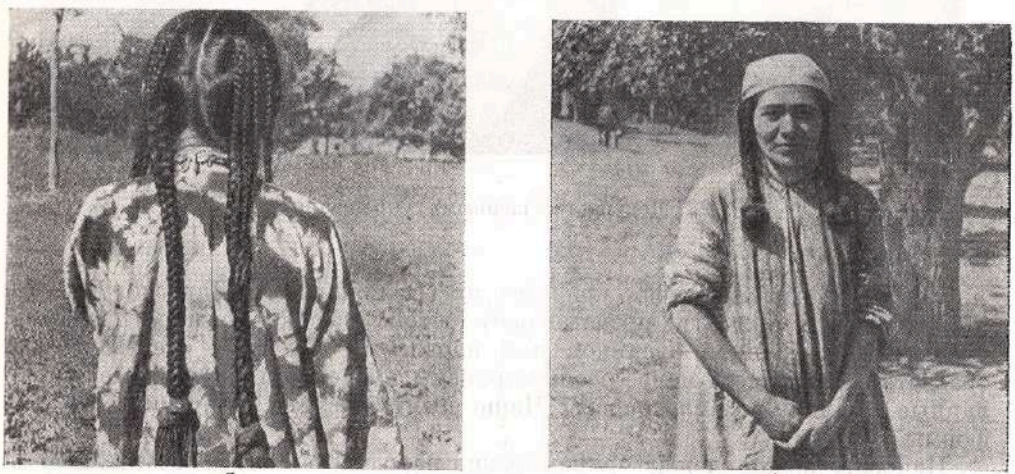

Рис. 20. Язгулемская тюбетейка старинной формы

а *б*

Рис. 21. Язгулемки (особенности прически).
а — девушек и молодых женщин, *б* — пожилых женщин

Язгулемские женщины тщательно следят за собой. Чтобы улучшить цвет лица, его мажут соком растения «хурича», ресницы и нижние веки чернят графитом — «чамржик». Девочкам лет 10—12 делают на переносице татуировкой маленькую родинку — «халь». Наносятся иглой 2—3 накола, затем втирается черная краска. Лишние волосы с лица удаляют ниткой «риза зик», которую натягивают на указательный и большой пальцы, ловко выщипывая ею брови и «усики». Язгулемцы очень любят украшения. Особенно нравятся женщинам и девушкам ожерелья из бус —

«сафч» и кораллов, которые привозятся из Дарваза (рис. 22). В ожерелье часто нанизывают монеты. Язгулемки очень любят шейное украшение — «гулебан». Узор его подбирается женщинами из белых, черных и красных бусинок; часто его делают и из перламутровых пуговиц. Это украшение, плотно охватывающее шею, можно рассматривать как продолжение ворота платья.

Рис. 22 Девушка с шейными украшениями

Серьги — «гивони сафч» привозят из Сталинабада и Дарваза. Местные язгулемские серьги представляют собой ниточку бусинок, заканчивающуюся крупной бусинкой или кораллом. Кольца — «первахт» и браслеты — «пардаст» менее распространены. Обычно они привозные, сделанные из алюминия или бронзы. Чаще носят браслеты из бусин круглой формы.

Наиболее полно одежда припамирских народностей описана А. А. Бобринским, И. И. Зарубиным и М. С. Андреевым [67]. Сравнивая имеющиеся описания и фотографии с материалами, полученными во время нашей полевой работы, можно прийти к заключению, что основные виды одежды язгулемцев имеют много общего с таковыми у других припамирских народностей, но отличаются от одежды равнинных таджиков. Женская одежда в деталях отличается и от одежды дарвазцев. При этом покрой одежды язгулемцев и других припамирцев является более древним и был, вероятно, распространен раньше на более обширной территории.

[67] А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа, стр. 52—53; И. И. Зарубин. Обувь горных таджиков долины Бартанга. «Сб. МАЭ», 1916, т. III; М. С. Андреев. Орнамент горных таджиков верховьев Аму-Дарьи и киргизов Памира, стр. 17—18.

* * *

Селения (кишлаки) язгулемцев располагаются на конусах выноса реки (см. выше рис. 1). В низовьях реки Язгулема расположены крупные кишлаки: Матраун (по-язгулемски Марсун), Шоуд (Шававд), Будун (Бдун) с небольшим выселком Хнеук (Хневкь), Вышхарв (Вашхарв) с выселком Лянгар и Андербак (Андрбак) — центр кишлаксовета Язгулем. Выше него находятся Джамак (Жамакь) и Зайч. Далее, вверх по течению реки, крупных кишлаков нет, там расположены только небольшие выселки: Джафак (Жафакь), Богуз, Убагн (Багн). По преданию, Убагн был когда-то большим кишлаком, здесь имелось более 150 жителей, но население сильно убыло вследствие набегов киргизов. В последнем кишлаке — Барнавадж («самый верхний», «далекий») в 1948 г. жили только четыре хозяйства пастухов — «чупон».

Все язгулемские кишлаки утопают в зелени фруктовых деревьев. Колхозные поля, расположенные обычно на территории кишлака, сады и бахчи, как упоминалось выше, орошаются при помощи несложной арычной системы. Вода в арыки отводится из горного ключа, или же из горных ручьев, прорезывающих территорию кишлака и впадающих в реку Язгулем (Матраун, Джамак). Питьевую воду население берет из ручьев или из арыков, что способствует распространению желудочно-кишечных заболеваний. В тех кишлаках (например, Андербак), где население пользуется для питья и приготовления пищи арычной водой, загрязняемой людьми и скотом, желудочно-кишечные заболевания, особенно летом, и глисты у детей встречаются значительно чаще, чем, например, в Джамаке, где население пользуется водой из горных ручьев.

Тип поселения, характерный для Язгулема,— это многоквартальный кишлак «дига», характеризующийся расселением родственными группами (рис. 23, план кишлака Андербак). Такой тип расселения отмечен Н. А. Кисляковым [68] для некоторых поселений Вахио-Боло, а в недавнем прошлом был характерен для Ягноба [69]. План кишлака Андербак отчетливо показывает деление его на ряд кварталов, каждый из которых, имеющий свое название, занят определенным каумом. Так, «Вобат» и «Кала» занимают члены каума «Мирбони», квартал «Турат» населен членами каума «Холумбеги», а «Шарингят» занимают члены каумов «Турк» и «Шуляк». Постройки, жилые и хозяйственные, располагаются непосредственно среди полей и огородов, находящихся здесь же, на конусе выноса реки. Большинство жилых и хозяйственных построек обращено дверьми во внутренний двор, так что с улицы видны лишь глухие стены, образующие замкнутый прямоугольник. В Андербаке большой участок пашни делит все селение на две части (подробно см. гл. 3, стр. 89), в других селениях их части, а нередко и кварталы отделяются горными ручьями. Центром каждого кишлака является школа или дом правления колхоза, а в Андербаке — помещение сельсовета. До установления советской власти таким центром был общественный дом, который впоследствии превратили в мечеть — «масджит». Каждый квартал имел свою мечеть.

На окраине кишлака, за усадьбами колхозников, располагаются хозяйственные постройки колхоза.

Строительная техника жилых, хозяйственных и общественных построек одинакова и несложна. В каждом язгулемском кишлаке усадьбы располагаются небольшими группами, составляя упомянутые выше кварталы.

---

[68] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. М.— Л., 1936, стр. 22—23 и др.

[69] А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.— Л., 1940, стр. 29.

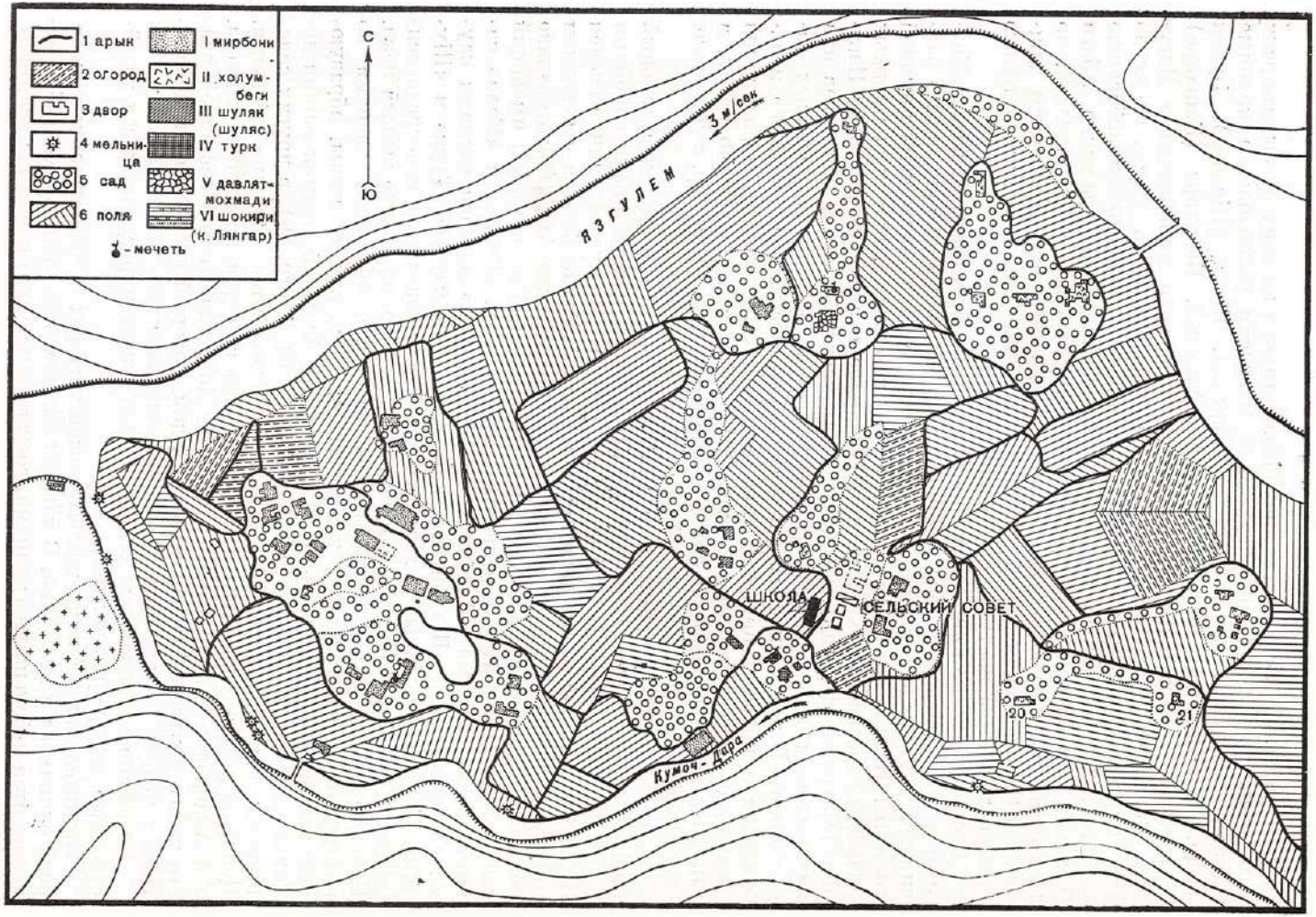

Рис. 23. План кишлака Андербак (глазомерная съемка автора)

Изучение жилища дает нам интересный материал для понимания прошедших стадий в развитии общества и семьи у язгулемцев.

В Язгулеме, как и в других районах Горного Бадахшана [70], древнейшим типом жилища, вероятно, была естественная пещера в скале. Первые европейцы, посетившие в 1271 г. Памир,— братья Поло и сын одного из них, Марко Поло,— описали землянки, в которых жило население Бадахшана. «Скасем (Кишм, город в Афганском Бадахшане.— *Л. М.*) — большая область и язык тут особенный. Здешний народ скот свой пасет в горах; там у них большие славные жилища; так как горы земляные, то пещеры они роют без всякого труда» [71].

Горные хребты, окаймляющие долину реки Язгулем, сложены из твердых пород, поэтому вполне можно предположить, что древние обитатели долины, кроме естественных пещер, пользовались жилищами типа современной кладовой — «гува», одной из четырех стен которой служит кусок большой скалы. Можно предположить, что древние обитатели высокогорных мест часто пользовались естественными крутыми склонами горы или большими обломками скал, к которым пристраивали стены сухой кладки из валунов, камня и обломков горных пород, с плоской крышей, поддерживаемой деревянными балками, опирающимися на стены.

Сохранившиеся в наше время жилые строения на летних пастбищах иль представляют собой, по-видимому, тип постоянного жилища язгулемцев в прошлом (рис. 24). Жилой дом — «куд» и загоны для скота составляют один комплекс построек. Дом — четырехугольный в плане, стены сложены из камня, сцементированного глиной, не обмазаны ни снаружи, ни внутри. Балки потолка, на котором покоится плоская крыша, опираются концами на стены и на большой центральный столб — «стан». Налево от входной двери в низких «ражь» — глинобитных нарах, находящихся у стен, расположен большой очаг — «сын», огонь в котором поддерживается в осенние холодные месяцы круглые сутки. На очаге — большой чугунный котел, в котором приготовляется пища для всех живущих на летовке. В стене над очагом сделаны три ниши для хранения посуды. Новая фаянсовая посуда и старинная деревянная и тыквенная утварь размещаются также на ражь противоположной двери, на расстоянии 1,80 см от нее; это пространство занято проходом «пайга». Нары очень низки, на них спят, постелив солому и кошму. На нары с правой стороны от двери кладут некоторые орудия труда; сюда же на ночь берут телят, чтобы они не замерзли в хлеву. Двери домов также очень низкие (в среднем около 1,3 м). Единственным отверстием для выхода дыма и дневного освещения служит небольшое (10 × 20 см) отверстие в потолке — «руджон». Дым разъедает глаза, тепло от очага не спасает от пронизывающего ветра, который дует сквозь щели необмазанных стен. Единственным освещением в дореволюционное время служил свет от очага или лучины. Теперь дом освещается керосиновой лампой.

В двух небольших помещениях, примыкающих к восточной стене дома, расположены хлева — «ргут» для крупного рогатого скота. У южной стены, защищенной от северных ветров, находится «хаз» — открытый загон для мелкого скота. На 2,5—2-метровые стены загона, сложенного из камня и обломков скал толщиной в 0,5 м и более, кладут ветви колючего кустарника, чтобы помешать хищникам проникнуть в загон. Однако, не надеясь

---

[70] Н. А. Аристов. Этнические отношения на Памире. «РАЖ», 1901, кн. VI, № 2, стр. 37; «В книге Бей-ши приводятся сведения путешественников Сон-Юня и Хой-Сена от 518 года. Они описывают сторону Бохо (по Аристову Вахан), где люди и скот живут вместе. Обитают в выкопанных землянках».

[71] Книга Марко Поло. М., 1956, стр. 74.

на эффективность этого средства, пастух ночью охраняет скот с оружием в руках.

Лет 50 тому назад язгулемцы обитали в жилищах, подобных описанному. Сведения об этом находим у С. Д. Масловского: «Шесть кишлаков заняты язгулемцами. Сакли, сложенные из камней, из обломков скал, без цемента, низкие, закопченные, неприветливые, ютятся на берегу веселой шумливой речки, почти исчезая в зелени садов, охватывающих поселки» [72].

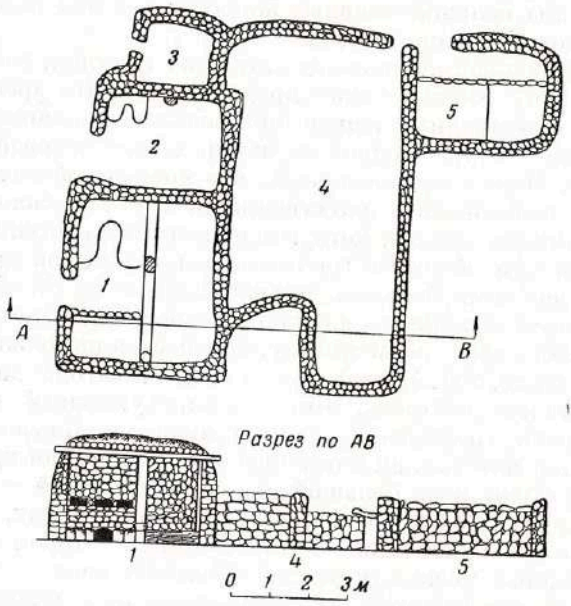

Рис. 24. План и разрез летовки «иль» в Хвауне:
1 — жилой дом «куд», *2*, *3* — хлев «ргут», *4* — загон для овец и коз «хаз», *5* — развалины старого дома

В настоящее время в язгулемских кишлаках распространен тип дома, значительно более усовершенствованный по сравнению с описанным выше. Такой дом, также называемый «куд», располагается в центре усадьбы (рис. 25 и 26); план его типичен для всего Язгулема (очаг всегда устраивается с правой или с левой стороны от двери, см. ниже). В тех кишлаках, где есть хорошая лёссовая земля, как в Андербаке, постройки воздвигают из сырцового кирпича «хахт» (размер 40 × 30 × × 15 см). В других, как, например, кишлаки Джамак, Будун, строительным материалом часто служат камень и обломки скал. План любой постройки намечают на земле веревкой. Дом строят мужчины, приглашая на помощь мастеров-плотников и односельчан. Устраивают так называемый «хашар» (помощь). Помогают в первую очередь члены каума, для которых после работы устраивается угощение.

Лёссовую землю — «шуб» смешивают с водой и делают из нее кирпич при помощи специальной деревянной формы — «хыхт рез» или «хтриз». Фундамент дома — «бельниз» обыкновенно складывают из камня, сцементированного глиной. Высота фундамента — 50—60 см. На фундаменте складывают стены из кирпичей, в один ряд. Один человек

[72] С. Д. Масловский. Гальча, стр. 22.

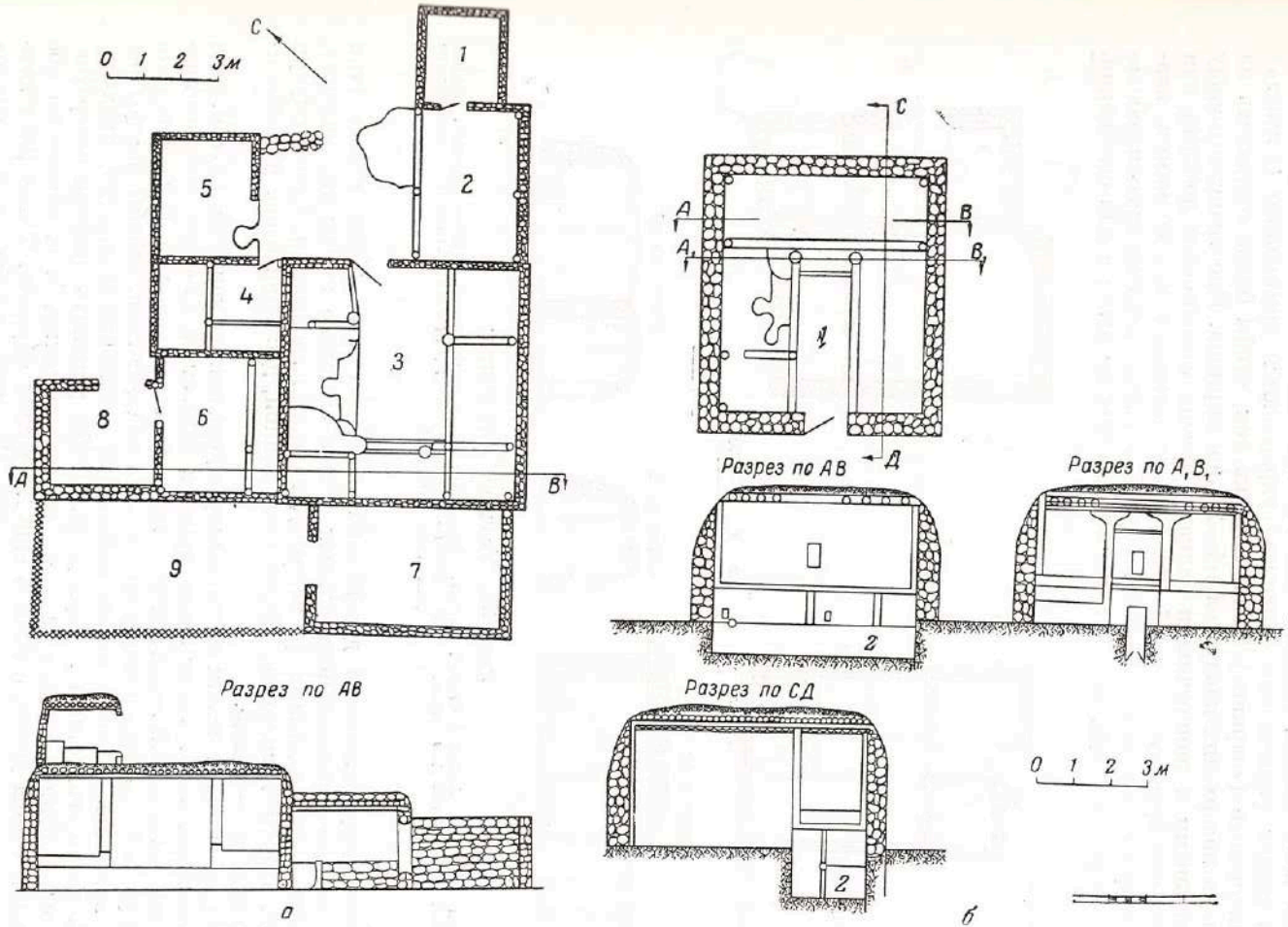

Рис. 25. Жилища язгулемцев:

а — план усадьбы Меримаста Джонакова, кишл. Андербак: *1* — кладовая «гув», *2* — терраса «дализ», *3* — жилой дом «куд», *4* — помещение для гостей «хушхона», *5* — кухня «алоу-га», *6* — хлев «ргут», *7* — конюшня «вахтан», *8* — вагон для скота «хаз», *9* — огород; *б* — план дома Аима Аминова, кишл. Вышхарв: *1* — жилой дом «куд», *2* — кладовая «гув»

укладывает кирпичи, скрепляя их мокрой глиной, которую ему подает другой работающий, третий подносит кирпичи.

В стенах («рагт» или «дивиль») укрепляются продольные («вузим») и поперечные («заркяс») балки потолка так, чтобы балки опирались на стены, а поверх них кладут еще 1—2 слоя кирпича. Пространство между продольными и поперечными балками крыши заполняется досками или округлыми брусками — «ворбагь». Сверху насыпают мелкие камни, кладут хворост, все это обмазывают глиной, оставляя в центре крыши небольшое отверстие — «руджон», служащее для выхода дыма и для освещения.

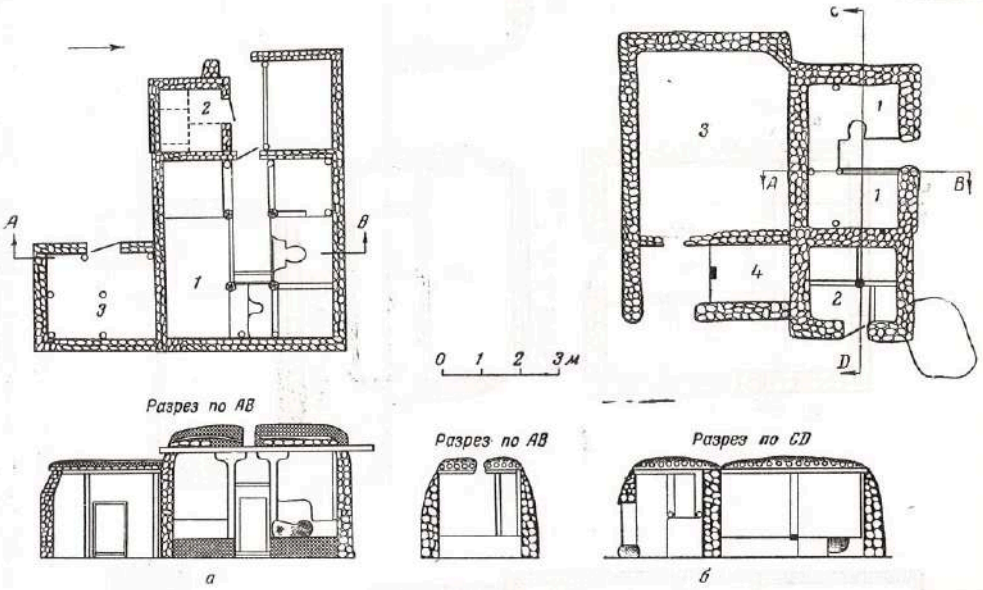

Рис. 26. Усадьбы язгулемцев:

— план усадьбы Завка Сабзова, кишл. Андербак; *б* — план усадьбы Куш Амонат, кишл. Джамак: *1* — жилой дом «куд», *2* — кладовая «гув», *3* — загон для скота «хаз», *4* — помещение для птиц «киргеран»

Крыша поддерживается деревянным каркасом и столбами «стан» (три или четыре основных центральных столба «шастан» имеют вид колонн), а также перекладинами (панелями), идущими вдоль стен. Стены внутри дома, а часто и снаружи, обмазывают глиной, добавляя в нее измельченную солому — «хыч».

Один из работающих подает глину в деревянном корытце, другой, сидя на лестнице «хат», берет глину рукой и бросает ее на стену, а затем специальной железной лопаточкой — «андова» сглаживает ее. В случае, если при устройстве деревянного каркаса не хватает леса, столбы делают более короткие и ставят их на небольшой глинобитный выступ, проходящий вдоль всей стены внутри дома. Чтобы укрепить дверное отверстие, на определенной высоте от пола делают притолку, т. е. кладут на обе стороны стены доску, а на нее еще 2—4 слоя кирпича. Таким же способом укрепляются отверстия для окон. Для того, чтобы дверь — «двур» вращалась, в притолке и в пороге делают деревянные пазы (рис. 27), в которые входят деревянные шипы двери — «маргак». В новых постройках таким же образом делают ставни на окнах.

В язгулемских домах двери снабжены интересными деревянными замками: на внутренней стороне двери сделана задвижка, открыть которую

можно роговым или деревянным ключом — «чаррит», просовывая руку с ключом в специальное отверстие в стене дома, обрамленное деревянной рамой с закрывающей это отверстие деревянной крышкой.

В язгулемских кишлаках сохранились большие жилые дома, в которых живут или жили до недавнего времени большие патриархальные семьи. Техника постройки такого дома не отличается от только что описанной. Некоторые из таких домов имеют перед входом пристройку — «дарго», играющую роль сеней; здесь семья живет весной и осенью. Такие дарго характерны для старинных домов больших патриархальных семей (рис. 28). Дарго имеет проход—«пайга» и пары—ражь по боковым стенам; часто на одном из ражь, слева или справа от двери, находится очаг — сын, пред-

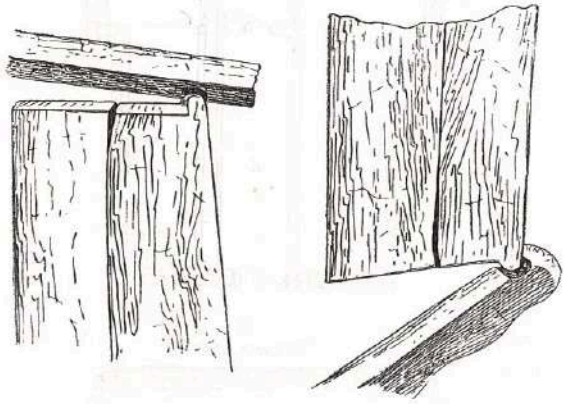

Рис. 27. Детали скрепления двери с притолкой и порогом.

ставляющий собой углубление в ражь круглой или слегка овальной формы, расширенное книзу и имеющее боковое отверстие, через которое производится топка. Дом отапливается по-черному. Очаг служит не только для отопления, но и для приготовления пищи; на стенках его пекут лепешки. Иногда над входной дверью устраивалось небольшое окошечко в виде балкончика — «дарича», где обычно держали охотничьих птиц. Эти дома имеют архитектурную особенность, в недавнем прошлом свойственную домам всего западного Припамирья: потолок — ступенчатой формы, сложен из балок (так называемая «чорхона»). Этот архитектурный прием является не местной специфической архитектурной формой, а определенной стадией развития строительной техники и встречается не только в Средней Азии, где, как например, в Фергане, он в позднейшее время получил декоративное значение, но и в Закавказье (в Грузии, Армении), в Афганистане и Индии. Такой способ устройства потолка в большесемейных домах дает возможность стенам выдержать тяжесть кровли, состоящей из балок, камней, хвороста и глиняной обмазки. В центре таких четырехугольных рам из балок и положенных наискось друг от друга досок оставлено отверстие руджон, как уже отмечалось, для выхода дыма и для освещения. На ночь и в непогоду это отверстие закрывают деревянным щитком. Интересное описание архитектуры и сопоставление данного типа жилища в Припамирье с закавказским проводит В. Л. Воронина [73].

[73] В. Л. Воронина. Жилище Ванча и Язгулема. Сб. «Архитектура республик Средней Азии». М., 1951.

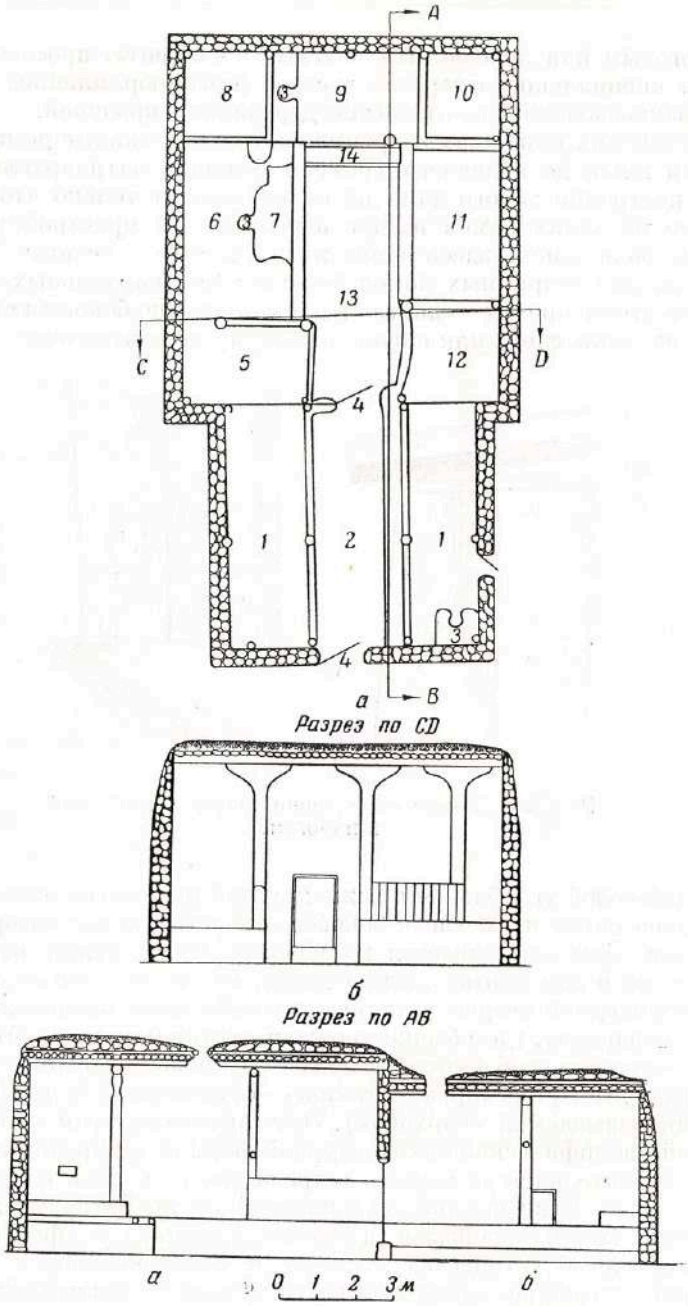

Рис. 28. План дома Худояр-бека, кишл. Андербак:

а — жилой дом «куд»: *1* — нары «ражь», *2*, *13* — проход «пайга», *3* — очаг «сын», *4* — двери «цвур», *5* — место для утвари «бестыр», *6* — место за очагом «паскесын», *7* — место перед очагом «предисын», *8* — место молодой матери «зачаражь», *9* — место для хозяйственных работ «перберидвуриражь», *10* — место для молодоженов «шашин», *11* — место для сна «чорсега», *12* — место для сна главы семьи «пасшашин», *14* —кормушка для скота «ванур»;
б — пристройка «дарго»

Внутренний план язгулемских большесемейных домов сохраняется и в современных домах колхозников (рис. 25 и 26). Глинобитные ражь разделяются небольшими (10—15 см) возвышениями — валиками. Место за очагом называется «паскесын», там часто спят старики, глава семьи с женой, а перед очагом — «предисын», здесь женщины стряпают. В углу за очагом происходят роды у женщин, это место поэтому называется «зачаражь»; обычно здесь спит молодая мать с ребенком. Ражь напротив двери («церберидвуриражь») используется для хозяйственных работ, зачастую там устанавливают ткацкий стан и т. п. Продолжением его в углу является «шашин», где обычно должен сидеть жених во время свадьбы, а затем это место занимают молодожены. Далее следуют «пасшашин» и «чорсега» (ражь против очага), на которых спят другие члены семьи, например сыновья стариков, причем на чорсега спит тот из братьев, который в будущем займет место главы дома. На противоположной части ража — «бестыр», в углу у двери, хранят пищевые продукты и утварь.

Одежда хранится в деревянных сундуках — «сандак», орнаментированных резьбой, или же в больших деревянных круглых коробках — «таванг», украшенных резьбой, обычно дарвазского происхождения.

Около очага, на бестыр расставляется утварь: чугунный круглый котел — «чидан», покупаемый в Дарвазе, деревянные блюда и миски — «такт» различных размеров, деревянные ложки с острым носиком — «кепч», долбленые корыта разных размеров — «вахач». Вся эта деревянная посуда изготовляется ручным способом местными мастерами.

Из тыквы делают сосуды для воды и масла — «канур». Медные кувшины — «афтоба» привозили раньше из Дарваза. Фаянсовую посуду — чайники и пиалы — покупают в Хороге, в Ванче и обычно хранят в стенных нишах — «токча». Очень редко можно встретить старые глиняные сосуды для молока и масла — «гулук». Кроме упомянутой утвари, встречаются следующие предметы домашнего обихода: лукошки из дерева — «растай», решета для пшеницы — «скуач» и «гальбир», сита для муки — «пырвизак», доска для раскатывания теста — «ханак», скалка — «вазик». Имеются также: длинный нож, которым режут тесто для лапши — «ханцыль», деревянные сбивалки для масла — «мазыкь», мутовки — «шир зырг»и деревянные, выдолбленные в колоде, маслобойки — «таляу». Во дворе устраивают в камне ступки — «джуваза» с каменным пестиком.

До установления советской власти жилище освещалось от очага, который топили кизяком, соломой либо хворостом, или же светильником типа лучина «црыг», сделанным из сухого прута, обмазанного составом «варзык», который приготовляют из зерен льна — «згирь» и ядрышек абрикоса. Для светильников имеются специальные деревянные подставки «шкырдак» (рис. 29) различной формы, в отверстие которых вставляется «црыг»; другой, заостренный, конец «шкырдака» вставляется в отверстие, сделанное специально с этой целью в столбе «шастан» или столбе каркаса. Реже встречаются жировые светильники «чорохдон», представляющие собой круглую каменную плошку, в которую налит козий или бараний жир и вставлен фитиль из хлопка. К этим видам светильников жители Язгулема прибегали во время Великой Отечественной войны, когда доставка керосина и ламп осложнялась транспортными затруднениями.

В послевоенные годы керосиновые лампы, особенно типа «летучая мышь», прочно вошли в быт населения.

В старых домах центральные столбы «шастан» отличаются богато орнаментированными капителями. Особенно красивой резьбой (рис. 30) покрыты столбы-колонны в «дализах» (терраса, открытая с одной стороны и примыкающая к дому). Стены дализов расписывают красками.

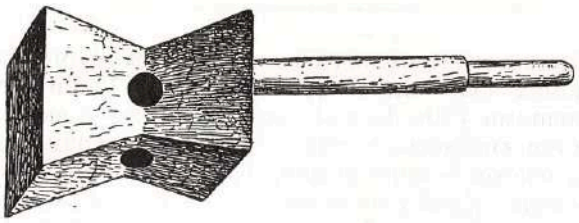
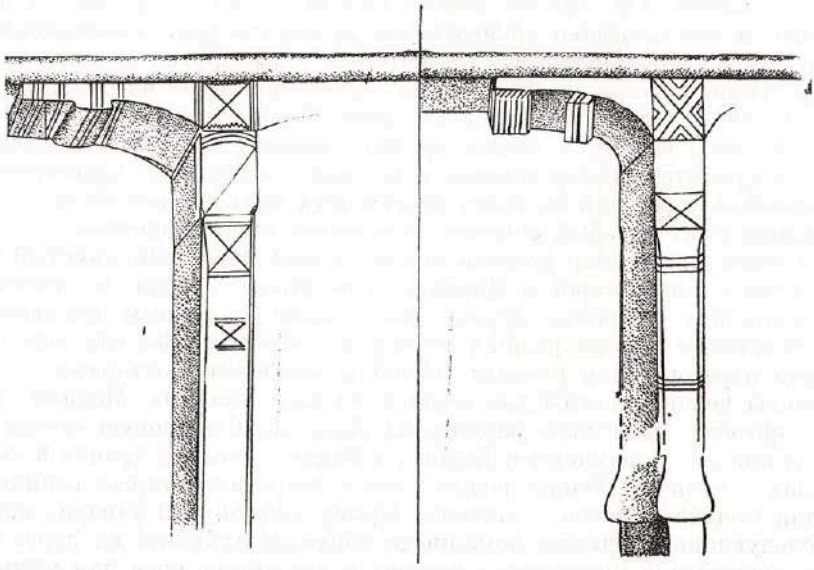

Рис. 29. Деревянная подставка для «шкырдак» светильника «црыг» —

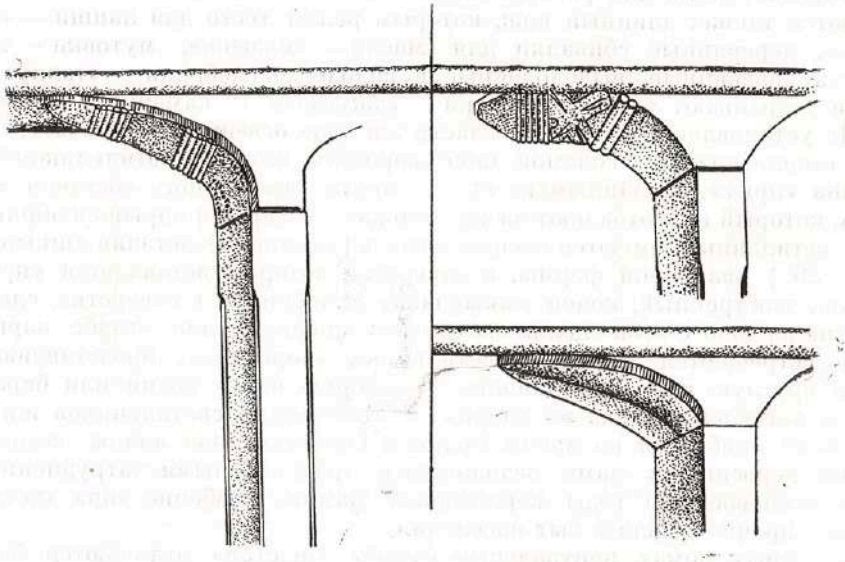

Рис. 30. Орнамент на столбах «шастан»

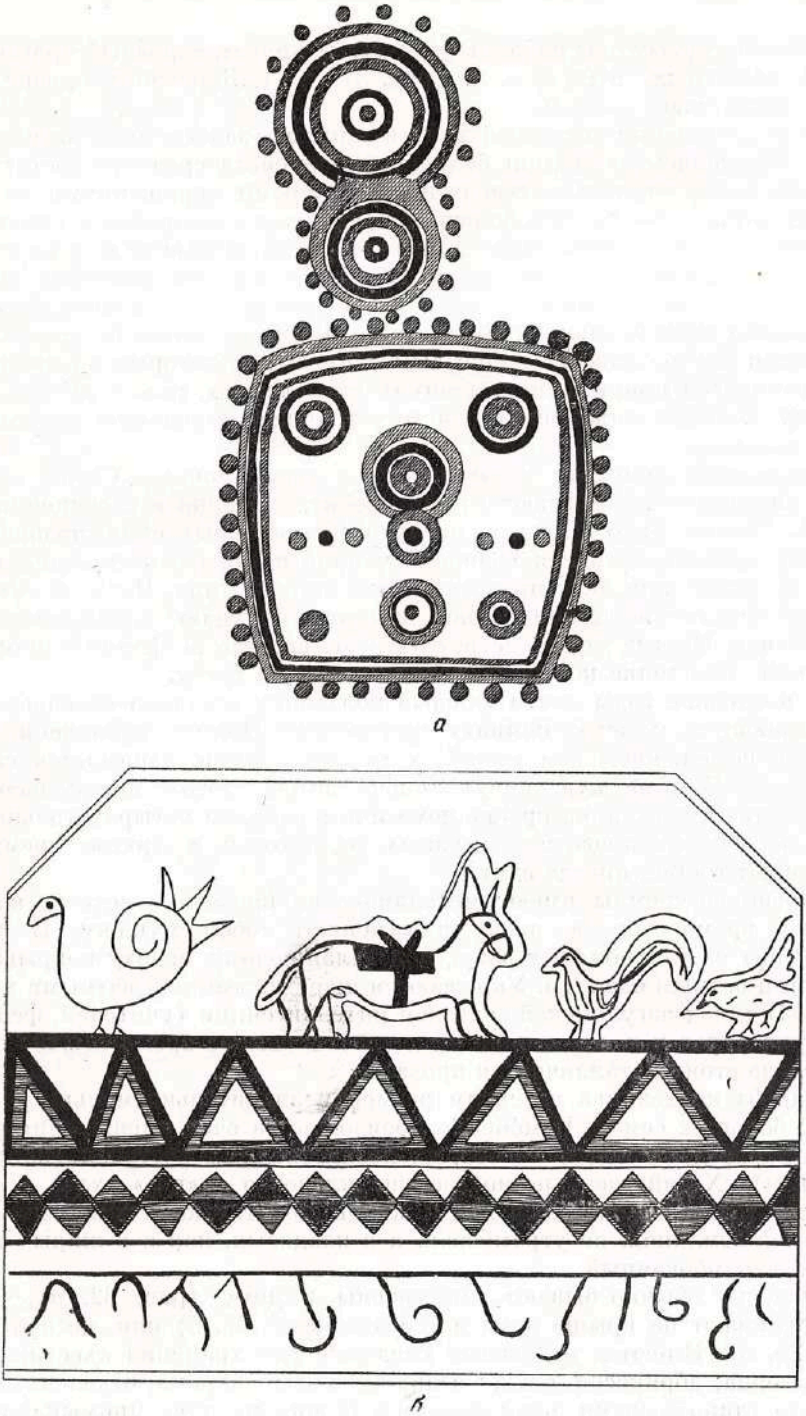

Рис. 31. Роспись дализа:

а — в усадьбе Махмада Наурузова, кишл. Вышхарв; *б* — в усадьбе Меримаста Джонакова, кишл. Андербак

Рисунки обычно состоят из концентрических кругов, неровных прямоугольников, животных, птиц и т. п. (рис. 31, *а, б*). Деревянные двери часто также покрывают резьбой.

До установления советской власти жилища зажиточных язгулемских семей отличались от жилищ бедняков и семейств среднего достатка величиной дома, тщательностью отделки, резными украшениями на деревянных деталях постройки, большим количеством кладовых и помещений для скота. Каждое зажиточное семейство имело отдельное помещение для гостей — «хушхона» или «аджра». Обычно аджра по размерам меньше жилого дома, проход пайга в ней совсем невелик, а остальное пространство занято глинобитными нарами ражь. Иногда в более богатых семьях имелись и летние аджра, гладко вымазанный пол которых не имел ражь и очага; гостей принимали на кошмах или одеялах, разостланных прямо на полу. В зажиточных семьях часто устраивали отдельную летнюю кухню — «алоу-га».

Колхозники принесли много нового в свои жилища. Стены изнутри более тщательно обмазывают глиной, белят, особенно в помещениях для гостей. Делают одно или два наглухо застекленных окна, подоконники которых используются для хранения чайной посуды и выполняют назначение стенных ниш, обычных для домов старого типа. Часто такую комнату обогревают железной печкой, которую покупают в районном центре — Ванче. Иногда можно встретить очаг, внешне по форме напоминающий печь, при топке которого ставят железную трубу.

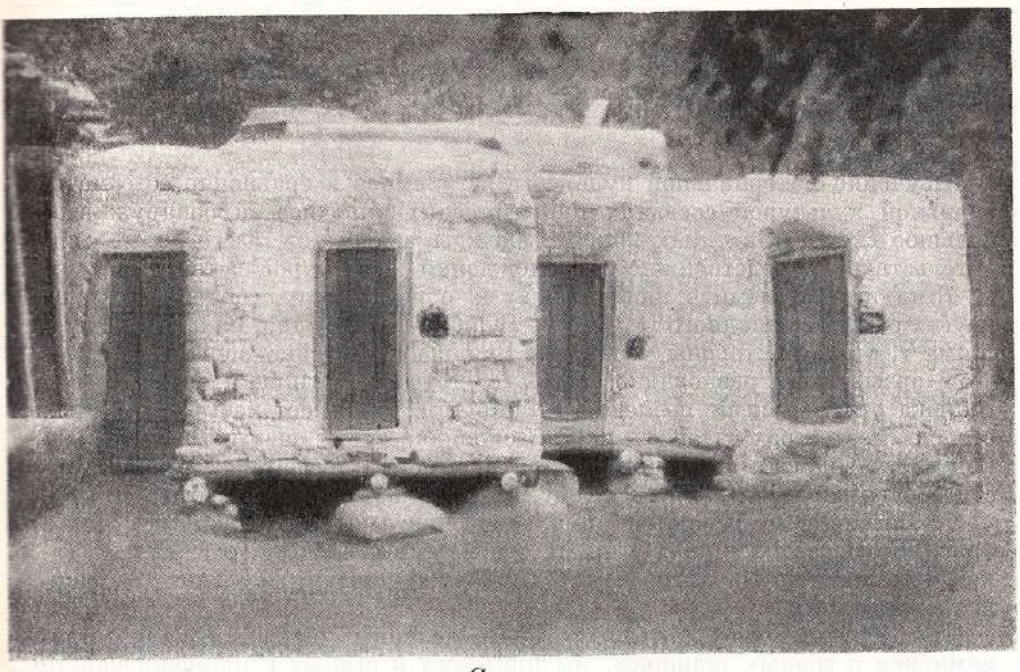
За последние годы почти каждый колхозник поставил отдельную или примыкающую к дому комнату-пристройку. Прямое назначение ее — служить помещением для гостей, хотя она нередко занимается самими хозяевами. В доме куд живут только зимой, летом перемещаются в аджру, спят зачастую на крыше дома или в саду, на четырехугольной высокой деревянной кровати — «муджа», на которой в другое время дня принимают гостей, иногда едят.

Многие язгулемцы имеют металлические кровати с сеткой, которые в летнее время стоят во дворе и заменяют собой мунджу. В зимнее время спят на глинобитных ражь, подстилая солому, сверху покрываемую кошмой и ватным одеялом. Укрываются шерстяными или ватными же одеялами. В домах язгулемской сельской интеллигенции (учителей, фельдшеров, бригадиров и т. п.) хозяин с женой и в зимнее время обычно спит в аджре, где стоит металлическая кровать.

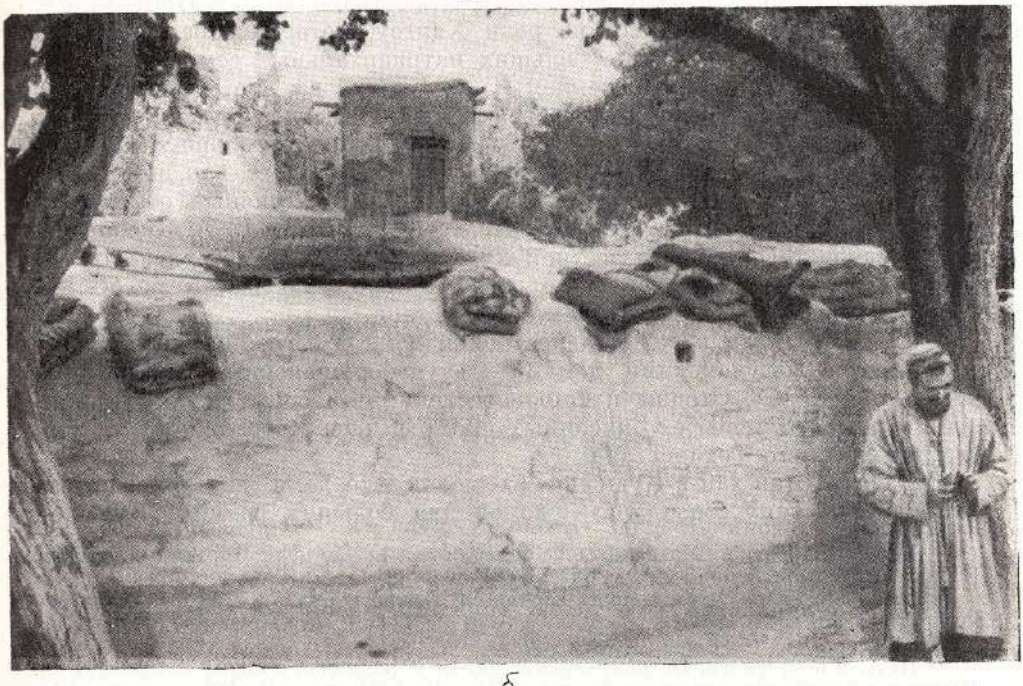
Усадьба колхозника по своим размерам значительно меньше бывших усадеб больших семей. Изменение произошло за счет уменьшения размеров зимнего дома куд и некоторых хозяйственных построек (например, конюшен). Хозяйственные постройки: кладовая — «гув», хлев — «ргут» строятся таким же способом, как и жилой дом, только в помещениях для скота пол земляной, не утрамбован, а в кладовых, как и в жилых домах, плотно утрамбованный.

Кладовые обычно бывают пристроены к дому (рис. 32, *а*), иногда их устраивают на крыше дома или хлева (рис. 32, *б*) или же под полом (рис. 25, *б*). Имеются отдельные кладовые для хранения съестных припасов, зерна; абрикосов и т. д.; в них делаются закрома, отделенные друг от друга глинобитными перегородками. К жилому дому примыкают хлев, загон для скота и конюшня.

Колхозные амбары гув строят так же, как и жилые дома и кладовые колхозников. Отличаются общественные амбары только своими размерами. Новым является постройка колхозных земляных погребов-овощехранилищ «гадалевка» (искаженное от «кладовка»). Такие хранилища

а

б

Рис. 32. Типы кладовых «гув»:
а — кладовые на земле; *б* — кладовые на крыше

стали строить в 40-х годах после того, как овощи заняли прочное место в сельском хозяйстве населения. Личных кладовых для хранения овощей у колхозников нет и не было раньше.

* * *

Изучение материальной культуры язгулемцев и сравнение ее с материальной культурой соседних припамирских народностей обнаруживает большое сходство в типах жилищ, одежды, предметов обихода, что свидетельствует о родственном происхождении этих народностей.

Жилища язгулемцев принадлежат к общему типу горного жилища других районов западного Памира — Рушана [74], Шугнана, Вахана и Ишкашима [75], с одной стороны, и жилищ Ванджа и бассейна реки Хингоу [76] с его «арзынгской разновидностью» — с другой. Жилище Припамирья — Ванджа отличается от последнего лишь тем, что имеет четыре основных столба вместо трех в «арзынгской разновидности» и очаг устроен в средней части боковых нар ражь, тогда как в доме «арзынгской разновидности» он помещается ближе к входу, в одном из передних углов дома [77].

В Язгулеме встречаются дома, имеющие четыре основных столба (рис. 26, *а*), а также дома с тремя основными столбами (рис. 25, *а*). Такой тип жилища характерен для периода бытования больших патриархальных семей.

На основании уже имеющихся многочисленных описаний жилищ припамирцев и горных таджиков, мы приходим к выводу о принадлежности жилища язгулемцев к типу жилища, распространенного в Припамирье, Каратегине, Дарвазе и бассейне реки Хингоу, которое характерно для районов недавнего бытования больших патриархальных семей.

Мы согласны с предположением Н. А. Кислякова, что это жилище, с одной стороны, под влиянием суровой природы высокогорных долин, а с другой,— в силу социальных причин (неразделенность больших патриархальных семей) принадлежит к единому типу в то время, как, по-видимому, население верхнего Зеравшана имеет особый, отличный от описанного, тип горного жилища. Это обстоятельство по словам Н. А. Кислякова, красноречиво говорит об известной культурной близости горцев Припамирья и населения Каратегина, Дарваза и Вахио — областей, известных в древности под общим названием Тохаристана.

В основном план и техника постройки дома в бассейне реки Хингоу однотипны с язгулемскими домами — «куд», рушанскими — «код», ваханским — «кхун». Сходны и типы поселений. Наоборот, ягнобские жилища [78] резко отличны от описанных нами и распространенных на территории древнего Тохаристана.

Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки [79] отметил, что дома жителей Дарваза построены по типу «балханов» — домов для больших семей у жителей

[74] И. И. Зарубин. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга. «Сборник МАЭ». Пг., 1918, V, вып. I, стр. 120—121.

[75] А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа, стр. 72—77; O. Olufsen. Through the unknown Pamirs..., p. 76—77; A. Hamilton. Afghanistan. London, 1906, p. 165—167.

[76] Н. А. Кисляков. Патриархальная семья у таджиков долины Ванджа. В кн. «Вопросы истории доклассового общества». М.— Л., 1936, стр. 764—765; его же. Жилище горных таджиков бассейна реки Хингоу. Сб. «Советская этнография», II, 1939, стр. 169—170.

[77] Там же.

[78] А. Н. Кондауров. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. М.— Л., 1940.

[79] Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан. Ташкент, 1926, стр. 141, 188.

Зебака. Таким образом, на основании сравнительного материала, мы можем сделать предположение, что народности, с которыми язгулемцы имеют общность происхождения, языка, хозяйства и материальной культуры, в недавнем прошлом стояли на одинаковой ступени общественного развития, а именно — на стадии большесемейных общин.

2. ОЧЕРК ОБЩЕСТВЕННОЙ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ ЯЗГУЛЕМЦЕВ

Язгулемцы вместе с другими припамирскими народностями: рушанцами, шугнанцами, ишкашимцами, ваханцами, а также родственными им народностями Афганского Бадахшана — прошли одновременно одинаковые стадии развития общественных и семейных отношений.

До сих пор население долины Язгулема, как уже упоминалось выше, делится на ряд родственных групп — «каумов», или «каунов». Члены такой группы ведут происхождение от одного предка, не легендарного, а реально существовавшего четыре-шесть поколений тому назад. Старики хорошо помнят генеалогию своего каума, носящего обычно имя предка.

М. С. Андреев [80] отметил в Язгулеме также наличие особого «мечетного каума» — «каум-и масджид». Эти каумы объединяли прихожан в группы и носили временный характер.

Помимо деления на каумы в Язгулеме еще в 1953 г. наблюдались пережитки разделения населения на две большие группы. Одна из них в прошлом представлявшая, по-видимому, «благородное сословие», включала каумы, из которых назначался правитель Язгулема — «мир» [81]. В нее входили три каума — Мирбони, Замони и Давлят Махмади, называемые «мирскими». «Факиры» — простой народ — составляли 28 каумов: Толиби, Холумбеги, Нурмахмади, Бахти, Джанги, Баджилы, Шомахмади, Шуляк (Шуляс), Ниесбеги, Кадамшо, Ниозай, Кыргыз, Шокири, Джобирай, Турк, Юбаки, Кушкори, Бекмахмади, Хиоли, Джамаки, Шогуни, Широмарди, Бельбелье, Шобеги, Легмони, Факири, Паноай, Худжо.

Наличие в Язгулеме «мирских» и «факирских» каумов свидетельствует о существовании в прошлом сословного деления. Действительно, только члены «мирских» каумов могли занимать место правителя Язгулема. Привилегированное положение «мирских» каумов подчеркивалось также неравномерным распределением налогов: они платили только «херадж» — $^1/_{10}$ урожая зерна — были освобождены от всех других налогов и повинностей.

Можно думать, что эти пережитки сословного деления являются отражением более раннего, кастового деления населения, существовавшего в далеком прошлом, как это имело место в других припамирских районах. Так, М. С. Андреев и А. А. Половцев [82] указывают, что в Ишкашиме, Зебаке и Вахане сохранились следы прежнего общественного строя, когда жители делились на касты: «сеиды» — потомки лиц духовной касты, «акобиро» — военная аристократия или наукяры, и «чокар» — слуги.

Потомки сеидов имеются в Шугнане; здесь, по словам нашего информатора 75-летнего Гулям Алиева [83], население делится на группы:

---

[80] М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений. «Изв. Тадж. филиала АН СССР», № 15. История и этнография. 1949, стр. 17.

[81] «Мир» — по объяснению язгулемцев происходит от слова «эмир» — господин, властитель. Слово «факир» (арабск. бедный, бедняк, неимущий) в Язгулеме обозначало основную массу крестьянства, простой народ.

[82] М. С. Андреев и А. А. Половцев. Указ. соч., стр. 8—9; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф. Сталинабад, 1953, вып. 1, стр. 36—37.

[83] Информатор: Гулям Алиев, Шугнан. Хорог, 31.VII. 1948.

«сеиды» — потомки духовной касты, «миры» — благородные люди, и «факиры» — простой народ.

Вполне возможно, что и в Язгулеме в прошлом существовало такое же кастовое деление, но со временем память о нем изгладилась. Дарвазские шахи назначали в Язгулем, как и в другие районы (например, Каратегин) [84], своих наместников, носивших имя «мир». Естественно, что на должность мира выбирали представителей из благородного сословия феодального шахства. Поэтому, вполне вероятно, что каумы, объединявшие представителей «благородного сословия», из которого выбирались миры, именно поэтому получили в народе название «мирских».

В годы нашего обследования каждый кишлак в Язгулеме делился на две части: верхнюю — «Турат» и нижнюю — «Вобат». Такое деление кишлаков прослеживается по всему западному Памиру, в Рушане и Шугнане. Можно предположить, что в этом делении сказываются следы исчезнувшей дуальной организации. Взаимоотношения этих частей кишлака представляют значительный этнографический интерес. Границей обеих частей кишлака, как правило, служит ручей. Известно, что на определенной стадии развития родового общества, при расселении племени, две фратрии, связанные брачными отношениями, располагались территориально недалеко друг от друга, но их земли и охотничьи угодья имели свои границы. Самыми удобными считались естественные границы: ручей, река, овраг и т. д. Можно предположить, что автохтонное население Язгулема, как и население других районов западного Памира, сохранило к приходу новых групп переселенцев некоторые черты дуальной организации. Эти черты, вероятно, были восприняты пришельцами, сохранившими в свою очередь пережитки той же организации, следы которой наблюдаются у населения Язгулема и в настоящее время. Так, в Язгулеме в 1953 г. каждая половина кишлака еще делилась на ряд кварталов.

Кишлаки имеют, в основном, четное число кварталов. Особенно ярко это выражено в кишлаках Андербак, Вышхарв и Будун (см. план кишлака Андербак, рис. 23). Часто один из кварталов носит название верхней или нижней половины кишлака — «Вобат» или «Турат». В квартале обычно живут члены одного каума. Жители каждой половины кишлака связаны общностью хозяйства, а часто и родственными отношениями. Рождение ребенка, свадьба, похороны или другое семейное событие отмечается всеми жителями данной половины кишлака, которые приходят в дом без приглашения. Это является их обязанностью, тогда как жители другой половины кишлака могут прийти только в случае специального приглашения.

Во время праздника туй устраивается борьба между жителями разных половин кишлака [85]. В борьбе участвует все мужское население. Начинают бороться мальчики-подростки лет 12—14, затем в борьбу вступают юноши и мужчины. На праздник Рамазан и Иди-Курбон жители «Турат» обыкновенно приходили в «Вобат» для игры в «тухм» (яйца) аналогичной игре в битки в дни православной пасхи.

Очень ярко выявляются взаимоотношения обеих половин кишлака в свадебном обряде. Если жених и невеста происходят из разных половин, то родственники невесты устраивают шуточное избиение родственников и друзей жениха. Стороны бросают друг в друга камни — «китак»,

[84] Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина. Сталинабад, 1954, стр. 134.

[85] Информаторы: Файоз Шолинов, каум Холумбеги; Шейх Джалилов, каум Мирбони, кишл. Андербак, 9.IX 1948; Махмадулло-Бек Кыргызов, каум Толиби, кишл. Джамак, 22.IX 1948.

обернутые в тряпочки, а зимой — снежки. Если невеста из другого кишлака, борьба завязывается между живущими в половине невесты и пришедшими с женихом гостями. Эти обычаи, по-видимому, отражают следы бытовавшей здесь в отдаленные времена дуальной организации.

С. П. Толстов [86] указывает на сохранившиеся у древних сакомассагетских племен (вероятно, отдаленных предков припамирских народностей) пережитки дуальной организации, проявлявшиеся в делении племени на две половины, что отражало очень древнюю группировку родов на две фратрии. Эта традиция сохранялась в Средней Азии вплоть до раннего средневековья. Деление на фратрии сочеталось у древних народов с особым комплексом обрядов, одним из которых было ежегодное ритуальное состязание двух фратрий, нередко выливавшееся в настоящее побоище.

Сохранение в изолированной до недавнего времени долине Язгулема следов дуально-фратриального деления, по-видимому, бытовавшего у первых аборигенов края, не представляется чем-то специфическим. А. Н. Кондауров [87] в долине Ягноба, находящейся в таком же, как и долина Язгулема, отрезанном от мира горном ущелье, обнаружил первоначальное деление селения Дехи-Балянд на два квартала. Первые обитатели поселились в составе двух родов, один занял восточный, а другой западный склон сая. Интересно, что здесь, как и в язгулемских кишлаках, «восточная и западная стороны сел. Дехи-Балянд имеют каждая по самостоятельной летовке» [88].

Нам представляется возможным видеть в этом делении кишлака на две половины, каждая из которых занята определенным родом, пережитки дуальной организации, унаследованной ягнобцами, как и язгулемцами, от их отдаленных предков.

Как отмечалось выше, каждая половина кишлака имеет один или несколько кварталов, состоящих из усадеб членов одного каума. В усадьбе жила в недавнем прошлом большая патриархальная семья. Таким образом, квартал состоял из ряда больших патриархальных семей, входивших в один каум.

Каждый квартал в основном населяли члены одного каума. Так, из 17 семейств квартала «Вобат» (кишлак Андербак) 13 — члены каума Мирбони, и только 2 семьи двух родных братьев Холумбеги и одна семья Шуляк. Однако главы семей женаты на женщинах, принадлежащих к кауму Мирбони. В квартале «Кала» — все Мирбони. В квартале «Шарингят» стороны «Турат» живут члены каумов Шуляк и Турк и две семьи Давлят Махмади, не так давно переселившиеся из Вышхарва. В квартале «Турат» этой же стороны из 18 семейств 14 принадлежат кауму Холумбеги и только 4 семьи Мирбони.

В долине Ягноба селения также разбиты на отдельные кварталы. Как сообщает А. Н. Кондауров, «в кварталах еще в недавнем прошлом жили преимущественно семьи, связанные между собой тем или иным родством: семьи братьев, потомки общего дальнего предка и т. п.» [89].

Расположение жилищ кварталами в восточных районах Таджикской ССР отмечено В. В. Гинзбургом [90] и Н. А. Кисляковым [91].

---

[86] С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.— Л., 1948, стр. 115—116.

[87] А. Н. Кондауров. Указ. соч., стр. 35.

[88] Там же, стр. 67.

[89] Там же, стр. 29.

[90] В. В. Гинзбург. Кишлаки восточных районов Таджикской ССР и жилища горных таджиков. «Советская этнография», 1936, № 3, стр. 59—60.

[91] Н. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-Боло. М.— Л., 1936, стр. 22—25.

Хозяйственная общность каума выражается в том, что вся земля больших патриархальных семей считалась собственностью каума; пахотная земля была поделена между семьями, а пастбищами пользовались сообща, всем каумом. Идеологическую общность каума можно характеризовать авторитетом и властью старейшины — главы каума. Обычно это был самый старший по годам и самый авторитетный житель каума. С ним члены каума и члены больших семей совеговались по всем, имеющим для них значение, вопросам: о приобретении скота, о посылке кого-нибудь на заработки, о кандидатуре жениха или невесты. В своем этнографическом этюде «Язгулемцы» Н. А. Кисляков пишет: «В дни праздников члены родовой группы собирались в доме старейшины и все вместе совершали молитву «ба арвохи боби» («духам предков»)» [92].

К 1953 г., в связи с проникновением новой идеологии и установлением новой системы хозяйства, положение главы каума утратило свое значение, однако и поныне сохранилось глубокое уважение к старейшему со стороны членов данного каума и других лиц; на нем до сих пор лежит обязанность предавать земле умершего мужчину (см. ниже).

Общность каума проявляется и в своеобразной роли мечети в Язгулеме. В каждом кишлаке имеется несколько мечетей — «масджид», число их обычно равно числу больших кварталов, занимаемых определенными каумами. На плане кишлака Андербак ясно видно, что из трех мечетей одна принадлежит кауму Мирбони, вторая — кауму Холумбеги, третья — каумам Турк и Шуляк. В прошлом помещение современной мечети являлось общим домом для гостей и, как «алоу-хона» горных таджиков, местом общественных трапез и увеселений для мужчин определенного каума. С проникновением суннизма к исмаилитам-язгулемцам эти общественные дома были приспособлены под мечети; здесь, на наш взгляд, проявляется органическая связь этих общественных домов с древним культом огня, пережиток которого и поныне прослеживается в обычае поддерживания «неугасимого огня» в зимнее время. Масджид, особенно в зимний период, продолжал играть роль своеобразного мужского клуба [93] до тех пор, пока в 1952—1953 гг. не открыли колхозные клубы.

После молитв стариков в мечети собиралась мужская молодежь, чтобы обсудить дела, повеселиться, поиграть на струнных инструментах, послушать пение. Каждый по очереди приносил дрова. Женщины приготовляли дома пищу и относили своим мужьям, братьям и сыновьям, а последние устраивали общее угощение. Неженатые оставались на ночлег. Огонь поддерживался всё время. Женщинам входить в помещение мечети запрещалось.

Использование мечети в качестве своеобразного мужского клуба характерно для горного Таджикистана. Вот что сообщает один из исследователей: «Приходская мечеть каждого селения в Дарвазе и Каратегине служит также и сборищем молодежи на вечеринки (гоштак) для собеседничества и затем для ночлега. Обыкновенно, по установившемуся издавна обычаю,— вследствие тесноты домашних помещений горцев, в которых часто бок о бок разделяют супружеское ложе 2—3 семьи,— все подростки с 10 лет и вся холостежь вообще с вечера отправляются с кое-какой подстилкой, с горстью топлива (поочередно), с одной лепешкой в сельскую мечеть, где весело по-своему проводят время в разговорах, шутках

---

[92] Н. А. Кисляков. Язгулемцы, стр. 363.

[93] Информаторы: Шонассредин Мирваджев, каум Шокири, кишл. Будун, 6.IX 1947; Файоз Шолинов, каум Холумбеги; Такый Хабиров, каум Мирбони; Шейх Одинаев, каум Мирбони, кишл. Андербак, 4.IX 1948.

и пении, засыпая вповалку на полу перед общим костром и удаляясь на рассвете к себе домой, чтобы освободить мечеть для молящихся стариков» [94].

С. П. Толстов определяет «дом огня» как место общественного культа неугасимого священного огня и место общественных собраний и ритуальных трапез. «Дома огня» встречаются у народов Средней Азии еще в эпоху раннего средневековья. С. П. Толстов считает их пережитком «мужских домов», возникавших на поздних этапах материнского родового строя и порожденных борьбой мужчин за доминирующее положение в обществе [95].

Итак, в среде горных таджиков, в частности среди язгулемцев, сохранялись еще некоторые пережитки общественного строя их отдаленных предков.

Сказанное позволяет сделать предположение, что язгулемский каум представлял собой пережиточную форму патриархального рода или так называемую патронимию. Патронимия — «группа близких родственников, ведущих свое происхождение от общего памятного предка... Это группа семей, образовавшаяся в результате сегментации одной большой семьи... В целом ряде отношений эти родственные семьи сохраняют хозяйственное, общественное и идеологическое единство, хотя каждая семья и представляет собой самостоятельную единицу» [96].

За годы советской власти, как мы уже отмечали, произошли коренные изменения в хозяйственной жизни язгулемцев. Новая социалистическая система хозяйства способствовала разрушению хозяйственного единства каума, а вместе с тем и его общественной и идеологической роли, хотя пережитки последней еще бытуют в среде язгулемцев.

* * *

После ликвидации независимости Дарвазского шахства, Дарваз стал одним из бекств Бухарского эмирата. В 1892 г. в него входили 11 амлякдарств и 2 особых отдела: Язгулемский и Тангшивский [97].

В 1911 г. в Бухаре было 27 бекств, которые разделялись на амлякдарства, а в горных районах — на шахства (округа) [98]. Н. А. Кисляков пишет, что в шахский период наместники «ша» были «ша-бача» или «мир» (как это имело место в Язгулеме.— *Л. М.*), которые сидели в крепостях «кала», центрах наместничества. При Мангытах (бухарские эмиры из рода Мангыт.— *Л. М.*) эти наместничества стали называться амлок, а наместники — амлокдорами. Амлоки были разбиты на миразорства, управлявшиеся миразорами [99]. Как передают старики-язгулемцы [100], язгулемский «миразор», чаще называемый в Язгулеме «мир», подчинялся амлякдару,

---

[94] Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин. «Военный сборник», т. CLIV, № 12. СПб., 1883, стр. 310. См. также А. Шишов. Таджики, ч. I. Этнография. Ташкент, 1910, стр. 311—312; В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Л., 1929, стр. 38; В. В. Гинзбург. Кишлаки Восточных районов Таджикской ССР..., стр. 71; И. А. Кисляков. Следы первобытного коммунизма..., стр. 77.

[95] С. П. Толстов. Указ. соч., стр. 116—117.

[96] М. О. Косвен. Очерки по этнографии Кавказа. «Советская этнография», 1946, № 2, стр. 119.

[97] Кузнецов. Указ. соч., стр. 68.

[98] Д. Н. Логофет. Указ. соч., т. 1, стр. 240—241.

[99] Н. А. Кисляков. Очерки по истории Каратегина, стр. 134. «Миразор» — начальник тысячи (остатки старого административного деления на десятки — «даха», сотни — «сада» и тысячи — «хазара»).

[100] Информаторы: Курбон Махмед, каум Давлят Махмади; Марди Худо Худодолов, каум Ниозай, кишл. Вышхарв, 17.IX 1948.

резиденция которого была в Ванче (Ванджe). Функции мира заключались главным образом в сборе налогов.

Миразорство Язгулем было разбито на три арбобства (старостата). Во главе каждого стоял староста — «арбоб». В первое арбобство входили кишлаки Матраун (Марсун), Шоуд (Шававд), во второе арбобство — кишлаки Будун (Бдун), Вышхарв (Вашхарв), Андербак (Андрбак), в третье арбобство — кишлак Джамак. Кишлаки, лежащие в верховьях реки Язгулема, ни в какое арбобство не входили.

Староста арбоб назначался миром с согласия глав больших семей и был ему подотчетен. Должности мира и арбоба не были наследственными, однако мир обязательно должен был происходить из «мирских» каумов — благородных семейств, тогда как арбоб — только из «факирских». Все налоги, собираемые с язгулемцев, как и с жителей других амлякдарств и миразорств, шли дарвазскому беку. Г. А. Арандаренко указывает, что «доходы... с этих горных бекств... ничтожны», они не покрывали «расходов на содержание в Калаи-Хумбе одного батальона» [101].

В 1911 г. Д. Н. Логофет отметил, что из всех бекств Дарвазское бекство дает общую сумму сборов самую низкую — 25 тыс. руб. [102] (на русские деньги).

Подати в Язгулеме собирались только с трех арбобств, верхние кишлаки были освобождены от всех податей, но должны были отдавать золотой песок, который добывали в реке (количество установить не удалось).

В Язгулеме не было ни вакуфных, ни каких-либо других земель, кроме «хераджных», которые находились во владении и пользовании представителей как «мирских», так и «факирских» каумов.

«Мирские» каумы были освобождены от «закята» — налога на скот. Они платили только «хердж» — $^1/_{10}$ урожая зерна.

«Факирские» каумы, кроме $^1/_{10}$ части урожая зерна, платили и закят — по одной голове мелкого скота с одного дома (большой семьи) и по одной корове с каждого арбобства. Арбобы собирали налоги с населения и передавали сборщику податей «мушрифу», ежегодно приезжавшему из Дарваза.

По данным Кузнецова, в 1892 г. в Язгулеме хераджу вносят: пшеницы 20—30 батманов (1 батман равен 12 пудам), ячменя — 10—15 батманов и тута 20—25 батманов [103].

Управлять Язгулемом, ввиду его изолированности, было очень трудно. Язгулемцы подчинялись непосредственно своим старостам — арбобам и миру, и лишь изредка туда наезжал какой-нибудь чиновник. Кишлачная община состояла из нескольких отдельных каумов, живших в данном кишлаке. Все дела кишлачной общины обсуждались на собрании народа — «машварат», или «маслихат», где право решающего голоса принадлежало главам больших семей. В этом уже сказывалось отживание старых порядков первобытно-общинного строя, когда право решающего голоса имел каждый совершеннолетний.

Члены богатых семей, по происхождению принадлежавшие к «мирским» каумам, обычно старались сделать беку «подарок», чтобы получить должность мира в Язгулеме. Подарок, как правило, состоял из одной лошади, одной коровы, двух быков. «Благородный» язгулемец, приглянувшийся беку, направлялся им в Язгулем в качестве кандидата и, прибыв на место, собирал жителей. На «собрание по выбору мира» обязательно

---

[101] Г. А. Арандаренко. Дарваз и Каратегин, стр. 150.
[102] Д. Н. Логофет. Указ. соч., т. 2, стр. 65.
[103] Кузнецов. Указ. соч., стр. 84.

должны были явиться главы больших семей, которым и принадлежало решающее право голоса; наиболее состоятельный кандидат в миры делал им подарки, а для всего народа устраивал угощение. По обычаю, кандидата сажали на кошму, и четыре человека, взявшись за концы кошмы, три раза поднимали ее вверх. После этой церемонии мир считался избранным. Тем, кто поднимали мира на кошме, он дарил по халату. Если большинство населения не хотело избирать данного кандидата миром, то посылали письмо беку, и он предлагал другого кандидата. На памяти стариков первый мир был из каума Замони. На обязанности мира, помимо того, что он должен был следить за сбором податей по арбобствам, лежала также обязанность назначать должностных лиц. Чтобы получить должность арбоба, нужно было сделать соответствующий подарок миру (обычно дарили корову). Получив подарок, мир на собрании кишлачной общины, посоветовавшись с главами больших семей, назначал на 1—2 года арбоба. Мир давал ему халат и чалму, после чего арбоб вступал в должность. Мир назначал также «мироба» — «хозяина воды», следящего за распределением воды для каждого владельца земли по очереди, в зависимости от количества и качества земли; вода давалась примерно через каждые 10 дней. Мир назначал и «тунчи-баши» — должностное лицо, отвечавшее за состоянием дорог и арыков, а также следившее за очередностью отбывания строительной повинности.

На весь Язгулем был один судья — «кози», который выбирался на общем собрании всех жителей. Кандидата поднимали на кошме три раза, а мир в это время делал поименный опрос присутствующих мужчин, кто «за» и кто «против», причем решающее слово оставалось за главами больших семей.

* * *

Как сказано выше, Язгулем входил во владения дарвазских шахов, и представлял собой самую отдаленную и бедную окраину Дарваза. Дарвазские шахи, имевшие дружину — «наукаров», брали с дехкан налоги по произволу. Твердых норм налогов не было. У дарвазских шахов феодалы-дружинники владели лишь непосредственно своими родовыми землями «хоки падар» (земля отца), к обработке которых, подобно шаху, они привлекали дехкан путем хашара (коллективной барщинной работы) [104]. Рост частной собственности на пахотную землю создал предпосылки к усвоению феодальных форм собственности, которые были принесены в Язгулем извне, особенно после присоединения Дарваза к владениям эмира Бухарского в конце 70-х годов XIX в.

В результате роста частной собственности и вызванной этим дифференциации кишлачной общины, ряд семей «факирских» каумов по богатству не уступал влиятельным семьям мирского происхождения. С вторжением бухарцев мало что изменилось в системе эксплуатации.

Бухарским чиновникам нечего было делать в этом глухом и нищем ущелье.

В среде самих язгулемцев существовало социальное неравенство. «Факирские» каумы, уступая силе, должны были довольствоваться худшей по качеству землей. Многие из них вынуждены были брать землю у более зажиточных хозяев за определенную долю урожая, чаще за $^1/_3$ или $^1/_5$ часть. Кроме этих издольщиков, в Язгулеме были безземельные дехкане, также в основном из «факирских» каумов. Их ряды пополнялись за

[104] Н. А. Кисляков. Патриархальная семья у таджиков долины Ванджа, стр. 760. См. также его же. Следы первобытного коммунизма.., стр. 98.

счет младших сыновей, которые при разделе наследства получали только дом и приусадебную землю, тогда как пахотная земля делилась между старшими братьями. Такие безземельные дехкане работали на полях зажиточных хозяев за натуральную плату. Они получали за свой труд некоторое количество зерна, абрикосов, иногда, по договору вместо платы хозяин кормил их весь рабочий сезон.

Основная масса дехкан обрабатывала свои земельные наделы собственным трудом. Маломощные хозяйства объединялись для совместной обработки земли. Собирали весь наличный инвентарь и обрабатывали землю сообща, по очереди.

В Язгулеме, как и в других частях Бухарского эмирата, существовали натуральные повинности: работа по проведению оросительных каналов и по ремонту дорог (вернее, троп). Зажиточная верхушка кишлака обычно не участвовала в этих работах, выставляя вместо себя работников из числа беднейших односельчан, и вся тяжесть выполнения натуральных повинностей ложилась на последних. Таким образом, в Язгулеме, сохранявшем, в основном, черты патриархального, т. е. в значительной степени натурального крестьянского хозяйства (как его характеризует В. И. Ленин) [105], были уже элементы феодальной эксплуатации.

В Язгулеме, как и в других припамирских районах [106], в хозяйстве не использовали рабов. Н. А. Кисляков [107] отмечает, что «Набеги с целью захвата людей и продажи их в рабство производили дарвазские феодалы, шахи и их приближенные. Увод в рабство ванджского населения практиковался последними вплоть до покорения горных таджикских княжеств эмиром бухарским, т. е. вплоть до 1877 года».

Старики-язгулемцы рассказывают, что до завоевания бухарским эмиром Дарваза и в первое время после его завоевания из Язгулема брали ежегодно дань людьми. Для продажи в рабство забирали одного человека — мужчину или женщину; если рабу удавалось бежать домой, то он становился опять свободным человеком. Сами же язгулемцы в своем общественном развитии не дошли до патриархального рабства. Возможно также и то, что в бедной долине рабочие руки рабов были лишними и их труд не оправдал бы затрат рабовладельца.

* * *

Примерно до 30-х годов в Язгулеме бытовали большесемейные общины. Во главе каждой семейной общины стоял «колонтари-хона» — не обязательно старший по возрасту, но наиболее инициативный и авторитетный человек. Он распоряжался всем хозяйством, и его слушались беспрекословно. Колонтари-хона играл главную роль при распределении доходов семьи, при заключении браков, он руководил работой мужчин в семье, он же представлял семью на собраниях «машварат». Среди женщин старшей считалась жена главы семьи. Она распределяла работу между женщинами и распоряжалась всеми продуктами, следила за тем, чтобы все были одеты, и решала, кому и что в первую очередь необходимо приобрести из одежды.

Большая патриархальная семья жила в одном большом доме — куд, где каждая малая семья имела свое определенное место.

---

[105] См. В. И. Ленин. О продовольственном налоге. Соч., т. 32, стр. 309.
[106] М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, стр. 29.
[107] Н. А. Кисляков. Патриархальная семья у таджиков долины Ванджа, стр. 758.

Раздел больших семей у язгулемцев начался еще до установления советской власти [108] в результате роста частной собственности. Население обычно объясняет причину разделов ссорами женщин. В старину, если братья разделялись после смерти отца, младший брат, по обычаю, получал дом и усадебную землю. Старший брат получал «большую землю» (пахотную) — пишток и аджру (см. выше). Хозяйственные постройки делили поровну. Если было несколько братьев, младший получал дом, а «большая земля» делилась поровну между остальными братьями.

Если наследником оставался несовершеннолетний мальчик, то его брали в дом ближайшие родственники, которые обрабатывали его землю и вели хозяйство до его совершеннолетия. Если сыновей не было, то дом и землю получала дочь.

В Язгулеме в силу ряда причин долгое время удерживалась родовая собственность на землю, пахотная земля больших патриархальных семей считалась собственностью каума [109], хотя и передавалась по наследству от отца к сыновьям. Если сыновей не было, то земельный участок и усадебные постройки переходили к дочери. Переход наследства к дочери имел место и в других припамирских районах. М. С. Андреев отметил, что в Ишкашиме, Зебаке, Вахане и т. п. «потомство от одного брака получает столько же, сколько потомство от другого», хотя бы с одной стороны была только дочь, а с другой много детей [110]. М. С. Андреев указывает в другой работе, что «если девушка являлась единственной дочерью своего отца и должна была получить от него в наследство все его имущество, в том числе и земельные участки, которых женщина при наличии мужских наследников по существовавшему наследственному праву до революции никогда не получала, то тогда ее выход замуж за двоюродного брата (сына брата ее отца...) был не только желательным, но и обязательным, так как таким образом обеспечивалось сохранение земли в семье отца» [111]. В случае отсутствия детей, родных братьев и других близких кровных родственников землей распоряжался глава каума, старейший в роде. И только если вымирал весь каум (что бывало очень редко), землей распоряжался мир по указанию дарвазского бека — наместника эмира.

Большие патриархальные семьи еще в начале нашего столетия сохранялись в соседних с Язгулемом припамирских районах. В Зебаке «жители селятся целым родом, то есть в одном доме живет четверо-пятеро братьев, дядей и племянников — все со своими женами...» [112]. В Вахане и Ишкашиме часты семьи в 30—40 человек. В селении Выранг в Вахане есть семья, в которой насчитывается до 116 человек [113]. Следы бытования больших семей отмечены в Дарвазе и Каратегине. «В Дарвазе и Каратегине... по количеству домов селения не велики (от 10 до 100 домов), но зато многолюдны, потому что у горцев совершенно не практикуется выдел из хозяйства женившихся сыновей, не практикуется и раздел наследства, а действует кооперативный закон» [114]. «Нет ничего необыкновенного в том,

---

[108] Информаторы: Махмадулло-Бек Кыргызов, каум Толиби, кишл. Джамак, 22.VIII 1948; Шейх Джалилов, каум Мирбони, летовка Хваун, 24.IX 1948.

[109] Информаторы: Мамед Гавос Саломов и Хабир Султанов, каум Мирбони, 12.VIII 1948.

[110] М. С. Андреев и А. А. Половцев. Указ. соч., стр. 20.

[111] М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, стр. 122.

[112] Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Указ. соч., стр. 140.

[113] М. С. Андреев и А. А. Половцев. Указ. соч., стр. 20—21. О бытовании больших семейных общин у ваханцев см. также А. А. Бобринской. Горцы верховьев Пянджа, стр. 80; Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Указ. соч., стр. 154.

[114] Г. А. Арандаренко. Указ. соч., стр. 303.

что 6 семей живут вместе не в отдельных помещениях, а в одной или двух комнатах»,— пишет Вуд [115].

В соседнем с Язгулемом Ванджe большую патриархальную семью описал Н. А. Кисляков. Он остановил свое внимание и на причинах разложения большой семьи. «Причина разделов лежит... в проникновении в долину товарных отношений... в проникновении все глубже в поры общинного хозяйства частной собственности... Выделение земли в частную собственность совпадает с моментом гибели общины дроблением ее на отдельные малые семьи, ведущие каждая свое самостоятельное хозяйство» [116].

В наше время, в связи с тем, что хозяйство всего общества построено на социалистических началах и земля является собственностью государства, имущество большой семьи делится между братьями на равные доли, начиная со скота и кончая посудой. Дом, по обычаю, продолжает оставаться самому младшему. Если живы отец и мать, они могут жить у любого из сыновей по их желанию.

С 1930-х годов началось интенсивное выделение малых семей, однако малая семья не порывает окончательно с большой семьей и находит в ней поддержку и помощь.

Сравнивая данные Кузнецова [117] о количестве дворов в Язгулеме (по кишлакам) с нашими данными, полученными при работе в 1948 г., мы видим, какими темпами идет процесс дробления больших патриархальных семейных общин за 55 лет.

Кишлак	1893 г.	1948 г.
Матраун	40 дворов	57 дворов (хозяйств)
Шоуд	5 »	18 »
Будун	20 »	37 »
Вышхарв	20 »	45 »
Андербак	12 »	60 »
Джамак	20 »	67 »
Зайч	5 »	8 »
Джафак	6 «	9 »
Убагн	5 »	6 »

Современная язгулемская колхозная семья, в основном, состоит из 7—9 человек. Однако как яркий пережиток больших патриархальных семейных общин в Язгулеме бытуют многолюдные семьи, до 16—20 человек, живущие одним хозяйством. Такова, например, семья Махмадулло-Бека Кыргызова (каум Толиби, в кишлаке Джамак). Семья насчитывает 20 человек и живет в одной усадьбе (рис. № 33). Каждая малая семья имеет свое помещение — аджру, которое раньше считалось летним.

Главе семьи — Махмадулло-Беку Кыргызову около 80 лет. От первого брака у него три сына. Старший, Абдурахман, имеет жену, трех сыновей и четырех дочерей (одна из них недавно вышла замуж); сам Абдурахман работает в колхозе. Второй сын, Абу-Керим, учился в высшей партийной школе в Сталинабаде; он, его жена и двое детей живут с Махмадулло-Беком. От второго брака у Махмадулло-Бека один малолетний сын и четыре дочери (одна из них умерла летом 1948 г.). Семья до 1944 г. со-

[115] G. Wood. A Journey to the source of the River Oxus. London, 1872, p. 247.
[116] Н. А. Кисляков. Патриархальная семья у таджиков долины Ванджа, стр. 780—781.
[117] Кузнецов. Указ. соч., стр. 95.

стояла из 27 человек. В 1944 г. из семьи выделился третий сын Махмадулло-Бека от первого брака, Абдурахим, с женой и пятью детьми.

Старшей среди женщин считается жена Махмадулло-Бека — Зебак. Она руководит работой женщин. Продукты, получаемые на трудодни, зарабатываемые членами семьи, поступают в распоряжение Зебак. Пищу варят в одном большом котле, а затем Зебак разливает ее в меньшие котлы по числу членов малых семей.

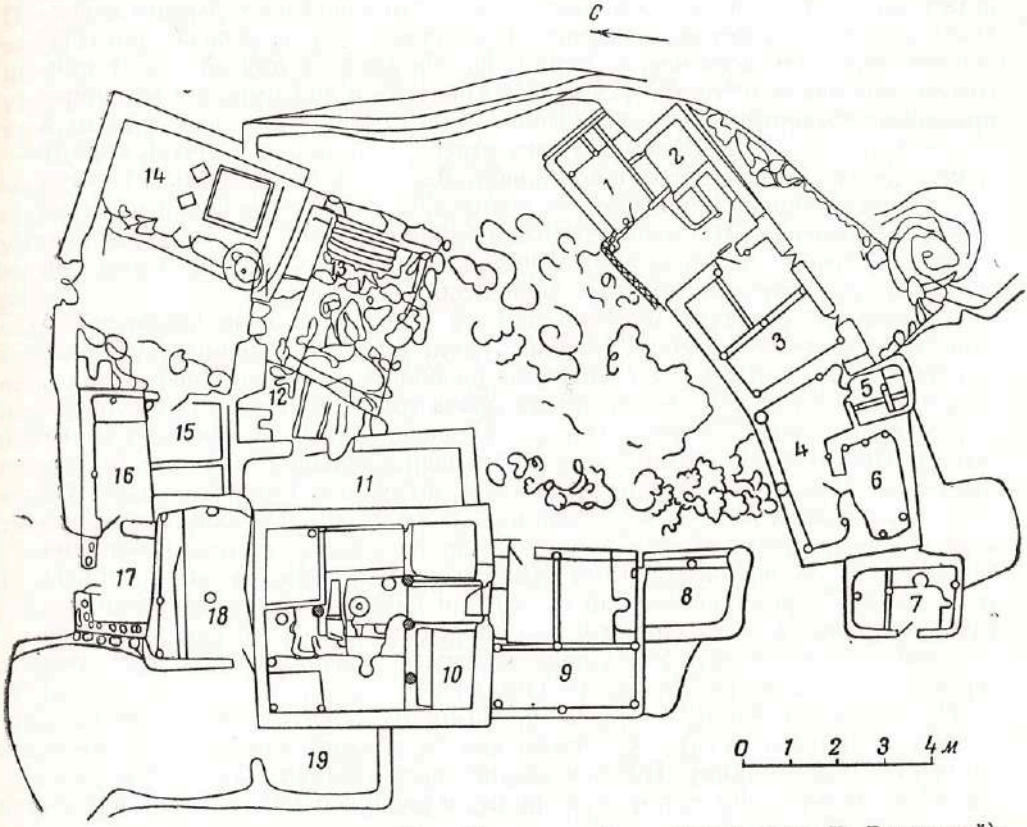

Рис. 33. Усадьба Махмадулло-Бека Кыргызова (рис. автора и В. Л. Ворониной):

1, 5, 6 — кладовые «гув», *2* — помещение для гостей «аджра», *3* — летнее помещение «чордора», *4, 8*— терраса «дализ», *7* — кухня «алоу-га», *9* — сени «дарго», *10* — жилой дом «куд», *11* — помещение для гостей «хушхона», *12, 13, 14* — возвышения для отдыха семьи и приема гостей «декун», *15* — конюшня «вахтан», *16, 18, 19* — хлевы для мелкого скота «хаз», *17* — хлев для коров «ргут»

Другая многолюдная семья (16 человек) — Шукурова Рахматулло (каум Тобили, в кишлаке Джамак). Сам Рахматулло — работник Ванчского райисполкома. Вместе с ним одним хозяйством живут его мать, пять братьев (трое из них женаты) и их дети.

Рахматулло — старший в семье. Он распоряжается работой братьев и доходами семьи. Его брат Мирджон — директор школы, получивший специальное образование. Другой брат, Ноуруз, работает в Памирской геологической экспедиции. Третий брат, Халифа, бригадир в колхозе. Юноши Амрихудо и Шаша работают в колхозе. Братья считают, что жить вместе удобнее.

Семья занимает одну усадьбу. Летом спят на воздухе или в летних помещениях — в дализе, в хушхоне и т. д. Зимой вся семья по-прежнему

живет в старом доме куд. Каждая малая семья имеет свое определенное место: мать спит около очага, Рахматулло Шукуров с семьей там, где обычно спит глава семьи,— на «чорсега». Младшие братья располагаются: Науруз с семьей — на «шашын», Мирджон — на «зачаражь», Халифа — на «пасшашын».

Мать Рахматулло распоряжается работой женщин. Придя домой после работы в колхозе, каждая женщина принимается за свои дела. Каждой поручается работа в зависимости от того, что она умеет лучше делать. Одна из женщин, умеющая хорошо и вкусно готовить, занята приготовлением пищи для всех членов семьи; на обязанности другой лежит приготовление лепешек; третья ухаживает за скотом и приготовляет молочные продукты; четвертая смотрит за всеми детьми. Пищу для всех готовят в одном большом котле. Женщины едят отдельно от мужчин. Детей кормят тоже отдельно. Женщины отдают заработанное в колхозе в семью. Однако скотом, полученным в подарок от родителей, каждая распоряжается по своему усмотрению. И в прошлом, и в настоящее время, деньги (или предметы), которые заработала сама женщина (например, вязкой чулок) она тратит на приобретение нужных вещей для себя лично.

Положение женщины-мусульманки до революции было чрезвычайно тяжелым. Согласно обычаям шариата, муж являлся полноправным владельцем жены. В Язгулеме бесправное положение женщины выражалось, в частности, в том, что она не имела права голоса на собраниях общины и решающего голоса в доме (кроме старшей, с которой считался глава семьи). При выдаче девушек замуж решающее значение имела воля главы семьи. Развод со стороны жены был затруднен. Оскорбленный муж имел право убить жену и ее любовника. Если он убивал обоих, то не отвечал перед родственниками убитого, если же убивал только любовника своей жены, он нес перед ними ответственность. Обычно он платил за это штраф — «хун», состоявший из лошади или коровы. Если любовнику удавалось бежать, оскорбленный муж передавал дело на суд кози, где ответчика облагали штрафом в пользу истца, а провинившейся жене муж отрезал косы и семь раз ударял ее плетью.

По существовавшему в Язгулеме обычному праву, кровная месть — «касос» обязывала мстить одинаково как за убитого родственника мужчину, так и за женщину. В более позднее время выкуп — «хун» был одинаков как за мужчину, так и за женщину и равнялся 1000 золотых бухарских денег «тилля» [118].

Однако, несмотря на свое бесправное положение, женщина-горянка, и в частности язгулемка, была все же более свободна, чем женщина равнинного Таджикистана и других районов Средней Азии [119]. Она никогда не знала паранджи, свободно держалась в мужском обществе. С. Д. Масловский писал: «...женщины нисколько не дичатся. Жена хозяина даже спала с нами в одной комнате» [120].

До установления советской власти у язгулемцев, как и у других мусульманских народов, допускалось многоженство, но редко кто имел больше двух жен: «калянг» (калым) трудно было собрать и за одну жену.

На религиозных праздниках и увеселениях женщины собирались и развлекались отдельно от мужчин. В семье женщина была подчинена главе семьи, его жене и своему мужу. По своему усмотрению она могла распоря-

[118] По курсу 1911 г. «тилля» равнялась 4 рублям номинальной стоимости, курсовая — 6 руб. 80 коп. (Д. Н. Логофет. Указ. соч., т. 2, стр. 68).

[119] С. А. Халикова. Женщины Советского Таджикистана. Сталинабад, 1949, стр. 5.

[120] С. Д. Масловский. Гальча, стр. 23.

жаться только скотом, подаренным ей ее родными. Женщины обедали отдельно от мужчин и ели обычно то, что оставалось после мужчин.

У язгулемцев до недавнего времени предпочтительным являлся «ортокузенный брак», т. е. брак на своей «поташ»— двоюродной сестре, дочери брата отца. Можно было брать в жены дочь брата матери, дочь сестры отца или сестры матери, дочь двоюродного брата или двоюродной сестры, свою племянницу «хуер».

Заключение родственных браков характерно для горцев других долин Припамирья. И. И. Зарубин отметил, что у рушанцев «чаще всего берут в жены сестер — двоюродных, троюродных, четвероюродных... как со стороны отца, так и со стороны матери... Нельзя жениться на тетках... на единоутробных или единокровных сестрах.» Можно жениться на дочери брата или сестры [121].

По обычаю [122] в Язгулеме можно было жениться на сестре умершей невесты или жены (пережитки сорората), на младшей вдове отца; до настоящего времени встречаются случаи левирата — женитьбы на вдове умершего брата. Однако в последнем случае платили калянг хотя и в меньшем размере, чем обычно, как за вдову. М. С. Андреев, характеризуя левират у таджикского населения, делает предположение, что левират отсутствовал в старых таджикских устоях семьи. В противоположность тюркским народам Средней Азии «жених и его дом предварительно, в Язгулеме например, должны были уплатить дому невесты нормальное вено: в данном случае, как за вдову, т. е. половину того, что принято было в долине платить при женитьбе на девушке» [123]. «Кроме того и вместе с тем, самое главное это то, что брак совершался только при наличии на это согласия вдовы, вытекающего часто из естественного нежелания расставаться с остающимися детьми, а также с домом, к которому она привыкла» [124].

«Брачным возрастом для девушки считалось 15—16 лет, для юноши — 17—18. Девушек иногда выдавали замуж 13—14 лет, встречались также сговоры и обручения малолетних.

Язгулемцы женятся рано, около 18—20 л., не позже. Девушки выходят замуж очень поздно для Средней Азии, лет 16—20» [125].

Когда отец и мать выберут невесту для своего сына, они посылают к отцу девушки «хиши» — 2—3 сватов с подарками (несколько пудов пшеницы и мануфактуру). Если отец девушки соглашался отдать дочь в данную семью, он через специального человека «ходжу» (родственника девушки) вел переговоры о калыме. Ходжа действовал от лица невесты и получал вознаграждение: два халата, рубашку, чалму, тюбетейку. Обычно калым состоял из 1—3 лошадей, 2—3 коров, 2—3 быков, 2 телят, 1 ружья, 1 казана, 120 пудов пшеницы или бобовых, 96 метров материи.

Невесте жених дарил 5—6 кусков мануфактуры, обувь и украшения. Если в жены брали свою поташ — двоюродную сестру, то калым платили в меньшем размере.

После сговора — «хыхая» до выплаты калыма жених и невеста могли встречаться, но должны были оставаться целомудренными.

За годы советской власти значительно изменилось общественное поло-

---

[121] И. И. Зарубин. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга, стр. 133.

[122] Информаторы: Курбон Махмад, каум Давлят Махмади, кишл. Вышхарв, 2.IX 1947; Мамед Долиос Саломов, Мамед Гавос Саломов, каум Мирбони, кишл. Андербак, 9.IX 1947 и 28.VIII 1948.

[123] М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений, стр. 10—11.

[124] Там же.

[125] С. Д. Масловский. Гальча, стр. 23.

жение женщины. Молодежь вступает в брак по взаимной склонности. Случаи отдачи девушки замуж против ее воли являются редким исключением.

Советским законом преследуются сговор и обручение малолетних. Брачный возраст установлен для девушки — 17—18 лет, для юноши —18—20 лет. Браки между родственниками заключаются теперь реже, что объясняется, с одной стороны, проникновением новых обычаев, с другой стороны, запрещением калыма, вследствие чего отпала необходимость женить детей близких родственников с целью уменьшения размера калыма. Как правило, к помощи сватов прибегают теперь редко [126]. Однако бывают случаи, когда юноша, предварительно договорившись с девушкой, посылает к ее отцу «для приличия» сватов с подарками. «Подарок» отцу невесты делают все. Размер «подарка» определяется степенью зажиточности семьи жениха. Обычно он состоит из теленка или козла, чаще 1—2 баранов и нескольких пудов пшеницы. Этот «подарок» не является пережиточной формой калыма, так как раньше девушка не могла уйти из родного дома до того, как весь калым будет выплачен, а теперь, если жених и не сделает подарка, девушка все равно станет его женой. Такой «подарок» и прежде посылался женихом отцу избранной девушки и являлся, как и теперь, долей жениха в свадебных расходах. Сохраняется также обычай дарить самой девушке на платье несколько кусков материи (по 5 м каждый), туфли, украшения. Уходя из дома отца, молодая женщина получает в «подарок» мелкий скот или корову. Этим «приданым» женщина распоряжается самостоятельно: она имеет право продать его, завещать по наследству, подарить. Кроме скота, который дарят молодой, родные невесты перед свадьбой преподносят ей и ее мужу «подарки» — утварь, белье, сундучки, теперь чаще чемоданы.

Молодая женщина постоянно сохраняет тесную связь со своей семьей. Обычно осенью, после уборки урожая, женщина отправляется в гости к своим родственникам, живет у них некоторое время и просит в подарок то, что ей нужно: сухие фрукты, различные предметы утвари. Она может также попросить молока у какой-либо из родственниц, получающей его во время «наубат», и никогда не получит отказа.

С установлением равноправия, как мы уже отмечали выше, заметно изменилось положение женщины в обществе и семье. Она может развестись с мужем по ряду причин, тогда как прежде обязана была представить судье кози доказательства того, что она бездетна по вине мужа. Обычно, никакие другие причины во внимание не принимались. При разводе дети до 10—12-летнего возраста уходили с матерью, старшие оставались в доме отца. Когда подрастали младшие, они тоже возвращались в дом отца. В наше время женщина наравне с мужчиной имеет право на развод и на детей после развода.

Ребенок, отец которого неизвестен окружающим, называется «сынт», он не принадлежит ни к одному кауму. Язгулемцы говорят, что такое «дитя любви» обычно бывает очень красивым и умным. Язгулемцы и раньше не боялись отдать дочь замуж за сынта, если он хороший человек и хороший работник. Красивых и работящих девушек сынт охотно брали в жены. Отсутствие у них каума не играло роли: мужчина начинал каум от себя, от своего имени. Дети девушки сынт по обычаю принадлежали к кауму своего отца.

Причины развода в настоящее время различны. Так, один из учителей развелся с женой (по происхождению дарвазкой) потому, что она

[126] Информаторы: Хомуш Азораев, каум Толиби, кишл. Джамак, 21.IX 1948; Файоз Шолинов, каум Холумбеги, Шейх Джалилов, каум Мирбони, кишл. Андербак, 11.VIII 1948.

оскорбила его в присутствии большого числа людей. Молодая женщина, родившаяся в кишлаке Матраун и вышедшая замуж за человека из кишлака Андербак, ушла от своего мужа потому, что он не мог оградить ее от притязаний своего брата. Женщина заявила: «Это не Верхний Ванч, где два брата спят с одной женой».

Существование в прошлом такого обычая в Ванче подтвердили все присутствующие. Объясняют его экономическими причинами, так как в прошлом калянг платить за жен для каждого брата было трудно. Два брата имели одну жену. Возможно, что экономические причины способствовали сохранению этого, как и других пережитков существовавшего у горцев группового брака, обычаев левирата и сорората (по принципу «все сестры моей жены — мои жены, и все братья моего мужа — мои мужья»).

С ростом социалистического сознания изменяется быт язгулемцев, уходят в прошлое пережитки первобытно-общинного строя. Женщина-колхозница получила равные с мужчиной политические и экономические права. В настоящее время женщина-язгулемка работает в колхозе наравне с мужчиной. Маленькие дети остаются под присмотром старух и подростков. Однако отсутствие яслей и детских садов, особенно во время сельскохозяйственных работ, вынуждает многих матерей не каждый день выходить на работу (особенно это относится ко времени уборки урожая, в сентябре, когда подростки начинают заниматься в школе. Так, например, в 1953 г. приходилось наблюдать, что школьницы иногда приводят в класс маленьких братишек и сестренок, чтобы самим не пропускать занятий).

Женщины-колхозницы освоили уход за огородными культурами, введенными в Язгулеме с 1938 г. Имена передовых производственниц известны всему сельсовету: Мательгива Дамдорбегим, звеньевые Гарибова Озадамо, Гадоева Озадамо и комсомолка Давлатова Назрибуби. Женщины и девушки комсомолки и члены партии принимают активное участие в общественной жизни колхоза, многие из них выдвинуты депутатами в органы советской власти. Такова, например, Ризоева Худобегим, 30 лет, член партии с 1946 г., была депутатом областного совета депутатов трудящихся. Она имеет семиклассное образование, в прошлом была бригадиром овощной бригады, затем заведовала фермой в колхозе: в 1953 г. была избрана парторгом колхозной парторганизации. В областной совет депутатов трудящихся была избрана колхозница Давлятова Зюлейхо, имеющая семилетнее образование. Депутатом райсовета прошлого созыва была Агобова Наурузмо, депутатом сельсовета — имеющая семилетнее образование колхозница Абдурахмонова Экрон.

Роль женщины в общественной жизни колхоза значительна. К ее голосу прислушиваются на собрании, хотя женщины в массе держатся отдельной группой, усаживаясь по левую сторону от председателя. Женщина получила право на образование, тогда как раньше ее в лучшем случае обучали лишь нескольким молитвам. В Язгулеме имеются и учительницы-язгулемки: Биби Курбон и Махмадуллобекова Бегим, преподающие в начальных классах.

Занятая общественно-производительным трудом в колхозе, женщина успевает выполнять лежащую на ней работу по дому. Матери помогают в хозяйстве дочери и сыновья. Окончив занятия в школе и приготовив уроки, ребята носят воду, ходят за дровами и выполняют другие поручения матери.

С изменением общественного положения изменилось и положение женщин в семье. Муж видит в жене товарища, советуется с ней по различным хозяйственным вопросам. Когда в доме нет посторонних лиц, все члены семьи, и мужчины и женщины, обедают вместе. Вступая в брак

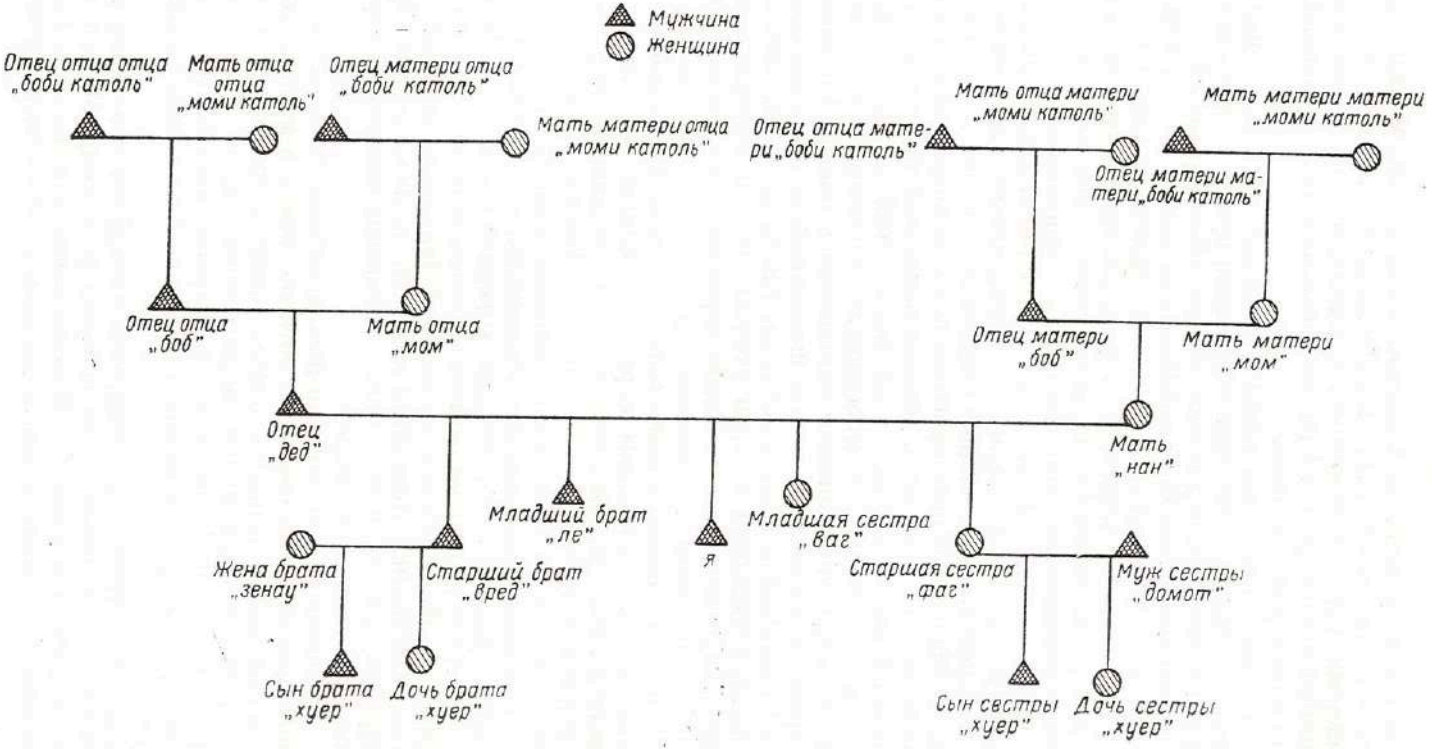

Рис. 34а. Система родства у язгулемцев — со стороны мужчины

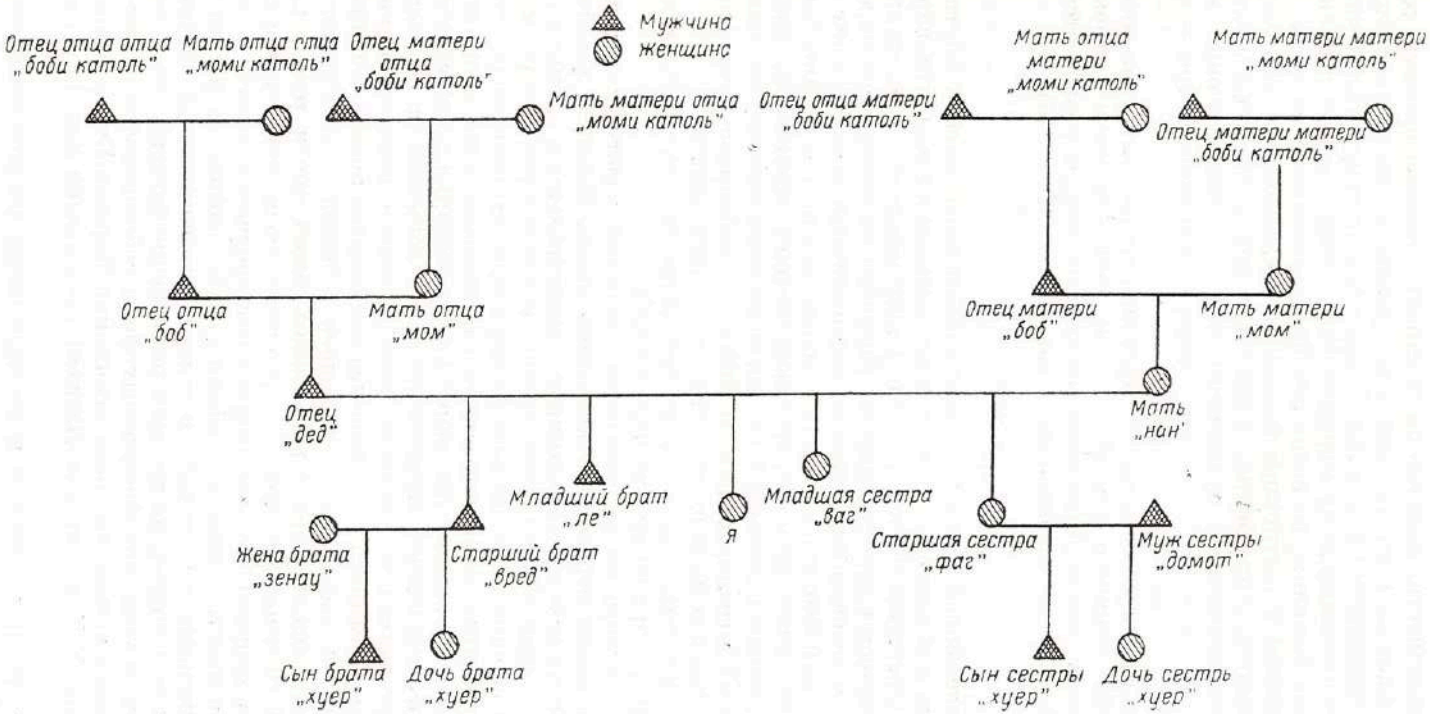

Рис. 34б. Система родства у язгулемцев — со стороны женщины

по взаимной склонности, молодые люди строят дружную крепкую семью. Молодежь обращается к своим женам и мужьям, называя их по имени (раньше было запрещено мужу и жене называть имя супруга), а пожилые люди и старики называют жену «оуврат». На основании советских законов женщины имеют фамилию, но носят они фамилию отца, а не мужа.

Система родства у язгулемцев позволяет предположить, что когда-то в глубокой древности у них бытовала классификационная система родства. Следы ее обнаруживаются в различении терминов, обозначающих младшего брата — «ле» и старшего брата — «вред», младшей сестры — «ваг» и старшей сестры — «фаг».

В настоящее время у язгулемцев бытует описательная система родства. У них нет особых терминов для обозначения дяди или тетки с отцовской или материнской стороны. Дядя и тетя со стороны матери называются так же, как дядя и тетка со стороны отца — «вац» (рис. 34а и 34б).

* * *

Материал настоящей главы позволяет сделать вывод об общем пути развития семейных и общественных отношений язгулемцев и других народов Припамирья. Пережитки бытовавшей здесь в прошлом дуальной организации, проявляющиеся в делении долины Язгулема на верхнюю и нижнюю части, а также в делении кишлаков на две половины, и связанные с этим некоторые обычаи позволяют говорить о сохранении в изолированной долине традиций дуальной организации, свойственной отдаленным предкам язгулемцев. Пережитки дуальной организации прослеживаются также у горцев Рушана и Шугнана, где нами в 1948 г. было обнаружено традиционное деление кишлаков на верхний «тир» и нижний «таго».

Подобные пережитки прошлых стадий общественного развития мы находим и у других припамирских народностей.

В Язгулеме, вплоть до установления советской власти, сохранились некоторые пережитки первобытно-общинного строя. Большей устойчивостью, чем в других районах Припамирья, характеризуются каумы и пережитки существования больших патриархальных семейных общин.

Кишлачная община состояла из ряда каумов, в ней сохранились такие пережитки первобытно-общинного строя, как наличие общественных выпасов и общественного дома (своеобразного мужского клуба, уходящего корнями в более отдаленное прошлое родового общества, в переходный период от матриархата к патриархату, впоследствии, с принятием суннизма, служащего местом моления — мечетью «масджит») пережиточная форма кишлачного самоуправления — народное собрание («маслихат», или «машварат»), где, однако, право решающего голоса имели только главы больших семей, в основном, более зажиточные люди, эксплуатирующие рядовых членов общины. Наличие каумов благородного сословия — «мирских» и каумов простого народа — «факирских» — говорит о разложении первобытно-общинных отношений, о выделении социальной верхушки. Рост частной собственности на землю и разложение больших семей создали предпосылки к усвоению феодальных форм собственности извне; особенно этот процесс ускорился после завоевания Дарваза Бухарой в конце второй половины XIX в., так как Язгулем туда входил как пограничное владение.

Однако Бухарская революция и последовавшее затем установление в крае советской власти в корне изменили общественную жизнь народа, прервав дальнейшее развитие общества на пути к феодализму, с пережитками замкнутого натурального хозяйства, и направило его по новому социалистическому пути. Язгулемские крестьяне объединены в колхозы,

управление на местах осуществляется выборной народной властью — сельскими советами. Выборы в сельские советы происходят в соответствии с Конституциями СССР и Таджикской ССР, на основе всеобщего равного, прямого и тайного голосования.

С изменением социальных отношений, с проникновением новой идеологии, а также благодаря установлению фактического равенства женщины с мужчиной, изменилось, как мы видели, ее общественное и семейное положение.

Громадная по своей значимости работа была проделана советскими и партийными организациями в этих изолированных до недавнего времени, глухих горных районах. За 20—25 лет до неузнаваемости изменилось лицо Язгулема. Ярким показателем роста сознательности людей в советских условиях явилось избрание женщин в органы советской власти.

Отмеченная в настоящей главе общая линия развития семейных и общественных отношений у язгулемцев и других припамирских народностей играет немаловажную роль при консолидации этих народностей с таджиками в нацию.

3. ИЗ ИСТОРИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ, ВЕРОВАНИЙ И ОБРЯДОВ ЯЗГУЛЕМЦЕВ

Верующие язгулемцы — мусульмане, исповедуют суннизм, в отличие от своих соседей — рушанцев и других припамирских народностей, принадлежащих к мусульманской секте «исмаилья». Эта секта возникла в 765 г. как одно из разветвлений шиитского толка. Главным проповедником исмаилизма на Памире был Насир-Хисроу [127], живший в XI в., философ, поэт и путешественник. Краткая история секты исмаилья хорошо изложена А. А. Бобринским, посетившим летом 1901 г. Верхний Пяндж [128]. По данным Бобринского, в начале 1900-х годов исмаилизм исповедывали в Вахане, Ишкашиме, Шугнане, Рушане; в Язгулеме же исмаилитов было всего 5—6 домов; кроме того, было 30 домов «аспоашария» (признающих 12 имамов).

Главой секты является Ага-хан, живущий в Бомбее. Его помощники именуются «халифа» [129], но народ часто называет их «пирами». Должность Ага-хана и пира — наследственная. Пиру наследует наиболее достойный сын (не обязательно старший), избираемый общиной с общего согласия. Выборы утверждает Ага-хан. Все дела Ага-хан решает единолично; при нем нет никакого совета.

А. Е. Снесарев [130] справедливо считает, что философская сторона учения секты непонятна народу; даже не все пиры и ишаны умеют читать книги; народ смотрит на Ага-хана как на бога, а на своего ишана как на судью и наставника.

Язгулемцы, ранее исповедывавшие исмаилизм, стали суннитами недавно, примерно после присоединения Дарваза к владениям эмира бухарского, когда мусульманское духовенство эмирата стало преследовать сектантов и искоренять их прежние верования. Ванч, а за ним и Язгулем

---

[127] А. А. Семенов. Носыри-Хосров о мире духовном и материальном. Сборник Турк. Вост. ин-та в честь проф. А. Э. Шмидта. Ташкент, 1923, стр. 124—133.

[128] А. А. Бобринской. Секта исмоилия в русских и бухарских пределах Средней Азии. «Этнографическое обозрение», 1902, № 2, кн. 1, стр. 1—21.

[129] А. Е. Снесарев. Религия и обычаи горцев западного Памира. «Туркестанские ведомости», 1904, № 91.

[130] А. Е. Снесарев. Указ. соч. «Туркестанские ведомости», 1904, № 92.

формально приняли суннизм («чор-ери»); в общественных домах были устроены масджит (мечети). Вот что рассказывает старик Шах-Камон [131]: «Какой мы веры, спрашиваете вы? Мы придерживаемся Дороги Истины, мы поклонники Четырех Друзей — имена их: Умар, Усман, Абубакр, Али-Гайдар. Мы — почитатели высокого закона, мы не еретики. Я понимаю ваш вопрос. Вам говорили, что язгулемцы близки к еретикам «шия», но это неправда. Среди нас есть только один кишлак — он называется Андарбаг — где живут шииты из секты Исмоилия. Этот кишлак один сохранил веру наших дедов. Все остальные стали суннитами. Сам я в детстве почитал, выше чем всех пророков, Святого Али и бомбейского имама, вождя исмаилистов — мой отец каждый год отсылал ему подать в Бомбей... Мы думали, что душа человека после смерти переходит в животных. Теперь мы не верим в это. Многое из того, что я сказал, сохранилось у наших соседей, жителей долин Бартанга, Роушана и Шугнана».

Ближайшие соседи язгулемцев, жители долины Ванча, по свидетельству М. С. Андреева [132], в недавнем прошлом тоже были исмаилитами: «Еще в 1925 г.,— сообщает М. С. Андреев,— когда я проезжал через Ванч, долина которого расположена ниже Язгулема, параллельно последнему, будучи отделена от него высоким хребтом с труднодоступными перевалами, ванчцы рассказывали, что у них еще недавно имелся свой обособленный язык, и очень меня удивили, говоря, что он был «очень плохой» и что они заменили его теперь прекрасным новым таджикским языком. Они не договаривали, что вместе с языком они переменили и веру, отказавшись от прежнего исмаилизма и приняв суннизм, проповедь которого шла снизу вместе с пропагандой употребления таджикского языка. Попавши потом в долину Язгулема, я встретил горькие жалобы язгулемцев на то, что «ругают ванчцы наш старый язгулемский язык, когда мы попадаем к ним в долину, уговаривают принять суннизм, оставить нашу старую веру и переменить язык на таджикский». Это постепенно и произошло за последнее столетие, и в настоящее время язгулемцы двуязычны, постепенно переходя к утере собственного языка».

Однако суннизм не пустил здесь свои корни так глубоко, как в других районах Таджикистана, хотя все считаются суннитами и только 4 хозяйства в Андербаке принадлежат к секте «дувозда имам» (признающих 12 имамов). Население слабо разбирается в суннитских догмах, предоставляя это нескольким «мулло» [133].

Среди язгулемцев долго сохранялись пережитки древних, домусульманских верований. Старики рассказывают, что их предки были огнепоклонниками — «аташ-параст», поклонялись солнцу и корове. О возможном распространении в отдаленном прошлом огнепоклонства в этих районах свидетельствует отношение населения к домашнему очагу, олицетворением которого является семейный котел, а также центральный столб в доме «ша-стан».

Представители старшего поколения язгулемцев посещают «мазары» — священные камни, отмечающие место погребения того или иного святого или место его отдыха. Почитание мазаров широко распространено у таджиков и среди других народов Средней Азии. В пределах Язгулема наи-

[131] Б. Лапин. Повесть о стране Памир. М. 1931, стр. 54—55. Шах-Камон — реальное лицо, умер в 1937 г 130 лет от роду жил в кишлаке Джафак.

[132] М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений, стр. 7.

[133] «Мулло» — пожилой человек, получивший религиозное образование, заключающееся в основном в умении читать книги религиозного содержания, написанные арабским шрифтом.

большей известностью пользуются мазары: Искандер-шо, или Почо-Скандер (Александр Великий), расположенный в верховьях реки Язгулем, выше кишлака Барнавадж, на речке Мазор-Дара, связанный с именем Александра Македонского. Предание [134] говорит, что Почо-Скандер умер далеко от Памира, но перед смертью предупредил всех, что, умирая, он поднимает руку, и его обязательно должны похоронить там, где он ее опустит. Когда Почо-Скандер умер, его положили на носилки «хаду» и он поднял руку. Его стали нести по направлению вытянутой руки все выше

Рис. 35. Мазар Андаргаз

и выше в горы, и когда дошли до реки Мазор-дара, Почо-Скандер опустил руку. На этом месте его похоронили.

Почитают также мазар Андаргаз (рис. 35), около кишлака Матраун, где по преданию похоронена сестра Почо-Скандера, мазар Мишкильшо [135], близ Андербака, где отдыхал святой, по имени которого назван мазар, и мазар «Черного камня» за кишлаком Джамак.

Мазар охранял шейх. Он принимал от жителей приношения, которые отдавал затем нищим и путникам, а также угощал приходящих чаем и лепешками. За соответствующее приношение мазар «исцелял» больных, «посылал» детей бездетным, «сохранял» жизнь больным детям.

Мазар представляет собой небольшое сооружение из камня, с алтарем, на котором зажигают огонь; рядом с алтарем находится небольшая ниша, в которой лежат священные камешки величиной немного более куриного

---

[134] Информаторы: Мамед Долпос, Мамед Гавос Саломовы, Шейх Джалилов, каум Мирбони, кишл. Андербак, 12.VIII 1948.

[135] Мишкиль-кушо — имя святого означает, по устному сообщению Н. А. Кислякова, «развязывание трудностей». Ср. также с культом святой Биби-Мушкиль-кушо (госпожи разрешительницы затруднений) в работе О. А. Сухаревой «К вопросу о культе мусульманских святых в Средней Азии» («Тр. Ин-та истории и археологии АН Узб. ССР», т. II. Ташкент, 1950, стр. 159—178).

яйца; каждый проходящий мимо должен почтить их — приложить ко лбу и к губам.

Иногда встречаются мазары в виде высоких пирамид, сложенных из камня, как, например, мазар «Вурми» в долине Кумоч-Дара.

В Язгулеме на мазарах устраивали общественную трапезу («худогай»; тадж. «худои»). Женщины и мужчины собирались отдельно. Общественные угощения сопровождались своеобразными жертвоприношениями: на мазаре резали скот, там же варили пищу. В добавление к этому каждый приносил из дому сушеные фрукты, молоко, лепешки и т. д. Наиболее пожилые и авторитетные люди делили всю пищу поровну между присутствующими. Перед едой и после нее мулло читал молитву. Такие общественные трапезы устраивали по различным поводам. Так, 11 сентября 1947 г. пожилые женщины устроили худогай на мазаре Мишкильшо, считая, что это защитит жителей долины и скот от эпидемии сибирской язвы, вспыхнувшей в Ванче. Старики собирались на другой день совершить жертвоприношение и зарезать корову, но, узнав о прекращении эпидемии, которую быстро пресекли приехавшие из центра врачи, решили худогай не устраивать.

Худогай бывает часто после сбора хлебов, перед молотьбой, в первые дни выгона скота на летовки; на мазаре устраивается общая трапеза, при этом обязательно едят масло, «чтобы было много молока» в этот сезон. Молодежь из почтения к старикам иногда посещает эти общественные трапезы.

Среди пожилой части населения еще сильно распространено почитание «священных деревьев» («локамбиа»; от «лок» — тряпка, «амби» — дерево). «Эти деревья — не мазары, но их почитание является старым, старым язгулемским обычаем»,— говорят старики. Они считают, что, проходя мимо такого дерева, надо обязательно отдохнуть возле него и завязать на ветке ленточку или тряпочку, тогда пропадает усталость; если же этого не сделать — собьешься с пути, не найдешь дороги и погибнешь.

Одно из таких деревьев — арча, ветки которой унизаны тряпочками и ниточками, находится недалеко от кишлака Убагн, по пути в Барнавадж, другое — в долине Кумоч-Дара. Почитание священных деревьев, несомненно, является пережитком бытовавших здесь доисламских анимистических воззрений.

Следует упомянуть о распространении в Язгулеме в прошлом представления о чильтанах [136]. Это таинственное общество особых существ, с иерархической организацией, скрывающих свое существование от непосвященных. В Язгулеме считают, что их 40. И они пополняют свое число из среды юношей. Выбранного человека они похищают, он исчезает, пропадает, но не умирает. Представление о чильтанах есть не только у таджиков, но и у узбеков, киргизов и других народов Средней Азии.

Язгулемцы, как и таджики других районов [137], верили в существование «аджина» — злых духов, и «пари» — духов, делающих людям в основном добро. По их представлениям, аджина живет в грязных, плохих местах, иногда отдыхает в конюшне, питается костями, которые выбрасывают люди после еды. Поэтому, если вечером ели мясо и бросали кости, считалось, что к ним прикасаться нельзя, потому что их трогал аджина. Аджина пугает людей, приносит им зло. Если тень аджина упадет на спящего — человеку станет тяжело дышать, он минут 15 не сможет шевелиться.

[136] М. С. Андреев. Чильтаны в среднеазиатских верованиях (40 чел.). Сб. «В. В. Бартольду — туркестанские друзья, ученики и почитатели». Ташкент, 1927.

[137] Н. А. Кисляков. Охота таджиков долины реки Хингоу — в быту и фольклоре. «Советская этнография», 1937, № 4.

Некоторые язгулемцы уверяют, что видели аджина: он похож на людей. Среди аджина есть женщины и мужчины, они очень грязны, имеют желтый цвет кожи и длинные также желтые волосы. Если поймать аджина и обрить его, он будет служить человеку, пока у него не отрастут волосы.

Чтобы предохранить себя от влияния злых сил, носили «тмир» (тумор) — мешочки из тряпок или кожи квадратной или треугольной формы, с зашитой в них молитвой. Такие тмир носят старики на больной части тела, детям иногда вешают тмир от сглаза.

Пари, по представлениям язгулемцев, прекрасные существа, живущие в горных ущельях. Среди них есть мужчины и женщины, тела их без костей. Очень часто пари выбирает себе в супруги человека; тогда этот человек теряет разум. Если женщина имеет супруга — пари, то часто трудно узнать, от кого у нее дети; от пари или от настоящего мужа. Но иногда пари мстит человеку. Так, на кладбище в Лянгаре старики показывают ребристый камень из известняка — «Камень Хайдара», действительно похожий по форме на лежащего на спине человека, к правому боку которого прижалась собака. Легенда рассказывает: «Много лет тому назад в кишлаке Вышхарв жил охотник по имени Хайдар. Однажды он пошел в горы с собакой и увидел пари, которая доила козу. Собака напугала козу, коза опрокинула подойник и пролила молоко. Тогда пари сказала: «За то, что собака твоя напугала козу и коза пролила молоко, ты на обратном пути недалеко от своего дома, превратишься в камень». Так и случилось».

Если аджина и пари, по мнению язгулемцев, могут показываться людям, то див — злой дух — никогда людям не показывается, и тот, кто нечаянно увидит его, сходит с ума, кусает себя, часами не разговаривает. Однако не все дивы злые. Среди них есть покровительница прях и мельницы «Див-и-Сафид» (хозяйка прялки и мельницы) [138].

Див-и-Сафид — существо женского пола. Если человек увидит ее, то обязательно умрет. Язгулемцы представляют ее себе в виде старухи с седыми волосами, одетой в белое. Когда женщина начинает прясть, она думает про себя о Див-и-Сафид. В пятницу — «джума» и в среду — «чоршамбе» нельзя прясть вечером и ночью, можно прясть только днем. Если какая-либо женщина нарушит этот обычай, в наказание у нее умрет кто-нибудь из детей. В ночь на среду и пятницу «хозяйке прялки» приносится жертва — лепешка с маслом и еще что-нибудь из еды: если Див-и-Сафид захочет, она поест.

М. С. Андреев [139] приводит подробное описание интересного образа этого «божества», покровительствующего пряхам. По представлениям язгулемцев, Див-и-Сафид живет, странствуя по красивым местам. Пятница — день Див-и-Сафид; она приходит ночью в дом, садится за прялку и помогает пряхе, увеличивая ее пряжу. Если прясть в этот вечер и в эту ночь — она накажет ослушницу: придет и исколет тело пряхи своим веретеном и та заболеет. Точно также нельзя прясть в среду. «Прясть в среду — пойдет на саван, кто-нибудь помрет». М. С. Андреев отмечает также в Язгулеме «следы значительно продвинувшегося процесса исламизирования этого образа. Так, в некоторых местах покровительница прях называется уже «Момо-Хаво» — праматерь Ева, в других, где имеется влияние мулл, это уже «Биби-Фотима»; в странах вверх по Пянджу подобный образ называется просто „пряха“».

---

[138] Информаторы: Файоз Шолинов, каум Холумбеги, Мамед Гавос Саломов, каум Мирбони, кишл. Андербак, 11.IX 1948; Шейх Джалилов, каум Мирбони, летовка Хваун, 25.IX 1948.

[139] М. С. Андреев. Среднеазиатская версия Золушки..., стр. 73—74.

В Язгулеме Див-и-Сафид является и покровителем мельниц, «хозяином мельницы». Здесь он выступает часто существом мужского пола. Предание рассказывает, что когда жили первые люди, они не знали мельниц и молотили зерно большим камнем «блялюк» (зернотеркой). Раз как-то одна женщина несла смолотое зерно; ей навстречу попался Див-и-Сафид и спросил, что она делала. Женщина ответила, что она молола зерно. Тогда Див предложил построить мельницу, если она согласится вступить с ним в близкие отношения. Женщина пошла спросить совета у своего мужа. Муж сказал: «Обещай Див-и-Сафиду, пусть он построит мельницу, а я потом приду и прогоню его». Женщина вернулась к Диву и сказала «Строй».

Див все сделал, только не успел пустить воду по деревянному желобу, так как пришел муж этой женщины. Див побежал прочь, а муж кричит ему вслед: «Что еще нужно сделать?». Див-и-Сафид ответил на ходу: «Через деревянный желоб пускайте много воды». Так Див-и-Сафид дал мельницу людям. Поэтому считается, что ночью на мельнице надо молоть обязательно при свете. Если огонь не будет зажжен, Див-и-Сафид придет и помешает, так как сердится [140].

По верованиям язгулемцев, в лице Див-и-Сафид соединяется два образа: покровительницы прях и «хозяина» мельницы. Этот образ уходит корнями в древние, домусульманские верования народа и связан с обожествлением духов природы и «хозяев» ремесел. Покровителем ткачей в Язгулеме выступает «шиш» в образе старика, одетого в белые, иногда фиолетового цвета одежды. Шиш во сне является только самому лучшему мастеру-ткачу — «усто». Перед началом работы, ткач идет на мазар и приносит ему угощение [141].

Старики-язгулемцы отмечают праздники Рамазан, Курбан и Ноуруз. Все население торжественно отмечает день Нового года «Гыраваш», или «Граваш». К этому празднику тщательно убирают дом, обмазывают стены, посыпают их мукой, «чтобы в Новом году был хороший урожай». В мечети устраивается общественное угощение — худогай. От каждых 5—6 домов режут по барану. Почти в каждом доме делают «кучкора» (или «кочкора») — печенье в форме козла, которое приносят на общественную трапезу. После угощения мужчины слушают игру на музыкальных инструментах, пение и устраивают борьбу. Женщины развлекаются отдельно от мужчин — они поют, аккомпанируя себе на бубнах.

Религиозный праздник Иди-Рамазан (Ид) — связан с поминанием умерших. С распространением суннизма в Язгулеме стал соблюдаться пост «руза». В 1948 г. старики постились с 19 июля по 17 августа. Ели один раз в сутки, после захода солнца. Едят обычную пищу, никаких особых запретов на отдельные виды пищи в дни поста нет [142].

На Иди-Курбон тоже устраивают общественное угощение — худогай, но стараются резать барана в каждом доме. При этом разыгрывается сценка принесения в жертву человека — «сына Исмаила». Жертвенного барана приводят к дому, завязывают ему голову белой материей и на ней рисуют глаза, чтобы было похоже на человеческое лицо. В это время 3—4 человека играют на музыкальных инструментах и поют песни. Затем сбрасывают барана с крыши в дымовое отверстие («раджон»), после чего режут его.

Приготовленное угощение несут на худогай. После трапезы поют пес-

---

[140] Информаторы: Мамед Гавос Саломов, каум Мирбони; Файоз Шолинов, каум Холумбеги, кишл. Андербак, 11.IX 1948; Кадиров Куз, каум Джобири, Шейх Джалилов, каум Мирбони, кишл. Андербак, 15.IX 1948.

[141] Информатор: Санго Юсуф, каум Холумбеги, кишл. Андербак, сентябрь 1953.

[142] Информатор: Мамед Гавос Саломов, каум Мирбони, кишл. Андербак, 11.IX 1947.

ни, играют на музыкальных инструментах. Во время Рамазана и Иди-Курбон молодежь отправляется в другую половину кишлака играть в «тухм» (яйца). Тот, кому попалось крепкое яйцо — биток, к концу игры собирает много яиц.

После праздника Рамазан ходят друг к другу с «саляу». Согласно этому обычаю, приходят в гости с двумя лепешками и некоторым количеством яиц или сухих абрикосов и, приветствуя хозяина, отдают ему принесенное «саляу». За это хозяин должен подарить гостю то, что он попросит.

До настоящего времени население отмечает основные сельскохозяйственные праздники: полива полей, первый день пахоты и уборки урожая [143]. Начало сельскохозяйственных работ отмечается весенним праздником «саузабус» — день первого полива полей. В этот день кто-либо из односельчан жертвует для общественного угощения корову или быка. Старики режут животное на мазаре, куда потом собираются колхозники, чтобы отметить начало сельскохозяйственных работ. Еще и сейчас в каждом кишлаке первым за работу в поле (полив, пахота, сев) принимается всеми уважаемый старик «файгунай», или «шогуни». Язгулемцы считают, что файгунай — это такой человек, участие которого обеспечивает удачу любого дела. На другой день после праздника саузабус файгунай выходит в поле и приступает к поливу, за ним следуют остальные.

Первый день пахоты также отмечается праздником: в каждом доме пекут лепешки, формой напоминающие бычий язык,— «гывы звык», разламывают их на ярме и кладут быкам в рот по поллепешке, чтобы новый урожай был хорошим и чтобы было много хлеба. Файгунай делает первую борозду, за ним начинают пахоту другие.

Праздник уборки урожая отмечается особенно торжественно. В каждом доме режут барана, а мясо раздают друг другу, после чего собираются семьями и едят полученное от односельчан мясо.

В Язгулеме файгунай пользуется большим авторитетом среди дехкан. Н. А. Кисляков [144] видит в старике файгунай, или шогуни, переживание представления о деде-земледельце, распространенного и у других иранских народов. Но в Язгулеме шогуни играет значительную роль и в обрядах, связанных с выгоном скота на летние пастбища. В лице этого всеми уважаемого старика население почитает, вероятно, духа-покровителя сельского хозяйства.

Выгоняя личный скот на иль, колхозники-язгулемцы придерживаются многих старинных обрядов. Еще в недалеком прошлом мужу запрещалось посещать жену в течение первых семи дней ее пребывания на летовке. Мужчины провожали женщин до определенного места у дороги, но на самую летовку не ходили, в противном случае это, по представлениям язгулемцев, могло плохо сказаться на скоте: волки нападут или болезнь поразит скот. Первым посещал летовку файгунай, или шогуни. Он приносил женщинам муку, тут, урюк. Женщины встречали его песней. После прихода шогуни снимался запрет посещения летовки мужчинами. В кишлаке справляли в это время праздник молока. Он хорошо описан у Лапина.

«Прошло семь дней после выгона скота на летовки. Язгулемцы справляли Праздник Молока. Торжественный и веселый праздник. На камнях зажглись костры, и молодежь прыгала через них. Бродячие «раккосы», профессиональные танцоры из Роушана, украшенные дикими тюльпанами,

[143] Информаторы: Мамед Гавос Саломов, Шейх Джалилов, каум Мирбони; Санго Юсуф, каум Холумбеги, кишл. Андербак, 15.IX 1948.

[144] Н. А. Кисляков. Язгулемцы, стр. 368; его же. Старинные приемы земледельческой техники, стр. 114. См. также статью М. Р. Рахимова («Земледелие таджиков бассейна реки Хингоу...», стр. 183), где Рахимов называет деда-земледельца Шавгуни.

исполняли Танец Коня и Танец Сабли. Женщины разносили кислое молоко в бурдюках и овечий сыр... Хор юношей, стройный и громкий, затягивал начало хоровой песни: «Гюль пиши-ту андохыт,— Нозук-баданиро! — Я бросил к твоим ногам розу,— Твоему нежному телу»! И встречный хор, хор девушек пониженным строем тихо отвечал: «Бюль-бюль зе ту амухыт,— Ширин соханиро.— Соловью бы у тебя научиться нежным словам». На ровной лужайке, у самого устья реки Язгулем, в урочище Дашти-Гуйбози, жители нижних кишлаков устроили игру в поло. В глубине лужайки стоял высокий остроконечный столб, вытесанный из камня. Вокруг столба, из стороны в сторону, металось несколько десятков всадников с длинными шестами. Эта игра — излюбленная игра памирцев. Отсюда, в древние годы, она перекочевала в Индию, а из Индии через англичан распространилась по всему миру» [145]. В наше время этот обычай уже отходит в прошлое.

Однако сохраняется ряд других, не менее интересных. Перед выходом на летовку все, кто хочет поручить свой скот той или иной женщине, вечером приводит его в ее хлев, а она рано утром в сопровождении мужа, провожающего ее до определенного места на дороге, старается выйти из кишлака так, чтобы никто ее не видел. Еще в 1947 г. каждый из хозяев накануне выгона скота на летовку делал круглую метку красной краской между рогами животному. Поскольку метка у всех была одинаковой, ее нельзя считать тамгой, видимо, это был какой-то уже забытый оберег.

Охотники также придерживаются ряда старинных обычаев. Существует поверье: если накануне охоты охотнику приснится сон, что кто-то что-нибудь дарит ему, то он еще до восхода солнца берет ружье и уходит в горы; считается, что он обязательно убьет козла. Если же охотник совсем не увидит сна или ему приснится, что никто ничего не подарил ему, он сперва утром пристреливает ружье в цель и только затем, днем, уходит на охоту.

К горному козлу нахчиру язгулемцы относятся с особым почетом. Охотник, убивший козла, возвращаясь в кишлак, никогда не несет с собой всей туши. Он снимает шкуру, отрезает голову, ноги до колен, вырезает легкое, желудок и 2—3 килограмма мяса. Остальную часть туши прячет в определенном месте, закладывает камнями, чтобы не утащили барсы или волки. На другой день за тушей посылается человек, не участвовавший в охоте. Таким образом, в кишлак приносит козла «невиновный в его убийстве» и козел не может мстить жителям кишлака, участвующим в общей трапезе.

На придорожных скалах и камнях часто встречаются высеченные изображения горного козла (рис. 36). На новый год выпекают печенье в форме козла. Рогами горного козла украшают могилы наиболее почитаемых старцев. Все эти данные наводят на мысль о пережитках тотемизма, дошедших до наших дней.

* * *

Особый интерес представляют свадебный, родильный и похоронный обряды язгулемцев.

Свадьба считалась общественным, а не личным делом. Сначала праздник — «сер» устраивался в доме жениха. На свадьбу приходили все живущие в квартале, весь каум, и даже живущие в другой половине кишлака, а из приглашенных — друзья и родные невесты и жениха. Невеста находилась в доме отца, на этом празднике она не присутствовала. После

[145] Б. Лапин. Указ. соч., стр. 59—60.

сер дядя невесты со стороны матери ночевал в доме жениха и получал от него подарки «гацычгир» — барана, козла, рубашку. Если подарков не делали, то брак расстраивался [146].

На другой день устраивали сер в доме невесты. Собирались все родные, весь каум невесты, все живущие в ее квартале или половине кишлака и приглашенные — друзья из других кварталов. С женихом приходили его родные и друзья. Жених пировал со всеми гостями-мужчинами на открытом воздухе летом и осенью или в доме для гостей («хуш-хона») зимой. Невеста находилась в это время в доме отца, окруженная женщинами — родственницами и подругами.

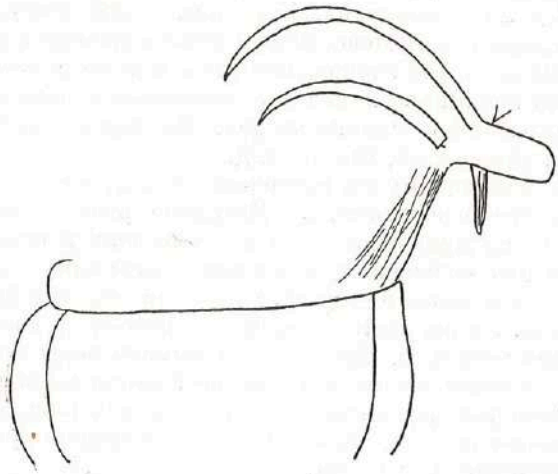

Рис. 36. Изображение горного козла на камне

Обычно девушку одевала мать. Она наряжала ее в два белых платья, поверх которых надевалось красное, голову украшала тюбетейка, поверх нее набрасывался белый или красный платок циль. В косы вплетали новый кальбитц. Два выбранных лица спрашивали девушку, кому отдать калянг, ее брату или отцу, и она называла нужное имя. Этот обряд назывался «гувохи». Перед тем, как идти в дом жениха, девушка прощалась с очагом родного дома, дотрагиваясь рукой до чугунного семейного казана — «дег», а затем подносила руку ко лбу и губам [147].

После прощания с очагом невесте закрывали лицо лицевой занавеской — «румоль». Жених направлялся в дом за невестой, но в дверях ему преграждал путь «ходжа» и просил ему заплатить. Жених откупался обычно куском материи, качество и количество которой зависело от его состояния.

При выходе молодых из дома их осыпали сушеным абрикосом, ягодами шелковицы и зерном. Если дом жениха был недалеко, то в указанный муллой «счастливый час» жених переносил невесту на спине к себе в дом. Если же дом жениха находился далеко, невеста ехала на лошади, а все

[146] Большое значение дяди со стороны матери отмечено также в свадебных обрядах рушанцев (см. И. И. Зарубин. Материалы и заметки по этнографии горных таджиков, стр. 134) и у горцев Ишкашима и Вахана (см. М. С. Андреев и А. А. Половцев. Указ. соч., стр. 12—16).

[147] Прощание невесты с очагом родного дома отмечено также в свадебном обряде горцев Ишкашима и Вахана (М. С. Андреев и А. А. Половцев. Указ. соч., стр. 14—15).

остальные шли пешком. Устраивалась шуточная борьба между родными и близкими жениха и невесты.

В дом жениха невесту вводил ее дядя со стороны матери. Лицо ей открывала иногда жена брата отца жениха, но чаще сестра матери — «ваҷ», за что жених делал ей подарок. Молодая впоследствии считала эту женщину своей названной матерью и звала ее «нан» (мать). Названный отец, которого впоследствии молодая звала «дед» (отец), не обязательно должен был быть из ее каума. Во время свадьбы он не разговаривал с ней. Через три дня после свадьбы шел в гости к ее матери (если она была жива) и получал подарок. Мать жениха, ее «хуш», приобщала невесту к очагу дома ее будущего мужа, для чего слегка ударяла ее головою о центральный столб дома — «шастан». Устраивали туй (сер), после которого на другой день дядя и тетя невесты со стороны матери получали подарки. Они одни из родни ее оставались ночевать в доме с невестой. После их ухода приходили женщины кишлака знакомиться с невестой. Эти смотрины невесты назывались «хаинч-касач». Женщины приносили невесте подарки: чулки, украшения, мыло и т. д.

После ухода женщин мулла совершал «нуко», или «никох»,— мусульманский обряд бракосочетания. В Язгулеме этот обряд совершался в доме жениха. Перед муллой ставили в пиале воду и клали две лепешки. Присутствовало два человека доверенных — «вакиль» (один со стороны жениха, другой со стороны невесты). Прочитав молитву, мулла спрашивал девушку, согласна ли она выйти замуж за такого-то, и юношу, согласен ли он взять в жены такую-то. Затем давал выпить воды из пиалы сначала жениху, потом невесте: тот из них, кто не был согласен вступить в брак, воду не пил. Лепешки разламывались и давались каждому из присутствующих. Только после этого обряда молодой супруг получал возможность осуществлять супружеские права.

С. Д. Масловский [148] писал о заключении брака в Язгулеме: «Мулла явился к ним сравнительно недавно; до тех пор превосходно обходились без него, довольствуясь согласием и благословением родителей».

Если невеста оказывалась недевственной, ее возвращали отцу и получали калым обратно. М. С. Андреев отмечает, что у припамирских народностей нет обычая официального установления «невинности невесты... Самым верхним местом наличия этого обычая по течению реки Пянджа является долина Язгулема, куда он проник вместе с суннизмом и где старики еще вспоминают рассказы о времени, когда этого обычая у них не было» [149].

У язгулемцев сохраняется обычай возвращения молодой к родным через 6 месяцев после свадьбы. Молодая живет в доме отца от одной недели до месяца, причем муж в это время не посещает ее.

Порядок проведения свадебного обряда в настоящее время остается прежний. Молодежь соблюдает обрядовую сторону свадьбы большей частью из уважения к старикам-родителям.

На другой день после свадьбы жених обязан сделать подарки дяде и тетке невесты по материнской линии. Обычно, первый получает рубашку, брюки, обувь, вторая — одеяло или материю на платье.

Сохраняется обычай смотрин невесты — «хаинч-касач», на котором женщины селения «знакомятся» с невестой и делают ей подарки: мыло, зеркало, украшения, чулки и т. д. Свадебный обряд еще и теперь часто

---

[148] С. Д. Масловский. Гальча, стр. 23.
[149] М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, стр. 175—176.

завершается совершением «нуко» — мусульманского обряда бракосочетания, который проводит мулла в доме жениха.

О. А. Сухарева [150] удачно раскрывает символику свадебного обряда, выделяя три типа обрядов. Один из них символизирует уход невесты в чужой род, в род жениха: все обряды совершаются в доме жениха, за исключением никох, который имеет место в доме невесты. Обряд такого типа встречается, например, в Шахристане [151]. Другой тип, при котором все обряды совершаются в доме невесты, по мнению автора, символизирует пережиток матрилокального поселения супругов. Третий тип — смешанный, включающий черты первого и второго типов. К нему, например, относятся свадебные обряды таджиков Самарканда и его окрестностей; язгулемский свадебный обряд мы можем отнести тоже к этому смешанному типу, указывающему на переходный период от матрилокального к патрилокальному поселению, тем более, что в последнее время никох имеет место в доме жениха, хотя в конце XIX в. он совершался в доме невесты, что говорит о наличии в прошлом матрилокального поселения супругов.

* * *

У язгулемских женщин, как правило, роды происходят всегда в доме куд, на зачаражь [152]. Мужчинам входить в помещение в это время не разрешается. Рожающей женщине помогает повитуха. Она снимает с нее шейные украшения, расплетает косы, развязывает все узлы на платье, чтобы «облегчить роды», «не завязывать» их. Женщина рожает, сидя на корточках, ее поддерживают под руки повитуха и кто-либо из близких родственниц. Если роды трудные, то женщину раскачивают на кошме, массируют живот.

Н. А. Кисляков сообщает: «Как и в некоторых других местах горного Таджикистана, в случае трудных родов на клочке бумаги писалась молитва-заклинание, затем эту бумажку опускали в чашку с водой, а воду давали пить роженице. Роженицу заставляли ходить вокруг дома, обнимать плодовое дерево или столб» [153].

Повитуха перерезает пуповину острым ножом, мажет пупок маслом; тельце ребенка обмывают горячей водой. Через два дня пупок заклеивают хлебной закваской — «хамирмо». Пока мать считается нечистой, ребенку два дня не дают грудь и кормят сливочным маслом. В течение этих двух дней роженицу и ребенка стараются не оставлять одних в помещении. Ночью беспрерывно поддерживается огонь, чтобы «отогнать злых духов». По данным Н. А. Кислякова [154], после появления на свет младенца в течение первых трех дней в комнате, где находится роженица, не тушили огня, а также не оставляли роженицу одну из опасения злого духа «альмасты».

Через два дня после родов мать моется и с этого дня начинает кормить ребенка грудью. После родов женщина в течение около сорока дней соблюдала ряд запретов: она не могла выходить из дому, ходить в кладовую, печь хлеб, перепрыгивать через ручей.

---

[150] О. А. Сухарева. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Ср. Азии. Сб. «Советская этнография», III, 1940, стр. 173.

[151] О. А. Сухарева. Некоторые вопросы брака и свадебные обряды у таджиков кишлака Шахристан. Сб. научного кружка при Вост. фак-те Ср.-Аз. гос. ун-та, вып. 1. Ташкент, 1928, стр. 73—89.

[152] Информаторы: Мамед Долиос Саломов и его жена Хальмо, каум Мирбони, кишл. Андербак, 8.IX 1948.

[153] Н. А. Кисляков. Язгулемцы, стр. 370.

[154] Там же.

Рождение сына является особенно радостным событием в семье. Отец родившегося младенца извещает об этом выстрелом из ружья. На дерево вешают два связанных вместе абрикоса, и все мужчины селения, имеющие свои ружья, стреляют по ним: кто собьет абрикос, тот получает от отца ребенка подарок.

Язгулемцы очень любят детей. Чем больше у женщины детей, тем лучше.

Некоторые обряды, связанные с рождением и воспитанием ребенка, носят следы прошлых стадий развития брака и семьи, а также следы целого ряда поверий, связанных с домусульманскими верованиями народа (об этом см. ниже).

Через несколько дней (обычно через два дня после рождения) ребенку дают имя. До одного года голову и лицо ребенку моют не водой, а молоком матери. Обычно ребенка кормят грудью до 3—4 лет. Мальчику вешают серьгу-амулет в мочку правого уха, а девочке — в мочки обоих ушей.

Если у какой-либо женщины умер ребенок вскоре после рождения, то вновь родившегося ребенка отдают женщине из того же каума, у которой дети не умирают, и она кормит его грудью и воспитывает, пока ребенок не подрастет (иногда до 8—10 лет), а потом возвращает родителям [155].

Если ребенок, особенно сын, был рожден не в доме куд, то его не вносят в дом до тех пор, пока отец не зарежет барана и не устроит туй для своего каума, или, если он в состоянии,— для всего кишлака [156]. Иногда ребенок до 3—4 месяцев ночует осенью с матерью во дворе из-за того, что баран, предназначенный для угощения, еще откармливается на пастбище. В Язгулеме по обычаю, только мать роженицы может делать ребенку постель; здесь бытует типичная для всей Средней Азии деревянная колыбель «ганьг», называемая у тюркоязычных народов «бешик». Н. А. Кисляков пишет, что класть ребенка в колыбель должна девочка-подросток, родители которой живы [157].

Маленького ребенка обычно носят на руках, а позже, лет до 3-х, за спиной (ребенок при этом обхватывает шею матери руками).

На рубашках у детей нашиты «от сглаза» амулеты «тмир» (тумор), представляющие собой мешочки треугольной или прямоугольной формы, с зашитыми в них текстами молитв.

Когда ребенку исполнится три месяца, родители устраивают туй, на который с вечера собирается весь кишлак, чтобы познакомиться с ребенком. Накануне праздника режут корову или барана, варят суп. Мужчины собираются с вечера, поют песни, играют на струнных инструментах, их угощают чаем. Женщины собираются на другой день. Они угощаются отдельно от мужчин, развлекаются игрой на бубнах и качаются на качелях — «ввильчак». Начинают качаться девочки, потом девушки, молодые женщины и даже пожилые.

Если родители не в состоянии устроить такой туй, то мальчику отпускают с макушки косичку, которую отрезают на туе, устраиваемом, когда ему исполнится 3—4 года. Туй устраивают также по поводу выпадения первого молочного зуба, когда ребенку исполнится 6—7 лет.

Обряд обрезания [158] обязательно производят, когда мальчику исполнится 7 лет. В честь этого события отец ребенка устраивает туй — «чуксыр», на который собирается весь каум. Две ночи подряд развлекаются пением

---

[155] Информаторы: Махмадулло-Бек Кыргызов, каум Толиби, кишл. Джамак, 15.VIII 1948.

[156] Информатор: Шейх Джалилов, каум Мирбони, кишл. Андербак, 2.X 1948.

[157] Н. А. Кисляков. Язгулемцы, стр. 370.

[158] Информатор: Мамед Долиос Саломов, каум Мирбони, кишл. Андербак.

и музыкой. Мальчику — виновнику торжества — дарят сласти, делают другие подарки. Вероятно обычай устраивать празднества в честь этого события представляет собой более позднее заимствование из Дарваза, так как еще в первых годах XX в. обрезание не сопровождалось праздником.

* * *

В похоронном обряде язгулемцев сохраняется много старинных черт. Каждое большое селение имеет кладбище, расположенное неподалеку. Считается обязательным хоронить покойника на его родовом кладбище, где погребены члены его каума. Если умершая женщина принадлежала к другому кауму, члены которого жили в отдельном кишлаке и имели свое кладбище, то покойницу ее родственники относили туда.

В день смерти человека приготовляют могилу — «гув». В дом приходят родные, весь каум, друзья покойного и знакомые. Покойнику шьют саван — «кафан». Одно полотнище перекидывают через спину и грудь, прорезают ворот для головы, рукавов не пришивают. Все швы делают без узлов. В этом кафане можно, вероятно, видеть образец старинной одежды язгулемцев.

Перед одеванием покойника обмывают теплой водой. М. С. Андреев подробно останавливается на описании похоронного обряда язгулемцев. Он подчеркивает: «Как только умерла жена, тотчас же ее телом овладевали ее родственницы из дома ее родителей, которые по получении известия о ее смерти, спешно появлялись в доме умершей. Они сами обмывали тело покойницы, не допуская до этого (в Язгулеме) даже женщин из дома ее мужа. *Сам муж с момента смерти жены становился при этом для нее посторонним человеком, который не допускался не только касаться ее тела, но даже видеть ее лицо.* В книжной терминологии это определяется, как «nomahram» — чужой, посторонний, в житейском же обиходе, как «nikoh-burida» — в расторгнутом браке» [159].

Обмывают покойника преимущественно старые люди, причем мужчину обмывают старики из его каума, женщину — старухи ее каума. Моют сначала глаза, уши, лицо, потом ступни левой и правой ног. Затем покойника сажают и льют воду на голову, после чего надевают кафан. Большие пальцы ног связывают вместе и широким бантом из домотканной материи пеленают покойника. Мужчине повязывают голову чалмой, а женщине — платком, причем им же закрывают шею.

Обмывальщики получают в награду кое-что из одежды покойника. Во время обмывания мулла читает молитву. Ближайшие родственники из каума покойника кладут его на носилки «хаду» (сделанные в виде лесенки), на которых затем несут его туда, где, по объяснению язгулемцев [160], была «земля его предков», т. е. на родовое кладбище.

Перед выносом покойника из дома женщины — мать, сестра, жена — распускают волосы и под аккомпонемент струнных инструментов «дутор» и «ребаб» танцуют вокруг покойника, плавно выбрасывая вперед руки. Этот танец называется в Язгулеме «поямал» (тадж. «ракс»), в Рушане — «паямоль». М. С. Андреев видит здесь таджикскую форму от «пой» — нога, или «поя» — ножка, ступня, и «моль» — основа глагола «молидан» — гладить, тереть [161].

---

[159] М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений, стр. 12.

[160] Информаторы: Хабир Султонов, Такый Хабиров, Гюльбегим Ниджотова, каум Мирбони, кишл. Андербак, 13.IX 1947.

[161] М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений, стр. 8.

Как объясняют язгулемцы, этот танец имеет целью отогнать злых духов от покойника. Танцуют по умершему или умершей их близкие родные: мать, сестра, жена [162]. Летом танцуют перед домом, зимой — в проходе дома («пайга»).

Капитан Ванновский, проводя в 1893 г. рекогносцировку в Рушане и Дарвазе, впервые отметил, на его взгляд, странный обряд, по которому «в день похорон мужа жена должна танцевать на его могиле до самозабвения» [163]. М. С. Андреев [164] очень подробно описывает танец оплакивания вдовой смерти своего мужа. Танец начинался с наступлением первой же ночи после его смерти, независимо от того, лежало ли его тело еще в доме или его уже успевали похоронить, и длился всю ночь с перерывом для отдыха музыкантов. Это происходило три ночи кряду. Автор предполагает [165], что в старину вдова, танцуя, провожала мужа до могилы, как это еще имеет место в Рушане, где мать в случае смерти ребенка оплакивает его и танцует, но лишь первую ночь после его смерти, провожая его до могилы.

По словам язгулемцев, теперь женщины провожают покойника на небольшое расстояние. В Андербаке, например, женщины провожают умершего до моста через речку Кумочь-Дара, отделяющую небольшой конус выноса, на котором расположено кладбище, от конуса выноса, где находится кишлак. На кладбище же женщины идут на другой день после похорон.

Н. А. Кисляков [166] записал обряд танца женщин на поминках. Во время танца вдова или мать умершего разрывала на себе платье, а одна из присутствующих женщин подпоясывала ее большим платком. Платок носили еще некоторое время спустя, и по наличию платка можно было узнать, что данная женщина потеряла мужа или сына. Н. А. Кислякова, вероятно, ввело в заблуждение название данного обряда, который в Язгулеме обозначается тем же термином, что и поминки,— «ма'арака». Наши информаторы [167] отрицают существование отдельного обряда оплакивания с танцем на поминках, устраиваемых через некоторое время после похорон.

М. С. Андреевым, Н. А. Кисляковым и автором описывается один и тот же обряд. Он начинается в день похорон и продолжается следующие две ночи. Вероятно, этот обряд, сохранившийся теперь только в Язгулеме, был ранее распространен более широко [168]. Можно думать, что мы имеем дело с обрядом, цель которого, с одной стороны, заключается в демонстрации горя матери, жены или сестры умершего перед собравшимися родственниками и знакомыми, с другой же стороны, этот танец имеет магический характер, якобы отпугивая злых духов от тела умершего и его могилы.

---

[162] Информатор: Шейх Джалилов, каум Мирбони, кишл. Андербак, 22.IX 1948.

[163] «Извлечение из отчета генерального штаба капитана Ванновского о рекогносцировке в Рушане и Дарвазе в 1893 г.» — «Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии», вып. 56, СПб., 1894, стр. 90—91.

[164] М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений, стр. 4—8.

[165] М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений, стр. 6.

[166] Н. А. Кисляков. Язгулемцы, стр. 370.

[167] Информаторы: Файоз Шолинов, каум Холумбеги, Шейх Джалилов и Мамед Долиос Саломов, каум Мирбони, кишл. Андербак, 29.IX 1948; Хабир Султонов, Такый Хабиров, Гюльбегим Ниджотова, каум Мирбони, кишл. Андербак, 13.IX 1948.

[168] Подтверждение нашему предположению мы находим в работе М. Рахимова, где он отмечает существование танцев на похоронах в прошлом в Ура-Тюбе. См. М. Рахимов. Обычаи и обряды, связанные со смертью и похоронами, у таджиков Кулябской области. «Изв. отд. общественных наук АН Тадж. ССР», 3. Сталинадаб, 1953, стр. 114.

В связи с распространением суннизма древние обряды постепенно стали исчезать. «Еще в конце XIX столетия,— сообщает М. С. Андреев,— один влиятельный и ревностный мулла, по имени Абду Шахад, из Ванча, брат ванчского казия, назначенный ванчским ша (правителем) раисом (т. е. начальником надзора за правильным соблюдением мусульманской веры) в Язгулеме, пытался выступить с запретом на одном таком танце, но встретил настолько сильное сопротивление со стороны собравшихся там женщин, что принужден был отступить». Как отмечает далее М. С. Андреев, «по словам стариков... такой танец оплакивания вдовой смерти своего мужа... существовал и в Ванче, но муллам удалось в конце концов его искоренить» [169].

Перед выносом покойника на кладбище мулла читает молитву — «джуноза», за что получает некоторые вещи покойного. Присутствующие садятся несколькими рядами (по 6—8 человек в ряд) перед умершим и муллой. Когда последний произносит «аллоакбар», все присутствующие прикладывают руки к ушам и говорят «салом», поворачиваясь при этом налево и направо. Значение этого обряда язгулемцами забыто. Затем носилки с покойным трижды поднимают вверх и ставят опять на землю.

Перед выносом тела родственники покойного идут к очагу и в знак горя мажут себе лицо сажей; в этом можно видеть как следы почитания домашнего очага, так и пережиток культа огня.

После этого четверо родных несут тело покойного на кладбище. Носилки ставят около могилы и открывают покойному лицо, чтобы он «в последний раз взглянул на мир». Мужчине лицо открывает глава каума, и на его же обязанности лежит опустить умершего в могилу. Женщине открывает лицо ее дядя по матери, и он же опускает ее в могилу [170].

Могилу роют до 1 м глубиной. Покойника кладут головой на северо-запад.

Мулла пишет умершему на листке «ответ» о том, что он не воровал, жил честно и т. д., и кладет этот «ответ» ему на грудь. Затем присутствующие бросают на тело камни и землю. Каждый из присутствующих берет в руки щепотку земли, читает молитву и сдувает землю на могилу умершего, чем якобы очищается от грехов. Лепешки «пахта-кульча», приносимые на кладбище, делятся на кусочки и раздаются всем присутствующим. После того, как лепешки съедены, возвращаются домой, и мулла опять читает молитву.

По обычаю, в доме умершего нельзя в течение трех дней варить пищу [171], зажигать огонь в очаге. Поэтому родственники в эти дни приносят семье умершего готовый обед. Женщины стирают все имеющееся в доме белье, так как обычай не позволяет иметь грязное белье в доме после смерти члена семьи.

В Язгулеме по покойнику носят траур, заключающийся в том, что избегают надевать новое платье, а девушки и молодые женщины сменяют красный кальбитц на черный.

Через три дня совершаются поминки — «ма'арака». Родные умершего режут курицу или барана, родственники, т. е. члены каума, режут корову или двух баранов и устраивают угощение — «хрочь». Присутствуют

[169] М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений, стр. 7.

[170] Ср. погребальный обряд таджиков Куляба в работе М. Рахимова «Обычаи и обряды...», стр. 121.

[171] Подобные обряды описаны М. С. Андреевым и А. А. Половцевым в Шугнане (указ. соч., стр. 17—19).

члены каума покойного и знакомые; женщинам приходить нельзя. Исключение делается только для маленьких девочек. После угощения мулла читает молитву и все расходятся.

Через три месяца устраиваются вторые поминки. М. С. Андреев [172] пишет, что в действительности поминки устраиваются через два месяца (тогда как по мусульманскому обычаю, они должны быть через 40 дней). В день поминок варят суп и пекут лепешки; весь кишлак приходит в дом к семье умершего, и каждый получает свою долю супа и лепешек и несет к себе домой.

Через семь дней после похорон могильный холм окружают рядом камней и обмазывают глиной. На могилах особо почитаемых старцев вешают на шесте лоскуты и рога горного козла.

Вдова после смерти мужа обязательно возвращалась с малолетними детьми в дом своих родных, если не выходила замуж за брата мужа.

М. С. Андреев сообщает: «Среди язгулемцев существует предание, что в старину, по окончании трехдневного оплакивания, женщина в тот же день возвращалась в дом своих родителей и, переночевав там, тотчас же выдавалась замуж. Как бы то ни было, но даже в течение минувших ста лет мы наблюдаем ясный процесс *удлинения срока между смертью мужа и обязательным новым замужеством*. В предреволюционное время, под напором суннизма, мы видим этот обязательный срок выдачи замуж доведенным в Язгулеме до предусмотренных шариатом 4 месяцев 10 дней, но в соседнем Рушане, как и в долине Бартанга, до сих пор соблюдается срок только три месяца» [173]. Однако язгулемцы в большинстве придерживаются срока 2 месяца и 10 дней. В случае, если вдова осталась беременной, она может сразу же после смерти мужа выйти замуж.

М. С. Андреев [174] отмечает, что беременность не останавливала второй свадьбы. Приходила знающая женщина в качестве официального лица, осматривала вдову и давала свое заключение о беременности. Это было необходимо, чтобы знать, к какому кауму должен принадлежать ребенок, первым появляющийся в новом браке.

В Язгулеме также существует обычай, по которому старик, доживший до глубокой старости, роет себе могилу при жизни. В день рытья могилы устраивается туй, на который приглашаются родственники и знакомые.

Как сообщают язгулемцы, Шах-Камон, проживший 130 лет, в старости вырыл себе 8 могил, потому что каждый раз уступал свою могилу другим, а себе так и не успел вырыть; когда он умер, то могилу ему вырыли родственники. Всякий раз, как Шах-Камон рыл для себя могилу, он устраивал угощение: резал барана и расходовал по 5—6 пудов пшеницы.

* * *

Официальная религия верующих язгулемцев — суннизм — отделяет их от остальных припамирцев — исмаилитов. Однако фактически суннизм распространился здесь только в конце XIX в. в связи с пропагандой бухарского духовенства. До этого язгулемцы были исмаилитами. И в настоящее время в кишлаке Андербак некоторые старики исповедуют исмаилизм. По словам старика-колхозника Мамеда Гавоса Саломова, в прежнее время, очень давно, здесь жили огнепоклонники «оташ-параст». В Язгулеме следы куль-

---

[172] М. С. Андреев. К характеристике древних таджикских семейных отношений, стр. 16.
[173] Там же, стр. 9.
[174] Там же, стр. 8—11.

та огня прослеживаются в почитании домашнего очага (котла), в существовании «алоу-хона» — масджита, где зимой горел неугасимый огонь. Сохранились следы древней зароастрийской религии — деление духов на добрых и злых.

Пережитки переходной стадии от матриархата к патриархату прослеживаются довольно отчетливо в свадебном, родильном и похоронном обрядах. Они сказываются, в частности, в той роли, которую играет в этих обрядах дядя женщины со стороны матери, в обычае возвращения молодой в дом родителей через 6 месяцев после свадьбы. Свадебный обряд свидетельствует о сохранении до недавнего прошлого в среде язгулемцев пережитков древних брачных отношений, связанных с переходным периодом от матрилокального населения супругов с матрилокальным браком к патрилокальному поселению супругов и утверждению патрилокальной семьи.

4. ОБРАЗОВАНИЕ, РАЗВЛЕЧЕНИЯ, УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Благодаря заботе Коммунистической партии и Советского правительства о повышении общей культуры народов нашего Союза, в самом глухом уголке, в прошлом находившемся на окраине Бухарского эмирата, осуществляется обязательное неполное среднее и среднее образование.

Язгулемский язык не имеет письменности. Он относится к группе восточно-иранских языков, к так называемым припамирским, или памирским, языкам. По мнению М. С. Андреева [175], они развились из древних сако-памирских языков.

В Язгулеме, Рушане, Шугнане, Вахане, в течение длительного времени оторванных от культурных центров, местные языки поныне сохранили свои особенности. Один из наших информаторов, Махмадулло-Бек Кыргызов [176], сообщил нам, что язгулемский язык в прошлом был распространен на большей территории, охватывавшей и Каратегин, но теперь он там забыт (вероятно, информатор имел в виду большую распространенность припамирских языков в прошлом). Н. А. Кисляков также утверждает, что «пристальное изучение говоров таджиков Дарваза и Каратегина дало возможность обнаружить в них следы памирских языков, пока, главным образом, в виде лексических элементов» [177].

Р. Готио [178], впервые давший научное определение язгулемского языка, характеризует его как «наречие памирское», которое фонетически имеет много общего с памирскими языками, и отмечает его тесную связь с языками шугнанской группы, особенно с наречием верхнего Бартанга [179]. В отличие от других памирских языков, «язгулемский сохраняет для нёбных звуков их древний характер. Консервативный характер язгулемского языка можно видеть в особенности сохранения начального, заглавного *xw*, которое памирские языки заменяют *x*» [180].

И. И. Зарубин указывает на ряд грамматических черт, характерных для язгулемского языка [181].

---

[175] М. С. Андреев. По этнографии таджиков, стр. 162.
[176] Информатор: Махмадулло-Бек Кыргызов, каум Толиби, кишл. Джамак, 15.VIII 1948.
[177] Н. А. Кисляков. История Каратегина, Дарваза, Бадахшана, стр. 75.
[178] R. Gauthiot. Op. cit. 241—242.
[179] Ibid.
[180] Ibid., p. 257.
[181] I. I. Zarubin. Op. cit., pp. 875—881, pt. 2—3.

Интересна система числительных [182]. Наряду со счетом по-таджикски, язгулемцы помнят на своем языке счет от 1 до 10 и от 20 до 30:

1 — вук	11 — еазда	22 — васта зоу
2 — зоу	12 — дувазда	23 — васта цуй
3 — цуй	13 — сезда	24 — васта чир
4 — чир	14 — чорда	25 — васта пинджь
5 — пинджь	15 — пинзда	26 — васта ху
6 — ху	16 — шонзда	27 — васта увд
7 — увд	17 — афда	28 — васта ухт
8 — ухт	18 — ашьда	29 — васта ну
10 — ну	19 — нузда	30 — си
10 — зус	20 — васт	31 — си-у ек
	21 — васта вук	32 — си-у ду

После 30 счет идет уже по-таджикски.

Счет по-язгулемски население называет «женским».

В связи с ростом культуры, благодаря общению с русскими, в язгулемскую речь вошли без изменения отдельные русские слова и целые выражения, так как значение их трудно передать на местном или таджикском языке. Не говоря о таких словах, которые вошли в производственный быт, как, например, «колхоз», «бригада», «звено», «норма», «перерыв» и т. д., или связаны с общественной жизнью — «депутат», «совещание», «сессия» и т. п., в разговорной речи мелькают слова: «постоянно», «неужели», «все равно» и ряд других.

Интересным и мало объяснимым явлением остается так называемый «секретный» язык язгулемцев, открытый и записанный С. И. Климчицким в долинах Язгулема и Ягноба и употреблявшийся жителями этих долин, хотя их родные языки были непонятны окружающим. С. И. Климчицкий пишет, что у язгулемцев арго, «как и у ягнобцев, переосмысление эпитетов и метафорические иносказания являются наиболее распространенным способом засекречивания. Как и у ягнобцев, обмен и торговля являются сферой применения большей части секретной лексики» [183].

«Большинство из обозначенных этими условными иносказаниями понятий имеет отношение к подаваемому гостям угощению» [184].

Например:

šawēḱ — яблоко;	в обыкновенной речи	— mūn̂
rṓxni, pōq-pōq	яйцо;	»	— ɬximṓrγ
caqx̌ōu̯ — горный козел;		»	— naxc̆ír

Язгулемцы объясняли нам, что секретные слова употребляются для того, чтобы гостю и хозяину не было стыдно, если хозяин прикажет жене принести какое-либо угощение, а его не окажется в доме.

Можно думать, что возникновение секретного языка, специально мужского и женского, связано, с одной стороны, с половозрастным разделением труда (молочное хозяйство всецело находилось в руках женщин), а с другой — со сферой обмена, главную роль в котором играли мужчины. В дальнейшем секретный язык охватил ряд других категорий слов и стал «секретным» для гостей, чужих, которые не должны понимать переговоров хозяев. В настоящее время в связи с развитием государственной и кооперативной торговли этот язык почти не употребляется, хотя население пожилого возраста помнит его еще довольно хорошо.

[182] Личные наблюдения и сообщения информаторов.
[183] С. И. Климчицкий. Указ. соч., стр. 114.
[184] Там же, стр. 116.

В Язгулеме, как и во всех припамирских районах, вторым языком, языком письменности, является с давних времен таджикский. Бытование двуязычия в припамирских районах позволяет убедиться в том, как с развитием экономических и культурных связей с более развитым таджикским народом, близким припамирцам по происхождению, идет вытеснение местных наречий родственным им более мощным языком, который становится сначала «международным языком», постепенно совсем вытесняя местные наречия. Таким языком в припамирских районах является таджикский.

В целях облегчения национальной консолидации припамирских народностей и учитывая существовавшее двуязычие населения обучение в школах ведется на таджикском языке. В Язгулеме имелись две школы-семилетки, находившиеся в крупных кишлаках: Матраун и Джамак. В кишлаке Андербак в 1953 г. была открыта десятилетка. В каждом кишлаке имелась начальная школа. Выросли свои кадры учителей, окончивших специальные курсы в Гарме и Хороге. Директором школы-десятилетки был Карим Махмадуллобеков, окончивший Высшую партийную школу в Сталинабаде. Его сестра Махмадуллобекова Бегим окончила Хорогское педучилище и преподавала в школе-семилетке в Джамаке. Манон Бобоев, после окончания Высшей партийной школы, работал директором школы-семилетки в Джамаке. Его жена Биби-Курбон — тоже учительница начальной школы. С открытием десятилетки в 1953 г. в Язгулем были присланы из хорогского педучилища четыре учителя-рушанца и одна русская преподавательница русского языка и литературы, окончившая Курское педучилище.

Рис. 37. Школьница-язгулемка

Девочки-язгулемки получают образование наравне с мальчиками (рис. 37). Так, в Андербакской неполной средней школе в 1948 г. обучалось 80 детей, из них 35 девочек. В открытой в 1953 г. десятилетке в восьмых классах обучались девочки и мальчики, окончившие семилетку в 1949—1952 гг. Осуществление среднего образования в Язгулеме, особенно для женщин, является крупным достижением советской власти.

До 1930 г. [185] школ в сельсовете не было. Грамотные люди — «мулло» — насчитывались единицами. Они получали образование в Калаи-Хумбе, а затем учили грамоте, т. е. чтению священных книг по-арабски, детей состоятельных родителей. В 1931 г. в Андербаке открылась первая школа. Одним из первых учителей был Манон Бобоев. Вторая школа открылась в Матрауне. Даже из Джамака, расположенного вверх по реке на 20 км выше Матрауна, посылали детей в школу — так велика была тяга

[185] Информаторы: Манон Бобоев, каум Толиби, Файоз Шолинов, каум Холумбеги, кишл. Андербак, 14.IX 1948; Такый Хабиров, каум Мирбони.

к образованию. Теперь после окончания школы молодежь едет учиться в Хорог в педучилище, в фельдшерскую школу (куда, например, Ходжа Джалилов уехал в 1952 г.) и институты. Так, в 1953 г. Мусо Махмадуллобеков учился в университете в Самарканде, Олимбек Шодоров — был студентом пединститута в Сталинабаде, Заолим Одинаев — в Университете в Сталинабаде и др.

Колхозники систематически получают газеты, журналы и книги. В 1953 г. на каждый из трех колхозов, в зависимости от числа колхозников, выписывалось определенное количество газет и журналов. Однако литература и почта приходят в Язгулем из-за сложных географических условий с большим запозданием.

Одним из показателей роста личности в советских условиях является почтовая переписка. В прежние времена язгулемец, уходя на заработки, на долгие годы терял связь с родным краем, близкими людьми. Теперь систематически на адрес сельсовета поступает личная корреспонденция. Пишут уехавшие учиться или работать в Сталинабад, Хорог и другие города. В каждом кишлаке имеется почтовый ящик. Почтальона Шейха Джалилова, жители кишлака Андербак, нетерпеливо ждут. Он приносит новости из района, письма, из которых колхозники узнают о жизни и успехах своих родных и знакомых.

Еще вплоть до 1930 г. в Язгулеме бумаги не было, писали на березовой коре — «бырыж». Теперь бумага прочно вошла в быт язгулемцев.

Школа является центром культурной жизни Язгулема. В школах имеются профсоюзные организации учителей. Юноши и девушки, вступившие в комсомол, окончив школу, продолжают сохранять связь со школьной комсомольской организацией, посещают собрания и участвуют во всех мероприятиях, проводимых ею. Члены партии и комсомольцы борются за проведение новых, социалистических начал в быт кишлака и семьи и пользуются большим авторитетом.

Сильно выросла партийная организация; членов партии более 20 человек, много кандидатов в члены партии, а также комсомольцев. Первичные парторганизации есть в школах и в колхозах (отдельно).

В 1948 г. к ноябрьским праздникам в колхозе, расположенном в кишлаке Джамак, был открыт клуб. Помещение клуба небольшое, в одну комнату. Обычно после лекций и докладов (кстати сказать, довольно редких из-за трудных дорог) выступают участники художественной самодеятельности; среди них много детей. В 1953 г. клубом заведывал Файоз Шолинов, в прошлом учитель начальной школы. В Джамаке клубом служила чайхана, рядом с конторой колхоза. В 1953 г. начали строить клуб в кишлаке Вышхарв, в колхозе им. Ворошилова (кишлак Матраун) есть клуб и библиотека.

Язгулемские дети бóльшую часть дня проводят на воздухе. В играх дети подражают взрослым: из глины строят дома, делают лепешки, «варят» пищу, шьют и стирают белье куклам. Кукла — «вадзок» сделана из палочек, связанных крестом. Голова обмотана тряпками и вместо лица нашиты цветные ромбы [186]. Стороны одного ромба изображают волосы, стороны других — глаза, рот, нос. Куклам шьются рубахи, головы их повязывают платком циль. Среди игрушек встречаются также деревянные лошадки, маленькие колыбельки и т. д.

Любимым развлечением мальчиков и своего рода спортом для юношей, как нами отмечалось выше, является охота на птиц с двухтетивным лу-

[186] Мусульманская религия запрещает изображать человека и животных, поэтому изображение черт лица в вышивке стилизовано.

ком — «кманак». Мальчик лет с четырех уже имеет лук по своему росту и учится стрелять. Дети любят также играть в камушки. Игра заключается в следующем: один камень является битком; по нему щелкают пальцем, стремясь попасть в другой камень. Если это удается, то играющий берет этот камень себе. Выигрывает тот, кто наберет больше камней.

При клубах работают кружки художественной самодеятельности: хоровые, струнные, танцевальные. В ходу таджикские танцы — своих, язгулемских, нет. Вечерами молодежь собирается играть в шашки и т. п. Изредка в Язгулем попадает кинопередвижка, иногда сюда добираются и бригады артистов. Так, летом 1953 г. приезжали артисты областного Хорогского театра и давали концерты на открытом воздухе. На эти концерты приходили колхозники даже из самых дальних кишлаков.

Народные развлечения, вошедшие составной частью в религиозные праздники, с отмиранием последних и под влиянием изменяющейся идеологии переносятся в советские праздники, которые отмечаются всем населением. Особенно торжественно празднуются дни 1 мая и 7 ноября. На эти праздники все колхозники из кишлаков приходят в центр сельсовета — кишлак Андербак. Около сельсовета организуется митинг. С докладом выступают приезжающие из района руководящие работники. Каждый колхоз в дни праздников организует красную чайхану. После общего угощения колхозники развлекаются борьбой, пением, игрой на музыкальных инструментах.

Еще бытуют старинные развлечения. На свадьбах и обрезаниях устраивают козлодрание. Язгулемцы любят также бои перепелов. У многих есть прирученные для этого перепелки. Иногда устраивают собачьи бои: хозяева собак берут их за уши, приподнимают и бросают друг на друга; присутствующие криками раззадоривают грызущихся собак.

Однако любимыми развлечениями язгулемцев на праздниках и в часы отдыха являются пение и музыка. Преобладают струнные щипковые инструменты: двухструнный дутор (рис. 38, *а*) и трехструнный рабоб, по-язгулемски «дурва» (рис. 38, *б*). Выделывает их местный мастер-плотник Ерали Гулемов из кишлака Барнавадж. Широко распространен смычковый инструмент типа скрипки — «жигак» (рис. 38, *в*). Резонатором служит простая железная коробка — «сандак», струны привозные или самодельные из козьих жил. Для воспроизведения звука проводят смычком по струнам — «теер». Смычок — «ворх» сделан из конского волоса (до 8—10 штук), закрепленного на лукообразном «ворхи даста» и имеет вид лука. Бубны — «дуф», которыми аккомпанируют себе женщины, состоят из деревянного обруча, обтянутого бараньей кожей.

Лучшие певцы и музыканты Язгулема: Шодор Шомов из кишлака Джамака, бывший до 1948 г. председателем сельсовета, Файоз Шолинов из кишлака Андербака, работавший зав. клубом в колхозе (кишлак Джамак) и учитель Заробек Соколов из кишлака Вышхарв. Последние два в августе-сентябре 1953 г. вылетали в Сталинабад на республиканский смотр художественной самодеятельности вместе с другими представителями от Горно-Бадахшанской автономной области. Обычно певцы черпают репертуар у поэта Лахути, у старинных и современных поэтов Таджикистана и из фольклора.

В праздничные дни и часы отдыха язгулемцы любят рассказывать и слушать различные сказки и легенды. Большой известностью пользуется сказка «Хаскала Бодур». «У одного бедняка была дочь-красавица. Ее сватал падишах. Но вдруг пришел с гор медведь и унес девушку в горы. У себя дома медведь уснул, а девушка начала прясть шерсть и клубок бросила вниз, в кишлак, в дом своего отца. Отец по нитке клубка нашел

дорогу к медведю, убил его, снял шкуру, а девушку привел домой. Падишах женился на девушке. Она родила сына-получеловека, полумедведя. Нижняя часть тела медвежья, верхняя человечья. Назвали его Хаскала Бодур.

Когда мальчику исполнилось пять лет, он был силен как десятилетний. Когда ему было 15 лет, он по силе был равен 20-летнему и всегда

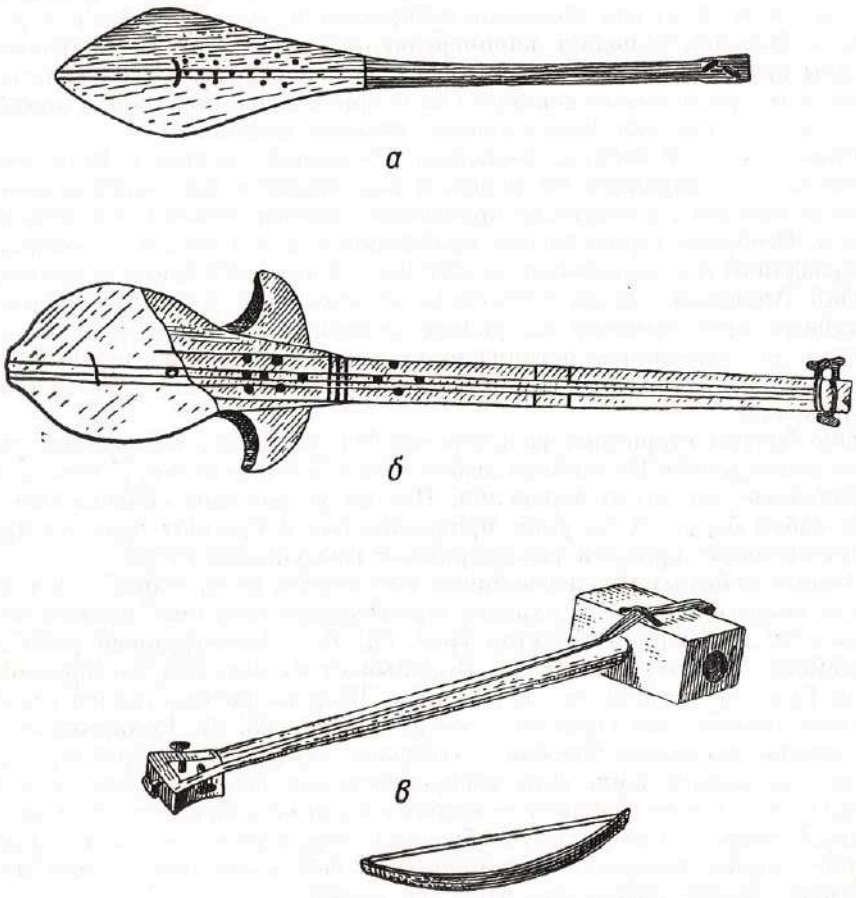

Рис. 38. Музыкальные инструменты
а — «дутор», *б* — «рабоб» («дурва»), *в* — «жиган»

побеждал в борьбе. Однажды он попросил мать собрать ему еды в дорогу и сказал, что идет сразиться с самым главным силачом Кух Гарду.

Когда он пришел к Кух Гарду, тот сказал, что он только ученик Кух Гарду. Полумедведь ударил Кух Гарду один раз и тот сразу вошел в землю и стал просить не убивать его, говоря, что будет его братом. Далее полумедведь встречается с Оснеб Гарду и Чинор Гарду и побеждает их. Они стали его братьями, поселились возле одной мельницы и по-очереди ходили на охоту. Трое идут на охоту, один остается и готовит обед. Но каждый раз приходит старик с длинной бородой и все съедает.

Наконец, Хаскала Бодуру подошла очередь варить обед. Когда пришел старик и хотел съесть обед, Хаскала Бодур ударил его, и старик провалил-

ся сквозь землю. Когда пришли его товарищи, он им рассказал, в чем дело. Стали по-очереди спускаться вниз, но ничего из этого не вышло, так как всем было очень горячо.

Тогда опустился Хаскала Бодур. Он попал в нижний кишлак и увидел девушку, которая плакала по убитому им бородатому старику. Он ее утешил, взял на руки и велел своим товарищам тащить веревку вверх. Но те трое, как только взяли девушку у него из рук, обрезали веревку и Хаскала Бодур упал. Он попал опять в нижний кишлак. Его увидела одна старуха и сказала: «Будь моим сыном». Хаскала Бодур согласился. Взял ее слона и привез много дров. Старуха не велела ему ночью выходить из дома. Он посмотрел вокруг и увидел, что в одной части кишлака играют свадьбу, в другой — все плачут, в третьей виден яркий синий, красный, зеленый свет.

Старуха ему объяснила, что в водоеме живет семиглавый дракон. Он ест каждый день корову, барана, человека и много лепешек. А сейчас падишах должен отдать дракону свою дочь. Хаскала Бодур взял меч и пошел на берег. Там он увидел девушку. Она плакала и просила юношу уйти, иначе его съест дракон. Юноша сказал: «Я усну, а когда дракон появится, разбуди меня».

Вдруг вода посинела, потом покраснела — дракон стал появляться.

Слеза девушки упала на щеку Хаскала Бодуру, и он проснулся, вскочил и отрубил голову дракону. Дракон сказал: «Это не моя голова». А Хаскала Бодур ответил: «Это не мой меч». И так он отрубил ему все семь голов.

Жители кишлака устроили праздник. Хаскала Бодур натянул лапы дракона на дерево и ушел домой. Падишах спросил народ, кто убил дракона. Все молодые кричат: «Я... Я...».

Тогда падишах сказал: «Кто снимет лапу дракона с дерева, значит тот и убил». Все пробовали, но никто снять не мог.

Пошли за Хаскала Бодуром. Он надел красивое платье, пошел к дереву и три раза снял и повесил лапы.

Падишах спросил его. «Что ты хочешь?» Он ответил: «Хочу в Верхний кишлак». Падишах сказал: «Хорошо. Знай, что у птицы Семург убивают детенышей. Сохрани жизнь ее детенышам, и она тебя поднимет наверх».

Он пошел к гнезду и стал охранять детеныша. Убил волка и всех, кто подходил к гнезду. Вдруг детеныш говорит: «Мать летит. Заройся в землю, а то увидит — съест». Прилетела Семург, увидела детеныша живым, обрадовалась. Спрашивает: «Кто спас?» Детеныш сказал. «Проси, что хочешь»,— объявила Семург. Хаскала Бодур ответил: «Хочу в Верхний кишлак».

Тогда они приготовили много пищи в дорогу, и Семург полетела вверх спиралью. Осталось всего 15 минут до Верхнего кишлака, но тут кончилась вся пища. Чтобы у Семург была сила, Хаскала Бодур дал ей свою ногу. Она съела и сказала: «Вкусно. Что это?» — он ответил: «Моя нога». Птица сказала: «Если б это ты мне внизу сказал, я бы тебя съела». Затем Семург выплюнула кровь, и у Хаскала Бодура выросла нога. Он благополучно прибыл в Верхний кишлак, пошел на мельницу, убил трех предателей, забрал девушку и вернулся домой» [187].

Образцы поэзии Язгулема собирались русскими исследователями С. И. Климчицким, И. И. Зарубиным, но, к сожалению, не увидели света. Многие исследователи утверждают, что в Язгулеме нет народных поэтических произведений. Все, что поется и рассказывается на вечерах,

[187] Информатор: Хомуш Азораев, каум Толиби, кишл. Джамак, 28.VIII 1948.

праздниках, якобы, заимствовано у таджиков. В известной части это правильно и говорит о начавшемся еще в давние времена приобщении язгулемцев к таджикской культуре. Но Ленц [188] справедливо возражает против утверждения многих исследователей о том, что язгулемцы не имеют своей поэзии. Он приводит несколько даргеликов (любовных песен), записанных им в Сталинабаде от язгулемца Ашур Мамада, уроженца кишлака Матраун. Как нам удалось выяснить во время работы в Язгулеме в 1947—1948 и 1953 гг., язгулемские песни и поговорки, сохраняющиеся особенно среди женщин (как, например, колыбельные песенки), трудно переводимы с язгулемского на другие языки. Наши информаторы смогли записать эти песни на язгулемском языке, пользуясь таджикским алфавитом. Наряду с этим, имеются фольклорные язгулемские произведения, авторы которых сочиняли их уже на таджикском языке. Приводим переводы некоторых из них, записанные для нас язгулемцами по-таджикски.

Гулял в Язгулеме,
Увидел сто тысяч цветов в цветнике,
Стали блестящими здесь
Сады и цветы в цветнике.

* * *

Куда делись беседы друзей и товарищей,
Куда делись красивые девушки,
Куда делась беседа друзей и братьев?
Куда делся для людей красивый вид?

* * *

В лесу Андербака триста красавиц
Кетменем переворачивают землю.
Хотя бы большой реки не было впереди,—
Я должен выбрать лучшую из красавиц.

Нур Алиев, 9.IX 1948.

* * *

О, друг моего сердца, пойдем в сад,
Возьмем твой платок и пойдем спать.
В платке твоем нельзя спокойно спать.
Эй, горный соловей, что ты поешь в моем саду?
На лугу красивые виды,
Соловей нежно поет здесь.

Файоз Шолинов, 9.IX 1948.

* * *

Если я поцелую рубин твоих губ,
Что будет?
Если грудь [твою] приближу к своей груди,
Что будет?
Я влюбленный в тебя, сгорел, как шашлык.
Если руку свою положу на твою шею,
Что будет?

Нур Алиев, 2.IX 1948.

[188] W. Lentz. Op. cit., S. 105—106.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Язгулемцы — «згамик» — являются одной из припамирских народностей, связанных между собой общностью происхождения, языка, материальной и духовной культуры. Эти связи следует считать древними, сложившимися на основе общности происхождения, общих условий существования, до некоторой степени общих исторических судеб. Как мы уже отмечали, современное население припамирских стран — смешанного происхождения и имеет общие с таджиками корни этногенеза.

До советской власти народы Средней Азии еще не сложились окончательно в нации. Национальной консолидации мешала территориальная раздробленность и изолированность целого ряда народностей (в том числе и припамирских), их общая отсталость, выражавшаяся в наличии пережитков первобытно-общинных и феодальных отношений, которые тормозили историческое развитие этих народностей и делали практически невозможным завершение процесса консолидации буржуазных наций в Средней Азии.

Включение ряда народов Средней Азии в состав царской России было прогрессивным фактором, так как они получили возможность приобщиться к передовой культуре русского народа. Русское влияние сказалось в развитии промышленности, результатом чего явилось развитие рабочего класса в Средней Азии. Как пишет Б. Г. Гафуров, «передовые, революционные идеи русского пролетариата все в большей мере пробуждали сознание народов Средней Азии. В результате трудящиеся таджики, узбеки и другие народы Средней Азии смогли присоединиться к революционному движению русского пролетариата под руководством большевистской партии» [189].

Необходимо, однако, учитывать, что национальная политика царского самодержавия тормозила экономическое и культурное развитие народов Средней Азии, в частности таджиков. Административное устройство Средней Азии и дележ «сфер влияния» в Средней Азии между царской Россией и Англией еще более ослабили возможность консолидации наций, так как после соглашения 1895 г. между Англией и Россией к Афганистану отошла часть родственных таджикам народностей Припамирья.

Национальное размежевание Средней Азии после победы трудящихся масс в гражданской войне, подготовленное и проведенное под руководством Коммунистической партии, имело своим итогом образование ряда социалистических республик.

Образование свободной национальной Таджикской Советской Социалистической Республики территориально объединило припамирские народности с таджиками.

Большое культурное значение имеет введение всеобщего среднего образования на таджикском языке, что особенно важно, так как через посредство таджикского языка народности западного Памира приобщаются к культуре таджикского народа. Этот процесс постепенного изживания двуязычия проводится в интересах народа, чем в корне отличается от мучительного процесса насильственной таджикизации язгулемцев, проходившего под лозунгом исламизации иноверцев, начавшегося в период владычества бухарского эмирата в этих районах.

Народности западного Памира, в том числе язгулемцы, впервые получили возможность познакомиться с таджикской, а также дореволюционной и советской русской литературы и литературой других братских

[189] Б. Г. Гафуров. История таджикского народа в кратком изложении, ч. 1. 1949, стр. 411.

народов Советского Союза. Имена известных таджикских писателей: Садриддина Айни, Мирсаида Миршакара, Мирзо Турсун-Заде — произносятся с любовью и гордостью. Растет национальное самосознание язгулемцев.

Еще в начале XX в. язгулемцы не считали себя таджиками: себя они называли «згамик»; говорящих по-таджикски бухарцев, дарвазцев — таджиками; горцев Припамирья, говорящих на особых языках, называли так, как те сами себя называют: рушанцы — рыхин, шугнаны — шигнау. В настоящее время на вопрос «Какой Вы национальности и какой Ваш родной язык?» — язгулемец отвечает: «таджик; недавно стали мы таджиками, а язык родной мой — «завыги згамик» (язгулемский)».

Таким образом, общность территории, общность экономической жизни, достигнутая благодаря социалистической системе хозяйства и советской кооперативной торговле, развитие транспорта и ликвидация прежней изолированности, введение единого государственного языка (каким является таджикский), приобщение к культуре таджикского народа, национальной по форме и социалистической по содержанию, в результате охвата припамирских народностей всеобщим обучением на таджикском языке, проникновения передовой идеологии, способствующей превращению забитых до недавнего прошлого язгулемцев в активных строителей новой жизни, а также вызвавшей невиданный рост личности в социалистических условиях (о чем говорит, например, избрание в органы государственной власти передовых женщин-язгулемок),— все эти факторы вместе взятые обусловливают участие язгулемцев, как одного из компонентов в консолидации таджикской социалистической нации.

Таким образом, ассимиляция припамирских народностей (в пределах СССР) с таджиками является шагом вперед в деле консолидации таджикской нации и приобщения ее к социалистической культуре.

Процесс консолидации социалистических наций в советских условиях лишен элементов стихийности. Он протекает в рамках советской государственности, его направляет и им руководит Коммунистическая партия, следуя своей национальной политике, основывающейся на интернационалистических принципах. Успешное разрешение национального вопроса в Средней Азии и блестящие достижения, полученные в итоге развития союзных республик за годы советской власти, служат ярким примером для народов зарубежного Востока в их борьбе за свою национальную независимость.